

Михаил Рябий

*«Пока душа
ещё жива...»*

Штрихи

к творческому портрету
Дмитрия Мизгулина

Литературный фонд «Дорога жизни»

Санкт-Петербург
2020

*Михаил Рябий.
Фотопортрет
работы В. С. Копнова.*

Михаил Рябий
«Пока душа ещё жива...»
Штрихи
к творческому портрету
Дмитрия Мизгулина

Литературный фонд «Дорога жизни»

Санкт-Петербург, «Любавич»
2020

УДК
ББК
Р69

Рябий М. М.

Р69 «Пока душа ещё жива...» Штрихи к творческому портрету Дмитрия Мизгулина/редактор В. А. Рыбакова, дизайн – А. А. Евменова. – СПб.: 2020. – 320 с.: илл., в оформлении использованы рисунки А. С. Бакулевского, фотографии из личного архива Д. А. Мизгулина.

ISBN

Мне всегда казалось загадкой то, как истинный художник не растворяется в смешении самых разнообразных противоположностей, а гармонично увязывает логически выверенное с интуитивным и бессознательным. Почему писательская мысль не заботится о своей законченности? Наверное, гораздо важнее оставить место читателю для собственного дополнения! Зато никто не посмеет упрекнуть творца в том, что он подгонял материал под свою задачу, претендуя на вечные истины. Кроме того творчество писателя находится во внутренней взаимосвязи с теми проблемами, что всегда волновали русскую литературу – осмысление бытия человека, его самоопределение в обществе. Важно постигнуть и саму творческую личность в её духовном поиске и отзывчивости ко времени.

УДК
ББК

ISBN ***_*_***_*****_*

© Д. Мизгулин, 2020
© М. Рябий, 2020
© В. Рыбакова, 2020
© А. Евменова – дизайн

Михаил Рябий

«Пока душа ещё жива...»

Штрихи
к творческому портрету
Дмитрия Мизгулина

**ВМЕСТО
ПРЕДИСЛОВИЯ:****РАЗМЫШЛЕНИЕ
О ЛИЧНОСТИ
ХУДОЖНИКА
В ЗЕРКАЛЕ КРИТИКИ**

Люблю я критиков моих.
На шее одного из них,
Благоуханна и гола,
Сияет антиголова!

И это хорошо, что среди всех, писавших о его поэзии, нет ни «антиголов», ни зоилов. Был у древних греков такой «бич Гомера» по имени Зоил, которого все современники чурались. Никто до и после него из древнегреческих филологов не посмел усомниться в гомеровском гении! И только Зоил перешагнул роковую черту, с той поры это имя стало нарицательным, которым пугают людей творческих...

На самом деле существует множество типов критиков. Например, критик-просветитель, видевший свою миссию в разъяснении читателю произведений с точки зрения идеологических направлений, к которым автор не имел никакого отношения.

Некоторые запальчивые критические головы договаривались до того, что писатель вовсе не понимает смысла, всего им изображённого, поэтому критика была призвана разложить по полочкам публике все черты, составляющие его творчество. А Чернышевский, пришедший за «неистовым Виссарионом», решил «обуздать» уже и мировоззрение авторов социал-демократическими узами, но что-то не очень-то нынче вспоминают у нас сегодня Николая Гавриловича и его труды...

Нынешняя пора не лучшая для литературной критики. Теперь, когда она с такой быстротой европеизируется, разделяясь на «буржуазию» и «пролетариат», писатель вынужден испытывать на себе не столько её влияние, сколько давление собственной внутренней цензуры. Кроме того, автору нужно сохранять хорошие отношения не только с властями, но поклонниками своего таланта, и при этом не забывать про настрой общества, держать нос по ветру. Кто из современных художников в состоянии противиться жажде нравиться тем и этим? Стойких всегда было мало,

Писатель одолевает белоснежную равнину листа обычно в совершенном одиночестве в отличие от критика, который всегда его только догоняет... Не от того ли литературная критика не так совершенна, как бы этого хотелось, прежде всего, авторам произведений? Поэзия Дмитрия Мизгулина привлекает исследователей, и вряд ли кто-то из них может претендовать на стихотворные строки Андрея Вознесенского:

а теперь, когда у нас столько малокультурных писателей, издающихся по протекции или за собственный счёт, что прикажите делать современной критике? На всех её просто не хватает! Да и не подготовлена она к наступившей эпохе «всепечатанья».

Может, от того суждения критически настроенных современников весьма обтекаемы и дают возможности для различных читательских интерпретаций, точнее для поворота их в любую сторону, выгодную для текущего момента: «чёрное и белое не носите, “да” и “нет” не говорите». Эта «детская» политкорректность, выступающая своеобразным шифровальным кодом нынешнего критиканства – дань нашему времени и часть нынешней брендовой культуры. Конечно, никому из рецензентов не возбраняется иметь подобные мнения. Однако при этом не следует забывать: оценка неординарности художника должна соответствовать его уровню, пусть даже она выносится с помощью проверенных на творчестве других мэтров литературоведческих клише, которые в зависимости от симпатий или антипатий, а также других стимулов, могут быть плохими или хорошими. В большинстве случаев обычно не важен анализ творчества, а как пелось в некогда популярной песенке 1980-х телехита «Чародеи»:

Главное, чтобы костюмчик сидел
Непринуждённо, легко и вальяжно.
Всё остальное, поверьте, не важно...

При таком подходе критика-портного читатели обязательно убедят себя: «Мы именно так всё это и представляли!» Да, именно таким образом появляется ещё один стежок на поверхности платья порою голого короля, что представляет собой, так называемая, массовая культура. Она, подделываясь под настоящее искусство, ведёт с нашей художественной словесностью борьбу не на жизнь, а на смерть... Понимая трагизм ситуации

в современной литературе, Дмитрий Мизгулин однажды изрёк: «За “палёную” водку могут дать срок. А за “палёную культуру”? Это ведь ещё хуже».¹

В продолжение этой темы добавлю – бывает и «наоборот» с этой самой критикой! – и тогда писателя ругают и делают козлом отпущения за все его прегрешения, существующие и несуществующие. По этому поводу в адрес литературной критики совершенно справедливо заметил Александр Сергеевич Пушкин: глупость осуждения не столь заметна, как глупая хвала. Спустя столетие, в советское время, когда многих успешных писателей порождали директивы, наша критика именно этот опыт взяла на вооружение, потому-то не редкостью было критиканство по заказу «сверху» или «сбоку»...

Как это «сбоку»? А вот как!

Прозаик, член СП СССР Анатолий Шавкута поведал в интернете, как в советскую эпоху он учил зарабатывать деньги на рецензиях молодого автора, некоего Кукушкина. Писатель раздобыл для начинающего «критика» где-то стандартный текст ответа из редакции. За каждый ответ журнал платил по рублю рецензенту. За ночь можно было накатать 50-60 отписок. (В 1970-х годах 50 рублей были хорошие деньги, бутылка «Столичной» стоила 4 руб. 12 коп.). Рецензент был страшно доволен дурному заработку, брал рукописи домой, подключал к работе жену и тещу. Все авторы получали ответ рецензента на свои произведения, не подозревая, что их опусы никто не читает. Однажды и сам Анатолий получил письмо из редакции журнала. Печатный текст за размашистой подписью рецензента гласил (полностью сохраняем текст письма):

«Уважаемый товарищ!

Мы внимательно прочитали Ваши рассказы. Человек Вы

¹ Мизгулин Д. А. Ночник. – СПб.: АПИ, 2010. – С. 100.

безусловно способный, но Вам надо учиться литиратурному мастерству, больше работать над формой, совершенствовать стиль. Советуем посещать какое-нибудь литиратурное объединение. Желаем Вам успехов!

Рецизент Кукушкин А. В.»

Дмитрий Мизгулин в «Ночпике» рассказал о собственном опыте получения рецензий. В молодости в течение девяти лет он сталкивался с редакторской «дружелюбностью» в попытке выпустить первую книжку стихов. А ведь с первым поэтическим сборником «Неоновое небо» читатели могли бы познакомиться ещё в 1983 году! Именно тогда он наткнулся на рецензентов вроде А. В. Кукушкина. Они «катали однообразные тексты рецензий примерно на полторы машинописных страницы – с размашистой подписью внизу (ещё на полстраницы). Текст, примерно, был такой: *надо работать и работать, всё пока плохо и раздражительно (несколько строчек из текста), но есть и творческие удачи (это можно и без примеров), в целом книга не удалась, но продолжайте писать...*

Или, ещё смешней, посылали в литературное объединение. Потренироваться. Лично я однажды, послав рукопись книги в издательство (а было мне тогда 23 года), получил просто фантастическую рецензию. Рукопись моя, писалось мне, была (в порядке эксперимента) обсуждена на заседании (!) литературного объединения «Самоточка» Московского шарикоподшипникового завода. Это был 1984 год, и, естественно, к слову рабочего класса прислушивались.

...Рабочие раскритиковали половину стихов, а половину похвалили. От их имени всю эту разнокалиберную галиматью подписал руководитель литературного заводского объединения – по фамилии не помню, а по имени и отчеству – внимание Платон (!) Сократович (!). В то время это считалось идеологически невыдержанным – носить такие вот имена-отчества. Но, тем не менее, допускали же к рабочим!

К рабочим – допускали. А вот к кормушке – нет. Жили-то писатели-поэты, прописанные в Союзах и в издательствах, неплохо».²

Почему-то принято считать, что между критиком и писателем существует закрытая дверь и два творческих взгляда встречались лишь в замочной скважине. Это не совсем так: критик нужен и писателю, и читателю. Хороший критик, имеющий вкус – просто клад! Один только исторический пример. Современники Пушкина, преимущественно потомственные дворяне, казалось бы, разбирались в отечественной словесности. Но почему тогда многие из них отрицали гениальность Александра Сергеевича?

Причина довольно-таки банальна: у них не было целостного восприятия его творчества, хотя бы такого, какое есть у нас. Многие из них не имели истинного литературного вкуса и в большей степени находились под влиянием общепринятого мнения в российском культурном обществе, суть которого всегда сводилась к тому, что нет пророка в своём отечестве. Если такой образованный и свободный в своих мнениях человек, как император Николай I, прислушивался к мнению Фаддея Булгарина в оценке пушкинского творчества, то, что тогда говорить про остальных читателей, ориентированных в большинстве своём на слепок, а не на оригинальное явление в мире искусства?

И чего только не было во взаимоотношениях писателей и критиков! Например, критик громогласно объявлял писателя человеком без сюрприза внутри, неинтересным и банальным, но читатели, напротив, не верили, считая, что только писатель может разобраться во многих запутанных вещах в отличие от тех, кто не мыслит в глубоком смысле этого слова, а занимается только процессом мышления. Есть и такие критики, которые, как один гоголев-

2 Мизгулин Д. А. Ночпик. – СПб.: АПИ, 2010. – С. 21-22.

ский персонаж, не читают, а только занимаются процессом чтения.

Критическое перо – это не инструмент для прилежного выведения орнамента из дежурных мадригалов или напротив, очередной хулы, а средство документирования реальности, в том числе, и нынешней эпохи с отзвуками времён, доносящихся эхом из недр мировой истории. Не забудем и о том, что художественные и публицистические произведения, подвергающиеся критическому разбору, – во многом вымысел, куда вложена частица писательской души. Лирические герои, художественные – вымышленные и не вымышленные – разгуливают по страницам книг и действуют на фоне соответствующих исторических декораций в старинных и современных костюмах. При этом они, не имея ничего общего с реальностью, выглядят как вполне живые из-за того, что неоднозначно, «по-свойски» и даже щегольски выведены автором.

У Мизгулина ничего просто так не бывает: в какой-то момент может показаться, что удалось, наконец-то, вычленив отдельную из множества остальных тему, однако вслед за этим приходилось констатировать: нет, она, не привыкшая к затворничеству, сходится с ещё одной, а то сразу с несколькими другими. Такое перетекание одного в другое по причине обнаружения новых, непредвиденных, как казалось ранее, сходств, и есть одна из особенностей почерка поэта и публициста, каким является Дмитрий Мизгулин. Идеологическое и художественное единство его работ можно рассматривать лишь как проект, но не как состояние самого творчества – оно, как у любого талантливого автора, сложно и разнообразно. Поэтому у критиков не бывает единого мнения по поводу художественных произведений – и это верно, ибо единство суждений о предметах, обсуждаемых, может быть явлением только воображаемым.

Мне казалось всегда загадкой, как тот или иной мировой классик в своём творчестве не растворился в смешении самых разнообразных противоположностей, не запутался

в соседстве логически связанного с интуитивным бессвязным. Не от того ли писательская мысль не заботится о своей законченности? Читателю всегда остаётся место для её дополнения. Зато никто не посмеет упрекнуть художника в том, что он подгонял материал под свою задачу, претендуя на вечные истины.

Лично мне по душе искренний мир православного поэта. В нём неподдельность чувств, нет рисовки, позы и актёрства. Художник близок своим читателям в первую очередь не особенной техникой стиха, а прежде всего задушевностью, заинтересованным диалогом с читателем, а потом уже всем остальным, что обогащает его поэзию. Хотя у самого Дмитрия с каждой новой книгой, посвящённой поэзии или публицистике, появляются новые, порою неожиданные художественные образы, исторические или лирические герои, необычные сюжеты и всевозможные идеи. Творчество любого настоящего художника находится во внутренней взаимосвязи с постановкой тех проблем, что всегда волновали русскую литературу. Духовный поиск отечественной словесности распространялся в пределах мировоззренческих сфер, которые волновали отечественных писателей и мыслителей, прежде всего, в нравственных и философских аспектах. Зачастую главной сутью художественного творчества выступало осмысление бытия человека, его самоопределение в обществе, как в итоговой реальности социума, ставшего следствием различных исторических процессов. И, конечно же, важно в этом контексте постигнуть саму творческую личность, в её отзывчивости ко времени. Дмитрий признаётся: любое моё стихотворение, написанное недавно или несколько лет назад, для читателя живёт в настоящем. То, что поэт пережил когда-то, может стать для читательского сознания детонатором для эмоционального взрыва! Такова специфика настоящих стихов...

Дмитрий Мизгулин интересен и как поэт, и как публицист и рассказчик, и как личность, и есть надежда, что читатель, познакомившись с книгой, подтвердит наше мнение.

А нам остаётся только добавить. Если литературную критику погоняют усилие и сомнение; если критик не тот, кто даёт правильные ответы, изучая художественные тексты, но тот, кто ставит правильные вопросы; наконец, если усилия критика помогут приоткрыть занавес, за которым скрыт писательский мир, вызовут интерес к нему и подтолкнут читателей к дальнейшим размышлениям, то уже ради одного этого миссию спутника писателя – критика – можно назвать успешной!

«Пока душа ещё жива...»

МИХАИЛ РЯБИЙ

Глава 1.

АВТОР, ЕГО ОБРАЗ И БИОГРАФИЯ

но можно в доме вернуться
отсюда и назад и прощай,
если уже совсем неадекватно...
и поменяет
на шак
какой-то извне поступил
тогда...
но можно ли равно...
но, ну не было ли равно?
и... дами
последнее
повесит до ширмы окно.

оно само
какую-то восток и запад,
и и себя предч
но диаметры
элементы, это и сейчас,
но при этом и и со временем
повесит восток и запад
и восток и запад.

В одном из интервью Дмитрий Мизгулин обмолвился:

«Если говорить о вечных делах, это – то, что останется после меня. Жить будет только слово».³

³ Мизгулин Д. Беда не в дураках и не в дорогах // Интервью с президентом Ханты-Мансийского банка о его деятельности / Д. А. Мизгулин; записал А. Фатеев // Тюм. Известия, 2011, 10 сент. – С. 1.

«Слово», собственно, и представляет главный интерес, когда речь идёт о писателе. Однако читатель часто судит, особенно о поэте, не по тому, как он пишет, а по тому, какой образ автора возникает в его воображении при знакомстве с творчеством. И в большинстве своём этот образ смешивается читателем по ошибке с лирическим героем. Хотя бывает, что писательские репутации выдумываются самими авторами так же, как ими выдумываются их герои. Кто-то из них романтический, а кто-то карикатурен. Этот образ автора может шаржироваться в быту писательским окружением, дополняться новыми чертами. По этой причине они (новые черты) могут стать специфическими штрихами к писательскому образу. Один такой «мозаичный» случай передаёт атмосферу болезненной «вживаемости» автора в образ своего героя, с которым он идентифицировал себя. Вот пример байки, в которой повествование ведётся от первого лица, что в большей степени придаёт ей достоверность: «Однажды встречаю в фойе ЦДЛ хорошо принявшего на грудь писателя Геннадия Гацура.

– Что с тобой, Гена? Ты же не пьёшь, – с тревогой спрашиваю его.

– Я-то – да. А, вот, герой мой запил. Жалко мне его!

– Но ты же автор, Гена! – воскликнул я. – Не он тебя, а ты его должен направлять...

– Ты не прав! – покрутил головой Гацура. – Писатель должен жить жизнью своего героя!»

В подтверждение этому диалогу можно привести массу «писательских историй» Евгения Нечаева и Александра Ольшанского «Легенды, байки и сплетни о советских писателях», гуляющих по интернету.

О главной «писательской» болезни в СССР не писал только ленивый. Не щадили никого – от генерального секретаря Союза писателей СССР Александра Фадеева до последнего алкаша из глубинки, занимавшего долж-

ность литературного сотрудника в какой-нибудь посредственной газетёнке.⁴

В СССР у каждого заметного писателя был свой репутационный статус, над которым добродушно подшучивал Самуил Маршак:

Писательский вес по машинам
Они измеряли в беседе:
Гений – на ЗИЛе длинном,
Просто талант – на «Победе».

А кто не сумел достичь
В искусстве особых успехов,
Покупает машину «Москвич»
Или ходит пешком, как Чехов.

Популярными среди «писательских историй» были те, что связаны с национальностью писателя. Например, «Краткая литературная энциклопедия» начинает статью о Михаиле Светлове так: «рус. сов. поэт. Род. в бедной евр. семье». Автор биографической статьи известный юморист Зиновий Паперный видимо, в данном случае имел в виду особое обстоятельство, которое произошло с поэтом во время первой паспортизации в Советском Союзе.

⁴ «Срез» последних лет жизни, пострадавшего от культа личности поэта, ограничивается одним эпизодом, но каким! «Однажды Ярослав Смеляков в ресторане Дома литераторов никак не мог опохмелиться. У него сильно дрожали руки, водка плескалась из фужера, и не было никакой возможности добиться желаемого результата.

– Таня! – вдруг вдохновенно обратился Ярослав Васильевич к официантке.

– Полотенце!

Перекинув полотенце через шею, и обмотав одним его концом руку с фужером, Смеляков методом перетяги поднёс фужер ко рту, и долгожданный результат был достигнут. Этот метод был использован Георгием Товстоноговым в спектакле БДТ и блистательно исполнен Евгением Лебедевым» (Нечаев Е., Ольшанский А. «Легенды, байки и сплетни о советских писателях» <https://ok.ru/group53875099959535/topic/70237404337647>).

– Ваша национальность? – спросила паспортистка.

– Иудей, – ответил Светлов.

Когда же он получил паспорт, то в графе «национальность» обнаружил странное слово – «индей».

– Что это такое?! – возмутился Светлов. – Я же вам сказал, что я – иудей. А это значит – еврей.

Паспортистка, оказалось, никогда не слышала слово «иудей»! Выдавать новый паспорт она не имела права. Пошла к начальству, которое внесло дополнение в указанную графу. В результате Михаил Аркадьевич стал единственным в мире «индейский еврей». И, тем не менее, все эти истории со временем забываются. Кто из читателей Пушкина знает подробно об отношениях поэта, например, с Фадеем Булгариным? Кому какое дело до шалостей «курсанта» юнкерской школы – Лермонтова?

Истина не принадлежит миру видимостей, считали древние, поэтому слово (или логос) включало в себя и мысль, и смысл, и миф. Наверное, поэтому Мизгулин как-то обронил: «Поэт должен быть мифом», то есть творить образы и свой образ в том числе.

Полёт фантазии позволяет художнику с помощью воображения вести постоянную дружескую переписку с великими людьми мира сего независимо от времени и пространства. Один из собеседников начинающего поэта – Наполеон. Как молодому питерцу Дмитрию удаётся постигнуть мысли зрелого человека, выдающегося европейского покорителя и несчастного изгнанника, узника с острова святой Елены?

Но куда бежать! Бог мой!

О несовершенство мира!

Сотворён уже иной

Образ мрачного кумира.

Не вернуть былого. Нет.

Даже если возвратиться.⁵

Этим и отличается поэт от простых смертных – потребностью говорить с великими на равных, передавать их мысли и чувства своим читателям. В этом его сила и власть! Мрачный, узкий взгляд непризнанных гениев, ухватившихся за юбку своей Музы, бесплодность и бесконечное хныканье – это не про Дмитрия.

У Платона в диалоге «Федон» говорится о том, как Сократ в последние часы перед тем, как осушить чашу с цикутой, признаётся: поэт – если только он хочет быть настоящим поэтом – должен творить мифы, а не рассуждения и постигать сострадание, как главнейший и, может быть, единственный закон бытия всего человечества. Сократ проповедовал эти мысли на краю жизни, познав её смысл. Его нравственные мучения были страшнее физических. Он всю жизнь занимался философией, даже свой метод исследований изобрёл – маевтику... И вдруг... в последний миг земного существования его озарило: поэзия жизни важнее её самой! Ибо поэзия, не совершая никаких научных открытий, открывает для нас ворота вечности... Угнетённая душа вырывается на волю!

Когда Дмитрий Мизгулин утверждает: главное – слово, что сказал поэт, а не то, каким он предстаёт перед миром. Он считает – «жизнь поэта должна быть мифом», – и тем самым протестует против сходства творческой биографии с негероическими буднями живой личности художника.

⁵ Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. / Сост. и предисловие Н. Н. Стручковой. – М.: Худож. лит., 2006. – 432 с. – С. 73.

Пушкин как-то высказался: толпа жадно читает исповеди, записки etc., потому что в подлости своей радуется унижению высокого, слабостям могущего. При открытии всякой мерзости, она в восхищении. Он (поэт, художник), по мнению толпы, мал, как они, мерзок, как они! А по Пушкину, он и мал, и мерзок, но не так, – иначе.

Для каждой биографии, в том числе и писательской, существуют свои строгие правила, прописанные негласными нравственными законами общества, в них, как в тисках, умещается хроника писательской жизни.

Для каждой эпохи – свои излюблённые типы авторских образов, соприкасающиеся с их биографическими реалиями. Эти типы или – «биографические» клише, безусловно, характеризуют личность художника, выделяя его культурное или антикультурное амплу. Писатель может быть представителем богемного сообщества, безумным и даже сумасшедшим, путешественником, скитальцем. Он может быть отшельником или разбойником-изгоем, героем-любовником или благообразным семьянином, бунтарём или благонамеренным, пьяницей или трезвенником, остроумцем или серьёзным человеком, колдуном или святым. Наконец, может быть гением или бездарем – словом, писатели могут быть разными. В том числе, могут предстать многоликой фигурой в восприятии современников, а затем и потомков, с положительной либо отрицательной репутацией. Чем разностороннее писательское творчество, тем разнообразнее амплу. Но нравственной сути оно не меняет.

Вспоминается случай, произошедший во время одного из петербургских застолий в начале 1830-х годов. Василий Андреевич Жуковский – прекрасный поэт-романтик и замечательный человек, далёкий от какой-либо алчности, сидел в окружении петербургских хищных, неразборчивых в методах, издателей-журналистов: по одну от него сторону был Николай Греч, по другую – Фаддей Булгарин. Александр Сергеевич Пушкин, наблюдая подобную карти-

ну, не смог удержаться от ссылки на Евангелие. Он сравнил поэта с Христом, распятым в обществе двух разбойников. Все, кто присутствовал при этом, оценили по достоинству это высказывание.

Если в древнерусской литературе писателю – его образу, а тем более биографии не придавали значения (разве кроме прозвищ, слившихся с именем: Епифаний Премудрый, Пахомий Серб – Логофет), то в XVIII столетии писательский образ рассматривается под особым углом зрения: заслуживает биографии автор или нет? В писательском портрете главную роль стали играть знаки государственных полномочий, заслуги перед светской властью, а уж потом учитывались симпатии читателей.

В первой половине XIX века писательской биографии стали уделять больше внимания, но, как правило, по-смертно. Даже для первого поэта России власти не сделали исключения: его жизнеописание вышло в печати под скромным названием «Материалы для биографии А. С. Пушкина» спустя 18 лет после смерти. А если бы не случай, то ждать пришлось бы гораздо дольше.⁶ Первому биографу и пушкинисту было нелегко: развив немыслимую деятельность и проявляя чудеса изобретательности и дипломатии, ему пришлось с самого начала распределить всю поступающую информацию на две группы – «для сведения» и «для печати». Труд имел продолжение.

Были случаи, когда «биографии» выходили при жизни писателей. Так было с жизнеописанием Дениса Давыдова,

6 Младший брат первого биографа Пушкина Иван Васильевич Анненков служил тогда в лейб-гвардейском конном полку под командованием Петра Петровича Ланского, генерала, женившегося на вдове Пушкина. Иван Васильевич в 1848 году считался «писателем»: под его авторством увидела свет история полка. К нему-то и обратилась Наталья Николаевна за помощью в написании пушкинской биографии, предоставив в его распоряжение огромный сундук с рукописями и документами поэта. Реально оценивая свои творческие возможности, Иван Васильевич, получивший к этому времени чин полковника, уговорил взяться за дело старшего брата Павла Васильевича Анненкова. Тот, после долгих колебаний, принял за работу и завершил её только к 1855 году.

составленного якобы неким «сослуживцем» автора. На самом же деле это была остроумная и художественно яркая автобиография, где Денис Давыдов говорил о себе в третьем лице. Таким образом, им самим был конкретизирован яркий образ поэта-гусара, созданного в его лирике и подтверждённого псевдобιοграфией.

Позже пришло время иных биографических описаний, ставших новой жанровой разновидностью литературы. Достойным примером является выдуманное «жизние» пиита Козьмы Пруткова.

Так, жанр этот становится сложным литературным явлением и выходит за границы сознательно избранной маски. Отталкиваясь от биографических сведений, в основу которых положен жизненный путь художника, получил распространение биографический метод, с помощью которого изучали особенности художественных произведений. Позже появились другие научные исследовательские методы. Формалисты, например, постигали смысл произведений, через сумму художественных приёмов, игнорируя содержание. Структуралисты рассматривают произведения в аспекте структурности, знаковости.

У современного критика сегодня возможностей ещё больше! На наш взгляд, понимание авторского слова требует культуры восприятия образной системы, при этом надо понимать, что само слово, исходит от личности и связано напрямую с мировоззрением писателя, сформированным временем и обстоятельствами.

Обстоятельства жизни писателя и связанные с ними впечатления являются тем исходным материалом, художественное преобразование которого создаёт вторую действительность. Биографические элементы всегда и у всех писателей можно встретить в их поэзии, тематике, художественных образах. Даже когда художник касается отдельных исторических личностей, нельзя представить их сущность в разрыве с фактами биографии художника.

Всё это можно отнести и к творчеству Дмитрия Мизгулина, чья поэзия не специализируется на выражении оригинальности личности, а просто создаёт образ нашего современника, наполненный тревогой о России и соотечественниках. Поэт страдает о душе и призывает читателей исполниться тех же чувств и мыслей.

Биография творческой личности неразрывно связана с его религиозно-философскими, эстетическими, этическими и политическими взглядами.

Как автор, Дмитрий Мизгулин, сосредоточен на конкретной цели, на том, что он хочет сказать читателям, что ценит...

Очень важна гражданская позиция творческого человека (или отсутствие её). У Мизгулина она проявляется не только в поэзии, но особенно в публицистике. В ней он обозначает многие болевые точки нашей российской действительности через конкретные эпизоды, портреты, события. При этом публицистика его необычна, потому что в ней пребывает духовное начало, ибо часто под публицистикой понимается напористость и злоба дня. Да и у некоторых писателей, только постигающих основы христианства, чувствуется изрядная доля самоуверенности в осуждении устройства нашего мира, хотя, человеку, почерпнувшему истины из нагорной проповеди, важнее не судить, иронизировать, а комментировать события и поступки людей с точки зрения вероучения, разъясняя альтернативное мнение.

В публицистике, прозе и поэзии Дмитрия Мизгулина можно обнаружить лишь «точечный биографизм» в соответствии со второй реальностью, создаваемой художником. Расширяют круг биографических источников: беседы, интервью, очерки мемуарного характера, мимолётные заметки. Часть этих материалов, составили книгу «Ночпик». Они проясняют для исследователей сферу литературно-общественных отношений художника, свидетельствуя порою о неразрывной связи текста и биографии автора, где

конкретные факты из его жизни находят подтверждение в творчестве.

Что же касается современности, то её поэт постигает «изнутри», из самого себя. Верующий человек, ощущая греховность в себе и собственные слабости, берёт часть ответственности на себя, в том числе, и за эпоху, в которой живёт. В одном из стихотворений поэт признаётся: и на мне есть вина! Только горлопан в поэзии распространяется о том, что его не радует современность и сваливает всё на кого-то, забывая укорить себя. Конечно, у Дмитрия Мизгулина, выступающего в поэзии с гражданских позиций, бывает морализаторское искушение распечь современников за всё, что делается ими не так, как хотелось бы его лирическому герою. Поэт борется со своими «повелительными наклонениями», как ему позволяют собственные нравственные силы, чтобы не попасть в нелепую ситуацию. Его оправдывает горячее желание видеть в людях единомышленников, соучастников творческого созидания настоящей духовной культуры. Задача его, как поэта, трудна, поскольку такая культура пока неподвластна тем, кто утратил корни исконно русских традиций, позабыл всё лучшее в деревенской и городской культуре – и вдобавок утратил Бога, в том числе, и в русском Слове.

Если внимательно присмотреться к писательским биографиям разных исторических эпох, то они, несомненно, включают в себя кроме ряда исторических конкретностей, (например, поступков, продиктованных системой культурных кодов), ещё

и соответствующие представления, свойственные каждой творческой натуре, что неминуемо скажется на выборе модели поведения. При этом кто-то из художников создаёт или поддерживает определённый миф о сути своего творчества, а кто-то, напротив, обходится без легендарного ореола, замыкая свои произведения в пределы житейских фактов – и тогда писательская деятельность входит органично в биографию творческой личности. В любом случае, чтобы оценить мастерство и талант творца, надо иметь художественный вкус и знания. В связи с этим вспоминается история, которая иллюстрирует взаимоотношения писателя и читателя, хотя речь в ней идёт об учителе и его ученике. Но не зря же говорится – настоящий писатель выступает для читателей в роли Учителя, а сами они – ученики, внимающие его опыту...

А дело было так. Однажды приходит к наставнику растроенный ученик и делится своими переживаниями:

– Я пришёл, Учитель, потому что чувствую себя таким незначительным, ничтожным, ненужным, у меня нет сил что-нибудь сделать. Мне говорят, что я не гожусь ни для какой работы, что ничего не способен сделать хорошо, что я глупый. Как мне улучшить себя? Что я могу сделать, чтобы люди меня больше ценили? – спрашивал плачущий ученик.

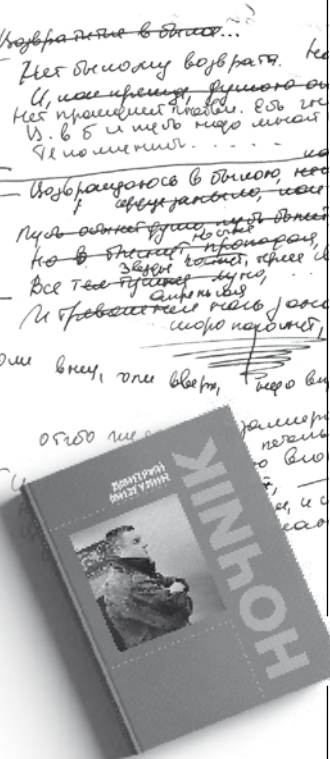
Учитель, не глядя на него, отвечал:

– Очень жаль, юноша, но я не могу тебе помочь, мне нужно сначала решить свою проблему. Может быть, после этого... – и, сделав паузу, закончил:

– Хотя, если ты согласишься помочь мне, то я смогу побыстрее решить свою задачу, а потом сумею позаботиться и о тебе...

– Э-э-э, с радостью, Учитель, – неуверенно протянул юноша и в который раз почувствовал себя ненужным и одиноким в мире своих проблем.

– Хорошо! – обрадовался Учитель, снял со своего мизинца кольцо и, протянув его юноше, сказал:

Беседы, интервью, очерки мемуарного характера, мимолётные заметки. Часть этих материалов, составили книгу «Ночник».

– Возьми на заднем дворе лошадь и скачи на рынок. Я должен продать это кольцо, так как мне нужно уплатить долг. Мне необходимо, чтобы ты выручил за него как можно больше денег, но не продавай его меньше, чем за одну золотую монету. Езжай и возвращайся с деньгами как можно быстрее.

Юноша взял кольцо и ускакал. Доехав до рынка, он стал предлагать кольцо торговцам. Они рассматривали его с интересом, пока он не заявлял цену, за которую рассчитывал его продать. Стоило ему обмолвиться об одной золотой монете, как кто-то начинал смеяться, кто-то сразу отворачивался, и только один старичок был так любезен, что объяснил юноше, что один золотой – это очень дорого за такое колечко.

Желая помочь, кто-то предложил одну серебряную монету, но юноша, помня указания Учителя, не соглашаться уступать менее, чем за одну золотую монету, поэтому отказался. После того, как ученик предложил купить кольцо всем, кто проходил по рынку, он, расстроившись, оседлал коня и возвратился ни с чем. Как бы он хотел сейчас обладать этой золотой монетой! Он смог бы отдать её Учителю, чтобы тот освободился и смог дать ему совет и помощь.

Юноша вошёл в комнату.

– Учитель! – обратился он. – Мне очень жаль, но я не сумел продать кольцо за столько, сколько ты просил. Может быть, мне удалось бы достать две или три серебряные монеты, но думаю, что мне бы никого не удалось обмануть на счёт действительной стоимости кольца.

– Ты мне сейчас сказал очень важную вещь, мой юный друг! – ответил, улыбаясь, Учитель.

– Конечно же, вначале мы должны узнать настоящую стоимость кольца! Возвращайся и иди прямо к ювелиру. Кто лучше, чем он, знает об этом? Скажи ювелиру, что хочешь продать кольцо, и спроси, сколько он может дать. Не важно, сколько он предложит, не продавай кольцо. Возвращайся сюда.

Юноша опять оседлал лошадь.

Ювелир осмотрел кольцо в свете канделябра и под лупой, взвесил его и сказал:

– Скажи Учителю, что, если он хочет продать сейчас же, я не могу дать за его кольцо больше, чем 58 золотых монет.

– Пятьдесят восемь золотых монет! – воскликнул юноша.

– Да, – подтвердил ювелир.

– Если он может немного подождать, то мы сможем выручить за него примерно 70 золотых монет, но если продажа срочная, то...

Но обрадованный юноша уже не слышал последних слов ювелира, он скакал к дому Учителя, чтобы как можно быстрее сообщить радостную новость.

– Садись, – сказал Учитель после того, как выслушал отчёт.

– Ты – как это кольцо: драгоценность – единственная и неповторимая. И поэтому оценить тебя может только настоящий эксперт. Чего ты ждёшь, когда претендуешь, чтобы каждый встречный признал твою ценность?

И, сказав это, он вернул кольцо на свой мизинец.

Будем помнить о том, что мы живём в постоянно меняющемся мире. Изменения не только внешние, они происходят и внутри нас, меняя наше поведение и мировоззрение. Истинный художник и его духовная миссия – сделать нас лучше, мудрее и добрее. И если каждый такой творец несёт свою миссию достойно, значит, у нас есть чему поучиться. Это и есть нравственная основа биографии его духа, которой удостоил Господь...

«Пока душа ещё жива...»

Глава 2.

МНОГОУВАЖАЕМЫЙ КНИЖНЫЙ ШКАФ

В ЗАПОЛЯРНОМ ГОРОДЕ

Дмитрий Мизгулин появился на свет в сентябре 1961 года, а пока он не жил-ся в колыбели, в стране ещё продолжалась «оттепель». Странно, конечно, всё-таки сентябрь, но в социуме всё шиворот навыворот: после XX съезда КПСС началось такое «климатическое явление».

В год рождения будущего поэта 30 июля газета «Правда» напечатала проект программы коммунистической партии Советского Союза, в котором было торжественно

провозглашено: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме – это означало обещание построить в стране коммунизм через 20 лет!

Вот-вот сбудется мечта Владимира Маяковского – во-жделенная пора была уже не за горами:

Было:
социализм –
восторженное слово!
С флагом,
с песней
становились слева,
и сама
на головы
спускалась слава.
Сквозь огонь прошли,
сквозь пушечные дула.
Вместо гор восторга –
горе дола.
Стало:
коммунизм –
обычайшее дело.

Люди верили и не верили! Но с 1 января 1961 года вступила в действие денежная реформа, укрупнившая рубль в 10 раз, а 12 апреля в космос полетел Юрий Гагарин – выше всех в мировой истории! За полтора часа он обогнул земной шар и установил непостижимый рекорд скорости. И как не поверить тому, что нынешнему советскому обществу покоряются все производственные вершины, надо только приложить старания и добиться творческого преобразования мира! Творческое преобразование наряду с научным поиском и ростом экономики органично подразумевало и вдохновение художника – строителя коммунизма.

Молодые прозаики и поэты стали пристальнее вглядываться в человека: чем он живёт, какой у него внутренний

мир, ведь без изменения сознания никакого идеального общества не построишь!

Но на фоне перемен острее ощущалась ложь партийной прессы, в которой переливалось из пустого в порожнее с разнообразными оттенками «правды» – от голубого и розового до «официального» – чёрно-белого, всё то же самое пустословие, которое у советских людей в очередной раз вызывало сомнения.

Когда в 1956 году священное имя вождя было дискредитировано, граждане почувствовали себя обманутыми: получалось, что десятки лет советское общество находилось под присмотром монстра и кровавого тирана – Сталина, являвшегося лишь по недоразумению вдохновителем и организатором великих побед социализма.

Сравнивая пережитое с рассказами старших о резкой смене одного культа (сталинского) другим – «хрущёвским», Дмитрий считал этот скачок диалектически губительным. Но тогда, в 1960-е годы, для Дмитрия Мизгулина продолжался период взросления: от младенчества до учёбы в начальной школе.

В пору рождения нашего героя автор этой книги ходил в подготовительную группу детского сада. Воспитатели объясняли ему и его сотоварищам – деткам-дошколятам: ждите, скоро наступит славное время под названием коммунизм! Нам, (как, наверное, позже и мальчику Диме Мизгулину), рассказывали о бесплатном пассажирском транспорте, коммунальных услугах, за которые не надо платить, о бесплатных столовых и магазинах. Мне тогда не было ещё и семи лет, я верил в сказки и страшные истории, но насчёт коммунизма у меня почему-то возникали сомнения. Из-за этого малoverия часто в педагогических целях, чтобы другим воспитанникам неповадно было, меня наказывали стоянием в углу. Родителям постоянно пеняли на мои политические высказывания, обвиняя их в недостаточной идеологической зрелости. Всё заканчивалось, в конце концов, для них устным выговором,

а могло быть и гораздо хуже, случись это на пять – семь лет раньше...

Тогда же нас, детишек, пытались познакомить с «Моральным кодексом строителя коммунизма». С той поры и запали мне в душу некоторые принципы: «кто не работает, тот не ест»; «каждый за всех, все за одного»; «человек человеку – друг, товарищ и брат». Уже став взрослым, я понял: некоторые из них полезны, поскольку взяты из других источников: более древних.

Юный Дима в ту советскую эпоху чувствовал себя довольно-таки бодро, выбирая в себя лучшее, что она ему давала.

Детство и отрочество поэта прошли в северном городе Мурманске, бывшем Романове-на-Мурмане, отсюда и коренное ударение на последнем слоге – Мур-

*Железнодорожный
вокзал, город
Мурманск.*

манск. О том, как жили тогда, поведал поэт режиссёру Андрею Никишину в фильме, подготовленном к очередному юбилею Дмитрия Александровича:

«Жили небогато, но счастливо. Все были равны и не имели чувства зависти <...> Северные люди всегда открыты. Они очень энергичные: осваивать суровые просторы способны только сильные и отважные люди, пассионарии, как принято говорить о таких. Дружба и выручка на Севере – не просто слова.»

Сам Мурманск – город, овеянный боевой славой и узнавший дружбу союзных стран против гитлеровской коалиции. Старожилы помнят рассказы ветеранов труда и фронтовиков о том, как англичане и американцы водили конвои с грузами в северные порты, а военные лётчики их бесстрашно охраняли. Ещё в дошкольном возрасте, когда здравствовали многие свидетели той суровой поры, Дмитрий узнал о самой страшной войне, а поколение, заставшее её – дети войны, навсегда запомнило ужас от бомбежек и артиллерийских обстрелов, а ещё голод, потери близких на фронте и в тылу от неимоверного напряжения. Но наказ «Всё для фронта, всё для победы!» был исполнен.

Спустя даже десятилетия после грозных испытаний практически в каждой семье геройского города Мурманска можно было обнаружить небольшой запас спичек, мыла, сухарей, консервов и круп на чёрный день. Но главное – люди держались друг за друга и чем могли, помогали в трудную минуту. А ещё за «доминошными» столами во дворах жилых домов и на скамеечках у подъездов царил всеобщая доброжелательность, что тоже было приметой эпохи 1960-х–1970-х годов, сменивших послевоенное десятилетие 1950-х.

Для мальчика, выросшего в заполярном городе, где гулял холодный вольный ветер, дразня морскими про-

сторами, на которых вместе с чайками на волнах качались юркие трудяги – рыболовецкие сейнеры и уходили в туманную даль грозные военные корабли, самым ярким впечатлением детства был... – Нет! Ни за что не угадаете! – огромный книжный шкаф. Он был не простой, а многоуважаемый член семейства, и расположился в небольшой комнате на самом видном месте, возвышаясь над прочей незаметной мебелью, где, несомненно, являлся самым главным. Именно в этой комнате с книжным шкафом и жил Дмитрий.

Семь лет Дмитрий посвятил музыкально-хоровой студии, и до сих пор музицирует на клавишных инструментах.

Мизгулин Александр Вячеславович с женой Ларисой Семёновной Гришиной.

«<...> Моё первое детское воспоминание – это книжный шкаф. Книжный шкаф, как огромный загадочный мир».⁷

Ещё этот шкаф был мамин помощник, ибо был продолжением познания мира и заодно воспитателем. По вечерам он рассказывал сказки или захватывающие дух истории, учил быть честным и смелым, добрым и справедливым и как себя вести в различных сложных жизненных ситуациях.

Период детства было настолько ёмким, что благодаря погружению в книжный мир, время реальное и время воображаемое, сливались в одно «сейчас». Красочные картинки давали пищу воображению: как отец, он бороздит океанские просторы в составе научной экспедиции, открывает новые острова и проливы, знакомится с дворцами и хижинами дальних стран, царями, принцессами и нищими...

Кроме того, мамин книжный шкаф давал Дмитрию рекомендации и дополнительные сведения по разнообразным школьным дисциплинам, а когда мальчик уставал, то развлекался приключениями, занимательными историями о дальних и удивительных странствиях.

Иногда шкаф рассказывал о подвигах отважных воинов и об учёных, делавших потрясающие открытия; о художниках, страдавших от непонимания своих современников; о гениальных личностях, совершавших невозможные, с точки зрения здравого смысла, поступки, которые спасали людей.

Там, за пределами комнаты, в квартирных закутках протекали первые игры со сверстниками, там же был получен первый жизненный опыт. Но если жильё и двор стали кон-

кретным средоточием мира, то библиотека, напротив, – бескрайней и неведомой страной, где до сих пор продолжается путешествие...

Книги, словно мосты, со временем стали соединять теперь уже не мечтательного мальчика Диму, а солидного, преуспевающего человека, к которому иначе, как по имени-отчеству не обращались. Благодаря чтению, как всякий творческий человек, он пытался отыскать свою реальность. В ней должны были жить и дышать полной грудью все его герои из задуманных им художественных произведений. Позже он напишет:

*«Сколько бы ни прочитал за свою жизнь книг, а непрочитанных всё одно будет больше».*⁸

Дмитрия уже в подростковом возрасте поражал труд великих писателей. Делая первые литературные наброски в прозе и поэзии, часто путаясь в значениях слов, юноша понимал, сколько творческих мук вынесли они – и всё-таки преодолели себя, добившись успеха у читателей. Именно в ту пору стало приходить понимание: если столь выдающиеся люди постоянно учились, то и ему не помешало бы, постигая законы образования и употребления слов, вырабатывать свой языковой вкус и литературный стиль. Мысли эти были пока неосознанные, граничившие с интуицией, но в душе вызвали брожение, будили воображение. При этом Дима рос ни занудой, ни закомплексованным одиночкой, ни маменькиным сыночком, ни, – как сейчас говорится, – ботаном. Напротив, был общительным и жизнерадостным юношей. А ещё книжный шкаф помог ему с выбором особенного пути, который, в какие бы дали не уводил, всегда возвращал к нему, маминому помощ-

⁷ Дмитрий Мизгулин: «В основе любой экономики – человек!»: [интервью с президентом Ханты-Мансийского банка о его деятельности] / Д. А. Мизгулин; записал И. Романов // Большая Медведица, № 2, 2012. – С. 4-5.

⁸ Мизгулин Д. А. Ночник. Публицистика / ред. Александр Смирнов. – СПб.: Второй Петербург, 2016. 192 с., ил. А. – С. 142.

нику. Наверное, поэтому его воспитанник стал с детства не только мечтать, но и писать.

*«У нас дома была богатейшая библиотека, у меня до сих пор стоят книги из этой маминной библиотеки. Всегда очень много читал. И в литературу я, наверное, пришёл из-за книг».*⁹

Он любил книги, а те, в свою очередь, полюбили его и старались передать мудрость и прекрасные чувства, скрытые под скромными переплётками.

Примерно к подростковому возрасту у Дмитрия возникло неодолимое желание к сочинительству. Он стал писать на листочках ученических тетрадок стихотворные строчки, исторические картинки, фантазируя, наделяя героев своими представлениями о жизни, вычитанными из книг.

История знает множество примеров проявления творческой личности в детском или отроческом возрасте.

Моцарт в четыре года играл на клавесине небольшие пьесы и менуэты, уже в пять лет он сочинял маленькие пьесы, в шесть – помимо клавесина, практически самостоятельно выучился играть на скрипке.

Бетховен к восьми годам блестяще музицировал на органе и клавесине и неплохо владел азами игры на скрипке и альте.

Знаменитый математик Карл Фридрих Гаусс в восемь лет был освобождён от уроков математики, поскольку его учитель признался: ученик знает гораздо больше, чем он сам.

Александр Пушкин в девять лет сочинил свою первую поэму.

⁹ Изборцев И. Рукотворное чудо или история одной коллекции. «Взыскующий града небесного или духовные горизонты поэта Дмитрия Мизгулина. «Тобольское серебро. Из коллекции Д. А. Мизгулина». Тюменский региональный общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2015. – С. 83-133.

Блез Паскаль в отрочестве написал свой первый научный трактат.

Александр Грибоедов поступил в Московский университет в 11 лет.

Гёте к тринадцати годам знал уже шесть языков. Для закрепления знаний он написал «полиязычный роман в письмах».

Получается, что подростковое мышление – не такое уж ущербное, как иногда его характеризуют некоторые психологи.

Поначалу сочинительство Дмитрия было буквальным подражанием авторам любимых книг. Процесс этот можно сравнить с чтением: пока научишься читать выразительно вслух, да так, чтобы заслушивались другие, необходимо научиться буквы складывать в слоги, а слоги – в слова, а слова – во фразы – и так далее...

Чего только и в каком жанре не пытался писать мальчик из книжного шкафа! Во-первых, он сочинял рассказы, а однажды даже замыслил и стал писать роман. Задуманному не было видно и конца, но автор уже планировал новый вид литературного творчества: а не замахнуться ли ему, подобно Вильяму Шекспиру, на драму?! И пока писались пьесы, автор уже задавался вопросом: а где бы их можно было поставить? Жаль, не было под рукою своего театра, хотя бы такого небольшого, как «Глобус». Сцена школьного театра для будущих драматургических шедевров была явно маловата...

Так это было или иначе? Суть не в том! Главное, было! И это «было» имело своё определение – тяга к творчеству!

Стихи тоже писались самые разные, о любви, конечно, и о дружбе, но были и с иной тематикой.

Его первые наброски помогали устанавливать и развивать смысловые связи с окружающим миром. Попытка отделения себя, как автора, от лирического героя в поэзии предполагала возможность взглянуть на себя со стороны, оценить – пусть пока только интуитивно – собственные

возможности «чувственные» и «мыслительные». История не сохранила эти первые наброски: увы, они канули в Лету! Но труды не были напрасными, – так выработывался почерк автора.

Конечно, погружение в реалии собственного бытия происходило постепенно и основывалось на сравнении себя с легендарными героями художественных произведений.

С учителями Дмитрий определился довольно рано, и неумудрено: они известны всем. Это классики, которых знает весь мир!

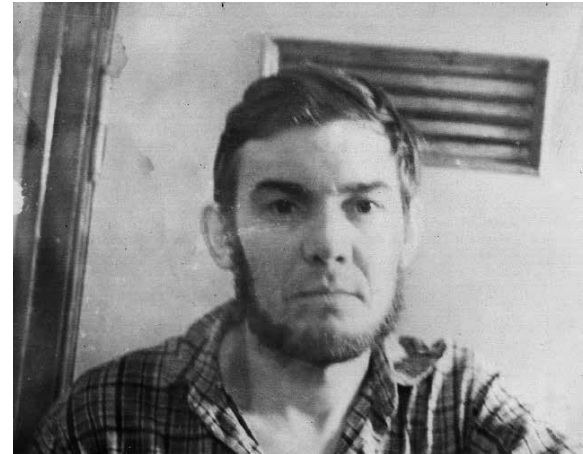
*«Кто из классиков повлиял на меня? Любимый поэт – Фёдор Тютчев. Конечно, – никуда без Пушкина».*¹⁰

Этот выбор свидетельствовал о вкусе Дмитрия, он же определил и его будущий творческий путь. И пускай с возрастом учительский пантеон расширялся, однако самые первые учителя оставались величиной постоянной. Об этом можно узнать из беседы Дмитрия Мизгулина с Александром Казинцевым, заместителем редактора журнала «Наш современник»:

*«Основоположники: Пушкин, Тютчев, затем эта линия идёт к Блоку. Да и вообще, русская литература XIX века – это явление в мировой культуре. Еврейский народ создал Библию, итальянцы – классическую оперу, а русские дали миру литературу XIX века».*¹¹

¹⁰ О поэзии, и не только... [интервью с Д. А. Мизгулиным о его поэтическом творчестве и поэзии вообще] / Д. А. Мизгулин; записал С. С. Козлов // Югра, № 8, 2011. – С. 42-45.

¹¹ Нужно любить людей: [интервью с Д. А. Мизгулиным о его творческой деятельности] / Д. А. Мизгулин; записал А. Казинцев // Наш современник, № 9, 2011. – С. 159-165.

Мизгулин Александр
Вячеславович,
полярник.

Однако не было бы никакой любви к литературе, никаких классиков – учителей и книжного шкафа тоже бы не было, если бы не мама...

Дмитрий рано потерял отца – в четыре года. Случилось это в 1965 году. Александр Мизгулин был человеком настоящей мужской профессии – полярником. В Москве закончил вуз Арктики и Антарктики, работал в Мурманске в научно-исследовательском институте и участвовал в морских экспедициях.

Заботы о семье после его смерти легли на плечи матери. В разговоре с писателем из Пскова – Игорем Изборцевым – Дмитрий признался, кто помог ему в закалке характера и выработке чувства ответственности:

«У моей матери был очень сильный характер, она была человеком целеустремлённым, и её влияние на меня было велико. Она пережила всю блокаду, наша семья жила в Ленинграде. Маме в 14 лет дали медаль «За оборону Ленинграда». Была такая государственная награда. Знаешь, как писал поэт Юрий Воронов: «Нам в сорок третьем выдали медали, и только в сорок пятом – паспорта»? Тушили они «зажигалки», голодали.

Мама была требовательна к себе и меня воспитывала строго, научила самому главному в жизни – тому принципу, по которому я живу в этой жизни сейчас: надо быть, прежде всего, критичным к самому себе, а потом уж требовать что-то с других. Я вырос среди книг...

Всегда очень много читал. И в литературу я, наверное, пришёл из-за книг. Мать меня воспитывала хорошо. Я благодарен матери за такое воспитание, я счастливый человек...»¹²

Мама после смерти его отца, – тогда Дима ещё ходил в детский сад, – все будущие надежды возлагала на сына и стремилась к тому, чтобы он рос самостоятельным, ставил перед собой достойные цели и добивался их успешного достижения. Будучи строгой, какими часто бывают врачи (она занимала тогда важный пост в санитарно-эпидемиологической службе Мурманска), мама Дмитрия ставила высокую планку перед сыном. Она сама во многом способствовала разностороннему образованию мальчика и ободряла его, как могла, в минуты сомнений и усталости, поэтому он рос трудолюбивым и развитым человеком.

Семь лет Дмитрий посвятил музыкально-хоровой студии при хоровом обществе РСФСР, и до сих пор музицирует на клавишных инструментах, может сыграть на гитаре и на любимой народом балалайке, – не заглядывая в ноты, исполнить любую народную песню. Он знает довольно много из песенного творчества! А всё потому, что петь начал раньше, чем писать стихи, поскольку проживали они в коммунальной квартире, где с ними соседствовали ещё две многодетные семьи. Жили дружно и на праздники собирались за общим столом, где глав-

ным украшением была любимая песня. Мальчик с трёх лет тоненьким голоском выводил самые популярные хиты советского народа.

Стихи, посвящённые матери, у Дмитрия всегда задушевные: «Мне снится мама молодая, / А я ещё совсем малыш, / А я ещё совсем ребёнок, / С душой, отверстой небесам, / А я ещё – во всём – спросонок, / Хотя уже шагаю сам».

И что интересно, образ мамы у Мизгулина неразрывно связан с миром книг. Если «книжный шкаф» в мурманской квартире на Флотском проезде – одно из ранних ярких детских воспоминаний, то вторая яркая картина: они вдвоём с мамой и книгой.

*«Помню, как с мамой мы ездили выкупать подписные издания. Отца я потерял рано, и библиотеку пополняла мама. Можете себе представить полярную ночь в Мурманске, где я родился, мама тянет меня на санках из магазина подписных изданий, были такие в СССР, а на коленях у меня лежит пара томов Тургенева».*¹³

Сколько времени прошло, а пиетет к интересной и серьёзной книге с годами у него ещё более возрос. И это даёт право теперь с высоты своего возраста делать свои неутешительные выводы об изучении русской и мировой литературы подрастающим поколением:

*«Школьники не понимают классику – им не хватает жизненного опыта – и теряют интерес к великим произведениям».*¹⁴

12 Изборцев И. «Взыскующий града небесного или духовные горизонты поэта Дмитрия Мизгулина». // «Тобольское серебро. Из коллекции Д. А. Мизгулина». Тюменский региональный общественный благотворительный фонд «Возрождение Тобольска», 2015. – С. 83-133.

13 О поэзии, и не только... [интервью с Д. А. Мизгулиным о его поэтическом творчестве и поэзии вообще] / Д. А. Мизгулин; записал С. С. Козлов // Югра, № 8, 2011. – С. 42-45.

14 Человек – мера всего: [беседа с Д. А. Мизгулиным о творчестве, литературе и жизни...] / Д. А. Мизгулин; записала О. Моторина // Лит. Газета, № 27, 2009.

С этим нельзя не согласиться: ребята и девочки 1960-х и 1970-х, ставшие нынче дедушками и бабушками, тогда были намного самостоятельнее и мыслили гораздо глубже. В семьях не было повального эгоцентризма. Зато теперь мы пожинаем плоды духовной катастрофы, которая затронула нашу молодёжь. Как бы это поколение нового столетия и тысячелетия не стало «потерянным» для нас. Эти настроения и мысли разделяет и Дмитрий, оглядываясь в прошлое, он заявляет:

*«С нынешним отношением к историческим знаниям, к культуре в целом, мы не сформируем нормального человека. То, что сегодня происходит с преподаванием литературы, истории – это катастрофа. Мы воспитываем людей без роду и племени. И те, кто запустил этот процесс, совершили преступление – перед обществом, перед страной, перед будущим России. Ведь ещё совсем недавно быть культурным человеком было престижно».*¹⁵

Тогда школьная программа по литературе, направляемая строгими цензорами, многое чего ценного изъясшая из художественной классики, но, надо отдать должное – сохранила достойные книги не только для чтения, но и внимательного изучения, развивая литературный вкус учащихся, начиная с начального периода обучения. Особая роль, кстати, в программе отводилась поэзии. Она приносила в жизнь школьников изящное и возвышенное. А, кроме того, с этих лет в сознание учеников закладывались понятия о любви к Отечеству и его прославлению, о достоинстве полезного гражданина.

¹⁵ О поэзии, и не только... [интервью с Д. А. Мизгулиным о его поэтическом творчестве и поэзии вообще] / Д. А. Мизгулин; записал С. С. Козлов // Югра, № 8, 2011. – С. 42-45.

Конечно, в те годы в мальчишеском кругу ценили не только начитанность, но ловкость и силу! Однако умение ярко пересказать интересную книгу было востребовано не меньше. Многие из нас этим пользовались, особенно, когда в нашем обществе появлялись девчонки...

Подчеркнём, детские годы для Дмитрия не были зефирно-шоколадными. У мальчика, ходившего в детский сад, уже тогда были свои обязанности по дому. Но зато в свободное время можно было пошалить. Советское детство, – если только ты не маменькин сынок, – было у мальчишек в меру хулиганистым и озорным. Дмитрий уже в школе не был образцовым октябрёнком, а уж пионером – и подавно!

В пионеры Дима вступил только с третьего раза, в комсомол – со второго, в партии его кандидатский срок составил вместо одного года – почти три, а точнее, два с половиной: «Мне всё время трудно давалось продвижение по политической линии», – делится он размышлениями с режиссёром Андреем Никишиным, снявшем несколько частей фильма о нём. С его автором Дмитрий был предельно откровенен и раскован в «киношных» беседах.

В ту советскую пору просто некуда было деться от этой карьерной «партийной» лестницы: октябрёнок – пионер – комсомолец – коммунист.

Зато свободу духа можно было обрести в любимом книжном шкафу, стихах и рас-

В СССР существовала чёткая структура молодёжных организаций. В начальных классах дети были октябрятами, в средних – пионерами, а в старших классах – комсомольцами. Взрослые люди вступали в ряды Коммунистической партии (КПСС) и получали заветный партбилет.

сказах, повестях и романах, скрывавшихся в его чреве. Будущий писатель пришёл к важному для себя выводу: художнику никто не может помешать творить так, как он захочет, и тем самым вести разговор на самые разные темы со своими читателями...

Марксистско-ленинское учение, казалось, готовило каждому из нас глубокую колею, по которой оставалось катить по жизни со спокойной совестью. Но как бы школа не моделировала жизнь своих учеников, семья, окружение, наконец, улица всегда вносили свои коррективы. Например, по дворовому кодексу чести ты не должен был выдавать провинившегося товарища, а школьный регламент, напротив, оспаривал подобную преданность в дружбе. Педагоги утверждали: только плохой товарищ может мириться с тем, что его друг поступает нехорошо, долг перед обществом – наказать виновного... Так общественное и личное частенько вступали в конфликт между собой. Подобное противоречие было не первым и не последним за годы школьного обучения. Однако Дмитрий научился не допускать щекотливых ситуаций, нащупывая свою тропку. То же было связано с общественной деятельностью: не занимая каких-либо штатных общественных должностей, Дима брался выполнять те разовые поручения, которые приходились ему по душе.

Двор, в отличие от школы, не походил на модель идеального мира, где были одни, сияющие романтизмом вершины. Гитара в подворотне с надрывом знакомила ребят с социальными проблемами через блатной репертуар. Во дворе дружили не только с гитарой, но и со стаканом. В компании всегда находился какой-нибудь хулиганистый паренёк, наводивший ужас на маменькиных сынков, если они не занимались мужественными видами спорта. Дима, к счастью, рос спортивным юношей, умел постоять за себя. А то, что мальчишек тянуло к сильной личности, – известно во все времена. Герои песен из подворотни знали жизнь не по кино и учебникам, ненавидели показуху и туфту. Кро-

ме того, Дима, занимаясь в музыкально-хоровой студии, был хорошо знаком с разными песенными жанрами.

У школьника Димы был недетский распорядок дня: кроме школьных занятий – хоровое пение, спортивные тренировки, чтение и собственные литературные опыты. У него просто не оставалось времени на праздное шатание по двору – и благодаря этому он не попадал в неловкие ситуации и крупные передраги.

Может быть, в этом ему помогли хорошие и верные товарищи, что встретил в своём дворе. Главное, у Димы были два серьёзных увлечения: спорт и сочинительство. Кроме того, выработанная с помощью мамы привычка к порядку и труду, позволяла успевать всюду...

Если же говорить о «заветной мечте», то её, как таковой, просто не могло появиться в силу возраста, но зато была жажда жизни, желание достичь чего-то...

Это не означает того, что с юности молодой человек не строил планов на будущее, но главным являлась жизнь с её радостями и огорчениями! Как заметил сам Дмитрий:

*«Нужно быть собой и не задаваться вопросом: что у тебя в жизни самое главное».*¹⁶

Неслучайно своими любимыми строчками он считает стихи питерского поэта Глеба Горбовского, написавшего о своей судьбе без какого-либо пафоса:

На лихой тачанке
Я не колесил.
Не горел я в танке,
Ромбы не носил.

¹⁶ «В основе любой экономики – человек!»: [интервью с президентом Ханты-Мансийского банка о его деятельности] / Д. А. Мизгулин; записал И. Романов // Большая Медведица, № 2, 2012. – С. 4-5.

стихов, не сочинял песен, не писал дневников или лирических миниатюр? В этой заявке личности на творческую самореализацию нет ничего необычного. Но в пробе детского пера Дмитрия может удивить иное: едва освоив грамматику, мальчик начинает писать исторические романы, в центре которых социальные потрясения, попытка масс добиться справедливости даже ценою пролития крови.

Время, конечно, способствовало таким интересам. После «оттепельной» поры осталось немало различных мемуаров. Они помогали прояснению многих страниц новейшей истории нашего государства. Однако современность и несколько отдалённых от неё десятилетий мало волновали подростка. Ему по душе почему-то были общественные потрясения минувших столетий.

Но откуда взялось увлечение столь специфичными моментами исторического бытия человечества и нашего Отечества? Почему малолетнего исследователя-сочинителя интересовали печальные страницы прошедшего? Очевидно, на первый план здесь выходило чувство социальной справедливости, что непременно рождается в человеке, когда тот задумывается над общественной жизнью. Однако философское осмысление действительности в столь раннем возрасте не может возникнуть само по себе! Здесь где-то спрятана загадка личности автора. Возможно, душа, как одинокий парус, вместо покоя искала бури и находила её в истории социальных катаклизмов?

Как бы оно ни было, но опыт показывает: у многих начинающих авторов присутствует некое побудительное начало создать своё батальное полотно. Вполне вероятно, что опыт конфликтов и неудач, а также недовольства собой и первых побед над собственными слабостями – всё это и подвигло юного Дмитрия на подобные жанры и темы. Он, как всякий нормальный ребёнок, стал постигать их азы.

Русский человек отзывчив и впечатлителен особенно тогда, когда на него выплескивается стихия неподдель-

ной боли и выводит его за привычный круг собственных интересов. «Крайние» вопросы направляют личность к заветной цели, не дают расслабляться и отвлекаться на пустяки, избавляют от равнодушия...

Однако никакие документы и архивы с мемуарами не смогут объяснить увлечения Димы восстанием Ивана Болотникова и штурмом Бастилии – началом Великой французской революции...

Иван Исаевич Болотников, предводитель разбойничьего клана казаков, пользуясь шаткостью тогдашней власти, в конце октября 1606 года осадил Москву. Бунтовщики поставили вокруг столицы телеги одну на другую, заткнули пустоты между ними сеном и облили водой. В морозы это всё крепко-накрепко схватилось и образовало заслон вокруг города. Болотников был мастак писать «прелестные» письма, в которых чего только не обещал осажённому, если те склонятся на его сторону. Против мятежников выступил патриарх Гермоген с паствой, а верные Шуйскому войска, сделав вылазку из кремлёвской крепости, внезапным ударом в конце декабря навели панику в стане мятежников, и те в ужасе, бросив на произвол судьбы свой лагерь в Коломне, бежали с атаманом до самой Калуги. Вор и обманщик Болотников оказался ещё паникёром и трусом – и этого человека большевистская пропаганда на протяжении десятилетий прославляла как народного заступника! Почему мальчугана из Мурманска заинтересовали мифы, связанные именно с этим прошлым? Или нужная книга случайно выпала из маминого шкафа? Кто знает! Может быть, какие-то отголоски призрачной справедливости он сумел расслышать в «шорохе знамён»?

Дмитрий в школьные годы довольно много читал исторической литературы, не меньше он и писал исторических повествований сам. Один из самых его глобальных замыслов – роман о Великой французской революции, над которым он работал, но не успел завершить. Наверное, автора

потрясли героические личности той эпохи! Нынешние читатели творчества Мизгулина сейчас бы с превеликим любопытством взглянули на его юношеские опусы: что рисовало тогда воображение и чуткие нервы подростка? Увы, все его учебные тетради сгорели вместе с их хранилищем во время пожара!

Однако, интерес к Отечеству и мировой истории, – современных и прошлых бед и печалей, уже никогда не покинет поэта.

Хорошо бы собрать воедино
Все минувшие дни и года,
Чтоб воссозданной жизни картина
Под рукой находилась всегда.

Чтобы давних событий цепочка
Не исчезла в безмолвной глуши,
Чтобы каждая фраза и строчка
Сохранились в архивах души.

Но прошедшее твёрдо храня,
Не потратим ли время напрасно,
На события грядущего дня
Обращая свой взор безучастно?

Только память – не склад, не музей,
Чтобы там в алфавитном порядке
Уместить и врагов и друзей
И стихи в чёрно-белой тетрадке.

И очнись – а не ты ли уже
Над своим же кропишь некрологом?
Доверяй не уму – а душе,
Ей держать-то ответ перед Богом.

Всё что нужно душа сохранит
И любовь, и ненастные дни.¹⁹

Несколько лет назад Дмитрий, вспоминая ту пору, когда он стал писать, ответил на вопрос журналиста, помнит ли он свои первые творения:

*«Сейчас и не вспомнишь. Ведь писать я начал, как только выучил буквы».*²⁰

Вообще творчество юного Дмитрия, как и всякого начинающего, было влюблено в каждый поражающий душу миг жизни и стремилось оживить его на бумаге. Оно выплывало из потока жизни воображением и как могло, так и превращалось в устойчивое настоящее. Через ворота, распахнутые творческим воображением, юноша мечтал войти в вечность с великими художниками или хотя бы принадлежать своему веку на равных с остальными его счастливицами. Первые юношеские строчки прозы рождались из тогдашнего школьного понимания социальных потрясений в истории Отечества и Западной Европы. Представляли они художественную ценность? Это, увы, никто не скажет. Главное их ценность в том, что они были!

Зато поэзия стала своеобразным эмоциональным отголоском вполне реальных событий, хотя стихотворный отклик на прочитанное, мог волновать не меньше.

В юношеских стихах ещё ощущается лихорадочная тополиность – успеть высказаться обо всём, не откладывая на завтра.

19 Мизгулин Д. А. Память / «Избранные стихотворения». Литературно-худ. изд. в 3-х т., СПб., 2017 / Избранные стихотворения (2005–2019). – СПб.: Любавич, 2019. – Т. 3. – С. 47.

20 Мизгулин Д.: «Беда не в дураках и не в дорогах...»: [интервью с президентом Ханты-Мансийского банка о его деятельности] / Д. А. Мизгулин; записал А. Фатеев // Тюм. Известия, 10 сент., 2011. – С. 1.

Личность всё зримее проявлялась в творчестве, и дело было только за малым – его оценкой. Но для этого нужно было довериться не первому встречному, а настоящему авторитету. Это случится после переезда в Ленинград, а пока ему очень хотелось продемонстрировать свои произведения не только закадычным друзьям, но более зрелой аудитории и, конечно, получить высокую оценку с её стороны.

Именно тогда юный автор открыл для себя одну закономерность, которой теперь следует всю жизнь: чем больше читаешь талантливой художественной литературы самых разнообразных писателей, тем меньше подражаешь, а, главное, вырабатываешь собственный стиль. Поначалу увлечение в подражании великим воспринималось им, как безусловное достижение: только так и нужно писать. Потом, когда появилась культура творчества, начался мучительный процесс избавления от литературных клише и штампов, поскольку вступает в действие обычная для этого процесса закономерность – количество прочитанных книг перейдёт в количество понятых.

С другой стороны, свободе не должно мешать чувство реальности. Бессознательное состояние рождает случайную строчку, а дальше важно, как она ляжет на бумагу и что за собой потянет. Очень хорошо было бы, если тебя сумели понять. И здесь Дмитрию предстояло бороться с самим собой.

Собственно, эта борьба и сделала его творческой личностью.

Мизгулин был тогда уверен, что человек делает себя сам, главное дать ему в детстве нужные установки и надёжные ориентиры. У Димы такие установки были – их дала мама, она же была для него первым примером того, как нужно жить и что считать ценным в жизни человека. А книжный шкаф вовремя подсказывал, уточнял направление жизненного пути и скорости движения. В какое-то время Дима сравнил свои усилия с марафоном. Метафора эта обязана своим появлением спорту! Дмитрий попробовал

себя во многих его видах, но предпочтение отдавал лыжам:

*«А я в детстве и юношестве не мыслил себя без спорта. Увлекался лыжными гонками».*²¹

В другом интервью он подчёркивал:

*«Встаю сам – в 6:30, а уже в семь – на беговой дорожке или на лыжах в лесу, или в бассейне».*²²

Помню, несколько лет назад зимним вечером, когда уже порядком стемнело, я возвращался домой с последней пары занятий в Югорском государственном университете, где преподавал литературу и журналистику. Только спустился со ступенек крыльца учебного корпуса, как меня кто-то окликнул. Я обратил внимание на стройного мужчину в лыжном одеянии. Это был Дмитрий с товарищем. Они возвращались с лыжной прогулки по заснеженным трассам Ханты-Мансийска.

²¹ Дмитрий Мизгулин: «Беда не в дураках и не в дорогах...»: [интервью с президентом Ханты-Мансийского банка о его деятельности] / Д. А. Мизгулин; записал А. Фатеев // Тюм. Известия, 10 сент., 2011. – С. 1.

²² Дмитрий Мизгулин: «Беда не в дураках и не в дорогах...»: [интервью с президентом Ханты-Мансийского банка о его деятельности] / Д. А. Мизгулин; записал А. Фатеев // Тюм. Известия, 10 сент., 2011. – С. 1.

От него шёл неповторимый дух снега и сосен. Тогда в душе я ему очень позавидовал: вот бы и мне так – на лыжи и в лес! Но сил не было. А Дмитрий стоит и улыбается: жизнерадостный и простой человек! И не верилось, что у него такая серьёзная должность – Президент банка и депутатство в окружной Думе, не считая бесчисленных общественных нагрузок! Но при всей своей занятости он регулярно находит время для занятий спортом – упражнениями со снарядами, плаванием и, конечно, любимыми с детства лыжными гонками. Не каждому руководителю в таком возрасте доводится признаваться в том, что кроме шахмат, шашек и бильярда он имеет желание и возможность участвовать в активных видах спорта.

Дмитрий Мизгулин – человек целеустремлённый и гармоничный и пример этому его преданность увлечениям детства – спортом, историей и литературой. Не зря же он признавался журналисту:

«Моя норма – четыре марафона в год, два из них – на лыжах. Кроме того, конечно, книги...»²³

Но марафон – в жизни Мизгулина – это не только спорт... Единственная в юности его поэма имела символическое название – «Марафон».

Для такого названия есть все основания. Развернув любую центральную или региональную газету 1960–1970-х годов, можно было обнаружить стихи о боксе, альпинизме, конькобежном спорте. Спорт был веянием эпохи. Имена наших хоккеистов и биатлонистов гремели на весь мир. С магнитофонных лент практически в каждом доме на всю

страну об этом же звучали песни Владимира Высоцкого, Юрия Визбора и других популярных бардов.

Спортивный марафон в своём истоке тоже подразумевал героические свершения.

Стихи о советском спорте обычно писались в агрессивно-наступательной стилистике, во многом популярности его в искусстве способствовала Всемирная олимпиада в Москве 1980 года. Личные пристрастия Дмитрия, как поэта, можно было охарактеризовать таким определением, как «состязательность». Дмитрий имел склонность к «командным» видам спорта, где победа достигалась общими усилиями. Сама дистанция протяжённостью в 42 километра и 195 метров покорялась не каждому бегуну. Участник этого соревнования – марафонец – уже сам по себе героическая личность, если отважился испытать себя на такой дистанции, где порою нечего делать стайеру, а тем более спринтеру.

Символика названия связана с тем, что сам Дмитрий, будучи ещё молодым человеком, осмыслял свою жизнь как бег с препятствиями, где необходимы выдержка и умение так распределить силы, чтобы их хватило для победного рывка. Это была целая философия жизни!

Да и само творчество Мизгулина вполне уместно связать с марафоном. Для него, крепко сложенного поэта, есть дистанции, которые ему пока только предстоит преодолеть. Речь не только о поэзии... Как человеку талантливому, ему хотелось выражать свои мысли и чувства в более крупных литературных формах и значительных жанрах:

«Но при сильной занятости проза отнимает слишком много времени, ведь проза – это большой труд, публицистика – это большой труд, это требует хотя бы нескольких часов в день, а стихотворение – тут проща с точки зрения занятости. Это как спринтерская

²³ Дмитрий Мизгулин: «Дмитрий Мизгулин – жёсткий прагматик с нежной душой»: [интервью с президентом Ханты-Мансийского банка о его деятельности] / Д. А. Мизгулин; записал А. Рябов // Интернет-газета «Югра-Информ», Ноябрь, 27, 2013.

и стайерская дистанции. Ты можешь быть олимпийским чемпионом на стометровке, а можешь быть и марафонцем, дело вкуса». ²⁴

Да, в этом высказывании есть своя правда: чтобы пробежать стометровку потребуется несколько секунд, а на марафонскую дистанцию – несколько часов. Однако тяга поэта к прозе никогда не пропадала. Неоднократно в многочисленных интервью и беседах он подчёркивал мысль: в нём только временно молчит прозаик. Был период, когда за два-три года им создавался цикл рассказов. О его «ночном» дневнике – разговор особый! Но проза, даже малая, требует гораздо больше хлопот. Работа, как это не прозвучит странно, оставила время Дмитрию только на поэзию. И при этом он абсолютно убеждён: всякий хороший прозаик – первоначально поэт – и только потом уже можно приниматься за освоение марафонской дистанции в прозе.

Ещё в одном Дмитрий убеждён наверняка:

«<...> поэзия, считаю, как ни странно, как ни смешно, она перспективна, потому что прозу читают тяжелее». ²⁵

Если продолжить эту мысль, то получится, что поэзия что-то вроде «спринта» в отличие от прозы – «марафона».

К сожалению, юношеская поэма Мизгулина «Марафон» так и не была нигде опубликована, и о ней знают единицы лишь со слов автора. Но даже её название многое может прояснить. Автор же, преодолев один рубеж, уже стремился к другому: следующая остановка – Ленинград!

²⁴ «В основе любой экономики – человек!»: [интервью с президентом Ханты-Мансийского банка о его деятельности] / Д. А. Мизгулин; записал И. Романов // Большая Медведица, № 2, 2012. – С. 4-5.

²⁵ Дмитрий Мизгулин: «Поэт, финансист и общественный деятель новой России»: [интервью с президентом Ханты-Мансийского банка о его деятельности] / Д. А. Мизгулин; записал В. Скворцов // Невский альманах, № 5, 2011. – С. 8-11.

ФИЗИК ИЛИ ЛИРИК?

Итак, наш герой в городе его мечты: столько перспектив! И главный вопрос «кем быть?» Ещё подростком Дима продумывал шаги вплоть до мелочей, ставил задачи и пытался успешно решать их. Но ответ именно на этот юношеский вопрос дал сбой в характеристике образа «железного Димы»:

«Да кто в молодости всерьёз задумывается о будущем? Осознанность приходит позднее. Родился я в Мурманске, но поскольку вузов там было раз-два и обчёлся, поехал в Ленинград. Хотел стать историком. Но вы же знаете, как в семнадцать лет бывает: куда друзья – туда и я. К тому же в Ленинградском электротехническом институте связи, куда я поступил, была хорошая спортивная команда. А я в детстве и юношестве не мыслил себя без спорта. Увлекался лыжными гонками...» ²⁶

Что ж! От ошибок, действительно, никто не застрахован. Но интересно другое: до какой степени Дмитрий «переквалифицировался» из «лирика» в «физика» (вуз-то был технический!)?

О споре «физиков» и «лириков» написано немало.

Дискуссия началась с письма в «Комсомольскую правду» Игоря Полетаева в ответ на отклик писателя Ильи Эренбурга 2 сентября 1959 года в той же газете на письмо студентки пединститута Нины. Девушка жаловалась на своего друга, инженера Юрия: он не разделяет её восторгов по поводу искусства, не хочет посещать выставки и концерты,

²⁶ Дмитрий Мизгулин: «Беда не в дураках и не в дорогах...»: [интервью с президентом Ханты-Мансийского банка о его деятельности] / Д. А. Мизгулин; записал А. Фатеев // Тюм. Известия, 10 сент., 2011. – С. 1.

Советская и российская ежедневная общественно-политическая газета. Газета основана 13 марта 1925 года как официальный печатный орган ВЛКСМ.

а на попытки прочитать ему стихи Блока заявляет, что искусство – это чепуха, так как наступила новая эпоха точных знаний и научного прогресса.

Эренбург призвал советских граждан «бороться за гармоничное развитие личности». Игорь Полетаев, инженер-подполковник, трудившийся в НИИ Главного артиллерийского управления, решил «уточнить» мнение писателя и отправил письмо в редакцию, озаглавив его «В защиту Юрия». Он не подозревал, что ему доведётся стать выразителем «общественного мнения», отказывающего искусству и такому его виду, как литература, в социальной ценности: «Мы живём творчеством разума, а не чувства, поэзией идей, теорией экспериментов, строительства. Это наша эпоха. Она требует всего человека без остатка, и некогда нам восклицать: ах, Бах! ах, Блок! <...> Хотим мы этого, или нет, они стали досугом, развлечением, а не жизнью».²⁷

По воспоминаниям Полетаева, в воскресенье в номере «Комсомольской правды» целая страница оказа-

лась посвящена обсуждению читателями высказывания И. Г. Эренбурга в поддержку «Нины». «В северо-восточном углу оказалась моя заметка «[Несколько слов]» – пропущено редакцией – «В защиту Юрия» (оставлено редакцией)... Оказалось, что-то вроде грома среди ясного неба! Не вру, два или три дня интеллигенция нашего НИИ (и в форме, и без) ни фига не работала, топталась в коридорах и кабинетах и спорила, спорила, спорила до хрипоты. Мне тоже не давали работать и поминутно «призывали к ответу», вызывая в коридор, влезали в комнату.

Для меня всё сие было совершенно неожиданно и, сказать по правде, – непонятно. Откуда столько энтузиазма и интереса? «За меня» было меньше, чем «против». Но не многим меньше. В моей тогдашней оценке счёт был 4:6. <...> Толки и споры затухали медленно. Потом включились домашние, друзья и знакомые. Начались телефонные звонки. Формировалось, что называется «общественное мнение».²⁸

И, вправду, страсти тогда разгорелись не шуточные: к концу года дискуссия перекинулась на страницы других изданий периодической печати.

«...Во всех речах, – напишет критик В. Бушин, – даже когда ораторы прямо об этом не говорили, звучала убеждённая необходимость поэзии, в важности её миссии, в том, что она занимает много места в душе современника и займёт ещё большее – в жизни человека коммунистического завтра».²⁹

28 Полетаев И. «Военная кибернетика», или Фрагмент истории отечественной «лженауки» // Очерки истории информатики в России / Ред.-сост. Д. А. Поспелов и Я. И. Фет. Новосибирск, 1998 (цит. по: <http://vivovoco.rsl.ru/vv/papers/bio/poletaev.htm>).

29 Бушин В. После споров – накануне споров // Литература и жизнь, 27 декабря, 1959. – С. 3.

27 Полетаев И. В защиту Юрия // Комсомольская правда, 11 октября, 1959. – С. 2.

13 октября 1959 года «Литературная газета» на первой странице опубликовала программное стихотворение Бориса Слуцкого «Физики и лирики».

Что-то физики в почёте.
 Что-то лирики в загоне.
 Дело не в сухом расчёте,
 Дело в мировом законе.

Значит, что-то не раскрыли
 Мы, что следовало нам бы!
 Значит, слабенькие крылья –
 Наши сладенькие ямбы,

И в пегасовом полёте
 Не взлетают наши кони...
 То-то физики в почёте,
 То-то лирики в загоне.

Это самоочевидно.
 Спорить просто бесполезно.
 Так что даже не обидно,
 А скорее интересно

Наблюдать, как, словно пена,
 Опадают наши рифмы
 И величие степенно
 Отступает в логарифмы.³⁰

В отрочестве моего поколения, что пришлось на 1960-е, мы ещё застали споры физиков и лириков. Мы воспитывались на многих произведениях, посвящённых нашим физикам, в том числе и Даниила Гранина. Помню двухсе-

рийную экранизацию романа «Иду на грозу» и то потрясение, что испытал после просмотра этого чёрно-белого художественного фильма – наука без жертв не бывает!

Однако мы продолжали читать и всё время ощущали нехватку времени, вспоминая легендарную мечтательную фразу того же Даниила Гранина: «Следует что-то придумать, чтобы люди могли сдавать на сохранение лишнее время, сдавать, как в сберкассе, а потом брать по мере надобности».

Никак не забыть ещё одного культового фильма про физиков – «Девять дней одного года». Полагаю, Дмитрий посмотрел его не раз. Научным консультантом картины был лауреат Нобелевской премии по физике 1958 года Игорь Тамм. Положительную оценку картине дал иной будущий Нобелевский лауреат Андрей Сахаров. Учитель главного героя погибает во время рискованного эксперимента, но ученик идёт к цели, презирая опасности. Образ профессора-учёного взволновал меня его пренебрежением к смерти. Он пытается довести до ума свои расчёты, зная, что обречён! Его не интересуют материальные блага или признание и слава: главное в жизни человека работать до самозабвения и вплоть до самопожертвования. Таков и главный герой, который ни на минуту не сомневается в своих убеждениях. Впервые на широком экране показали увлечённых людей, выразивших мысли и чувства без пафоса и подобострастия.

Но заметнее всего диалог «лириков» и «физиков» выражен в литературе. Это был ответ «лириков» «физикам». Александр Галич, Булат Окуджава, Новелла Матвеева, Юлий Ким, Юрий Визбор, Владимир Высоцкий. Всех не перечислишь! Не было ни одной квартиры с магнитофоном, где бы ни звучали их песни. В среде «физиков» в конце шестидесятых возникла новая субкультура – проведение отпусков в дальних туристических походах, ей сопутствовала романтизация таёжного быта, свобода

30 Слуцкий Б. Физики и лирики // Литературная газета, 13 октября, 1959. – С. 1.

геологов-поисковиков. Лучшая часть интеллигенции переделалась в штормовки, именно тогда массово прозвучали у костров и первые авторские песни.

Мы радовались не только каждой такой новой песне, услышанной под гитару от товарищей! Помню, как я и мои сверстники, буквально расцветали от знакомства с интересной книгой! В 1970-е хорошая литература была в дефиците и если уж попадалась в руки хорошая книга – это был праздник души! В 1972 году я впервые услышал о романе Булгакова «Мастер и Маргарита» на одной из лекций по советской литературе, но ни в одной библиотеке дальневосточного города так и не нашёл заветных номеров журнала «Москва» за 1967 и 1968 годы, где с купюрами было впервые опубликовано это необычное произведение.

Вот и для Дмитрия характер «шестидесятничества» заключён в его ценностных ориентирах:

«Вспомним Советский Союз. Иметь книгу – это было престижно. Престижно было подписаться на «Новый мир». Престижно было поговорить о книжной новинке. И на Западе сегодня также престижно пойти на концерт классической музыки. Здоровый образ жизни – это считается нормой. А у нас что престижно: бутылка пива, сигарета, наушники в ушах, потому что мы все рабы. Десталинизация – вот

у нас сейчас самый главный вопрос. Других важных вопросов нет!»³¹

В самом начале 1970-х противостояние «физиков» и «лириков» стало сходиться на «нет», ибо во всю шло освоение космоса и мирной атомной энергии. «Физиков» тогда поддерживало государство. Здравомыслящий юноша Дмитрий Мизгулин, мечтавший, – как сам он признавался, – о поприще историка, после серьёзного размышления всё-таки решился стать «технарём». Итак, в свои неполные семнадцать лет Дмитрий поступил в технический вуз. Но при этом он не только не порвал с литературными занятиями, а, напротив:

«Осознанно занялся творчеством с 1978-го, когда переехал в Ленинград и стал посещать клуб молодого литератора».³²

Так боролись ли в нём «физик» и «лирик»? Нет, он их смог примирить, выбирая «нечто среднее между гуманитарными науками и науками точными».³³

Задумано было неплохо, хотя и не просчитано до конца:

«Отучившись пару лет, опомнился: электротехника – не моё! Осциллографы мне не очень-то подчинялись. Вот

Дмитрий Мизгулин,
выступление
в Доме писателя,
1982 год, Ленинград.

31 Дмитрий Мизгулин: «Поэт, финансист и общественный деятель новой России»: [интервью с президентом Ханты-Мансийского банка о его деятельности] / Д. А. Мизгулин; записал В. Скворцов // Невский альманах, № 5, 2011. – С. 8-11.

32 Дмитрий Мизгулин: «Беда не в дураках и не в дорогах...»: [интервью с президентом Ханты-Мансийского банка о его деятельности] / Д. А. Мизгулин; записал А. Фатеев // Тюм. Известия, 10 сент., 2011. – С. 1).

33 Дмитрий Мизгулин: «Поэт, финансист и общественный деятель новой России»: [интервью с президентом Ханты-Мансийского банка о его деятельности] / Д. А. Мизгулин; записал В. Скворцов // Невский альманах, № 5, 2011. – С. 8-11.

после второго курса и перевёлся в финансово-экономический институт».³⁴

Жалел или не жалел Дмитрий, избрав другую профессию? По этому поводу он рассуждает так:

«Когда выбирал стезю экономиста, это была одна из самых низкооплачиваемых профессий. Просто я искал нечто среднее между физикой и лирикой, между точными и гуманитарными науками. Так и пришёл в экономику. О чём ни сколько не жалею. Всю жизнь занимаюсь экономикой и финансами».³⁵

³⁴ Д. А. Мизгулин поступит в финансово-экономический институт им. Н. А. Вознесенского; Дмитрий Мизгулин: «Беда не в дураках и не в дорогах...»: [интервью с президентом Ханты-Мансийского банка о его деятельности] / Д. А. Мизгулин; записал А. Фатеев // Тюм. Известия, 10 сент., 2011. – С. 1.
³⁵ Дмитрий Мизгулин. Там же. – С. 1.

Глава 3.

ВЫБОР ПУТИ

ЛЕНИНГРАД – ЭТО СУДЬБА

ко можно в дыме вернуть
 до меня и тобою и прощаю,
 в великом соборе нежная...
 мой поменьше
 не жалею
 иль было иль поступил
 твои косяк оравно...
 вней, ну не было равно?
 иль твой... или ты
 посветило
 посоветуй до шрифт или
 иль!
 ро выразит не вы нравно?
 и нося
 много случя?
 ульнего
 вюшимо афрошное?
 и брафт со мот
 и и шрифт, и пощоме
 сегового гроши...

Записавшись в «физики», тем не менее, Мизгулин, как уже было сказано, не бросил писать, напротив, он всё более и более увлёкся поэзией, но почему случилось такое, он тогда бы и не ответил. Уже позже в своем дневнике-ночнике запишет:

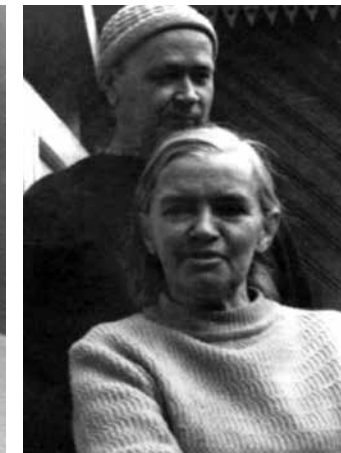
«Что такое поэзия, как её определяют? Это стремление русского человека достучаться до небес! Русский человек понимает, что, достучавшись до Бога,

он может не получить счастья, может быть, даже не получит радости, но, тем не менее, он ломится в эти двери, лезет по этой лестнице».³⁶

Вот и первая ступенька! Поиск связи с теми, кто сумел бы помочь в литературных занятиях. Когда только начался первый в жизни студенческий год, кто-то из вчерашних абитуриентов и приятелей ещё по Мурманску запасался учебниками, настраивался на учебный лад, а Дмитрию этого было мало! Он испытывал неудовлетворение: без возможности профессионального разбора своих литературных творений, он бы уподобился цирковой лошади, что бегаёт по кругу. Такое «метафизическое» направление его не радовало. И судьба оказалась благосклонна к нему. В сентябре 1978-го ему на глаза попадает объявление: на базе одного из культурных заведений пищевой промышленности начинается набор всех желающих в литературное объединение. Ему здорово повезло: он оказался в мастерской Натальи Иосифовны Грудиной.

Кто такая Наталья Иосифовна?³⁷ Выпестовала Наталья Иосифовна ни одно поколение замечательных поэтов, организовала клуб молодого литератора, который просуществовал до начала 1990-х годов при Ленинградском отделении Союза писателей СССР. Преемником клуба станет позже литературное общество «Молодой Петербург», возглавит которое Алексей Ахматов.

В студии регулярно, по отзывам участников, проходили вечера поэзии и музыки. Они чем-то напоминали детские великосветские балы, в которых малолетний Саша Пушкин принимал участие вместе со своей сестрой. Конечно, это

была репетиция настоящих взрослых творческих вечеров: выступления «начинающих» разбавлялись выступлениями молодых музыкальных дарований. Общение с публикой на подмостках входило в «учебную программу». Многие студийцы здесь вырабатывали свою манеру декламации собственных поэтических произведений. Нравились ли Дмитрию Мизгулину столь многообразные формы общения в студии? Думаю, что не всегда, но, с другой стороны, это была школа, в которой его очень многому научили!

Наталья Грудина профессионально шлифовала литературные таланты. Не любить её было невозможно, – не раз признавались публично участники её литературной студии. По всеобщему признанию, она была сгустком энергии и оптимизма, поэтому её хватало на всё!

Конечно, не каждому литкружковцу нравилось, когда безжалостно правили

Наталья
Иосифовна
Грудина
(1918–1999) –
русская советская
поэтесса
и переводчица.

xxx

по себе

некоторые вещи не стали,
и в себе чувствуется
эт маленький, остро и сурово,
мощный, властный и сдержанный,
но физически и сдержанный
собственн. своего рода
исключительный человек.

³⁶ Дмитрий Мизгулин: «Поэт, финансист и общественный деятель новой России»: [интервью с президентом Ханты-Мансийского банка о его деятельности] / Д. А. Мизгулин; записал В. Скворцов // Невский альманах, № 5, 2011. – С. 8-11.

³⁷ Наталья Иосифовна Грудина см. сноску. – С. 300.

его литературные опусы прямо на его, «авторских» глазах. Но терпеть приходилось по той простой причине, что её правки были, действительно, намного лучше. Благодаря этому «шедевр» мог попасть в печать. А это стоило любых жертв! И очередная «поэтическая душа» ради обнародования собственноручного творчества, терпела любые «хирургические» вмешательства. Бывало, что с правкой не соглашались и разбивались в лепёшку, чтобы отстоять свои авторские права. И с теми, кто чаще спорил, упирался и не плакал только из-за гордости, она, в конце концов, находила общий язык!

Часто своих учеников Грудинина охотно принимала у себя дома, на Охте, где неоднократно бывал и Дмитрий Мизгулин.

Там же он встречался за гостеприимным столом с северянами, с которыми договаривался о переводах.

Наталье Грудининой надо быть благодарным уже за одно только то, что она понимала: начало поэтического пути каждого художника просто невозможно без заимствования или подражания более опытным и талантливым – назовём их классиками или учителями. Никогда она не упрекала своих учеников за то, что мысли и чувства в стихах были стары, как мир после его сотворения. Она просто знала: для совершенства необходимо сначала превзойти тех, кому ты сейчас подражаешь. Без подражания не будет и превосходства! Это тоже дорогого стоило! Не случайно же одна из легенд о Шекспире повествует, как однажды к нему пришёл молодой поэт и высказал сокровенное желание: быть во всём в творчестве похожим на него. На что гений отвечал: «В юности я хотел стать Богом, но стал только Шекспиром. Что же выйдет тогда из вас?»

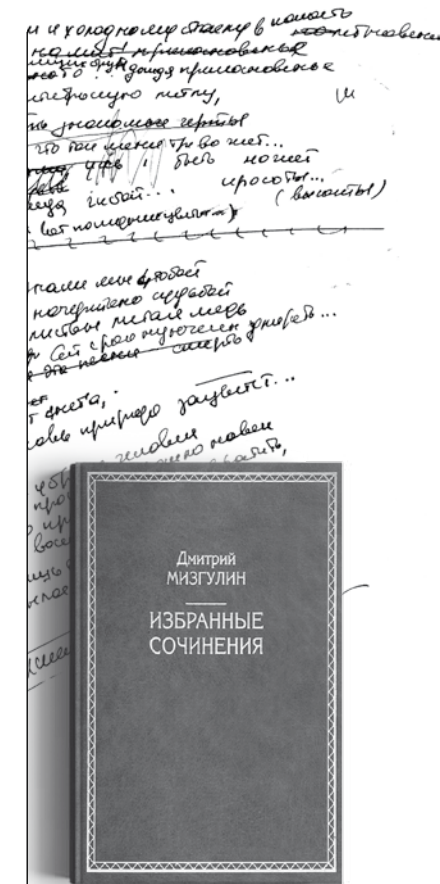
Дмитрий старался в поэтическом ремесле быть искренним, избегая какой-либо позы, как чего-то весьма и весьма неприличного, а потом уже будь, что будет! В конце концов, талантливый человек пробьётся везде, что бы он ни избрал в качестве предмета своего внимания... Чутьё ему не зря

подсказывало: когда поэт похож сам на себя, а не на кого-то, он уже этим интересен читателю. И чем крупнее, неповторимее личность создателя, тем значительнее его творение. На ранней стадии освоения поэтического мастерства важно было управлять словами, а уже потом, освоив одну науку, приступать к другой. На первых порах Дмитрий стремился к простоте и небольшому объёму стихотворного изложения.

Среди ранних стихотворений только единичным повезло с публикацией в том «Избранного». Они почётно размещены на самых первых страницах. В них ещё есть «описательность», однако, настроение присутствует благодаря образам.

В первом стихотворении 1979 года³⁸ из тома «Избранного», где поэтом изображён осенний сад, первая строка построена на «обонятельно-осязательном» восприятии: «Потянуло холодком из пустого сада». В пятой и шестой строках восьмистишия явно преобладают зрительные и слуховые образы:

Вижу – журавли летят,
Слышу крик печальный.

Среди ранних стихотворений только единичным повезло с публикацией в том «Избранного». Они почётно размещены на самых первых страницах.

38 Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. / Сост. и предисловие Н. Н. Стручковой. – М.: Худож. лит., 2006. – С. 19.

Поздняя осень предстаёт в череде динамических и статических картин: с одной стороны, движение холода, журавлей, с другой, – застывшая «под искрящимся ледком / чёрная ограда», осенний сад, «как дворец хрустальный».

В следующем стихотворении «Недовольно гаснут фонари...» преобладают зрительные образы, которые в последних двух строчках рождают метафору:

Солнца медь на небе, посмотри,
Утро начищает облаками.

Осеннее настроение, навеянное осенне-зимним городским пейзажем, может быть, и не было запечатлено у иных художников таким же, хотя подобное, встречается и у других лириков, но выстраивается уже в какую-то другую последовательность, рождая иные образы и настроение.

Возможно, кто-то стихотворение назовёт ученическим, а кто-то взгрустнёт о пропаже звёзд на небе вместе с поэтом, потому что стихи по-своему интересны. Автор-составитель включил их в «Избранное», полагая, что читателю будет интересно узнать, как менялась его поэзия.

К сожалению, до нас дошли лишь некоторые из ранее опубликованных стихотворений, созданных в конце 1970-х – начале 1980-х годов, что появились в периодической печати того периода.

Дмитрий был благодарен своей наставнице за помощь в редакторской правке «мальчишеских стихов» и никогда не считал, что она, как варвар, оскверняла треножник Аполлона. С её стороны к молодому автору было тоже уважительное отношение, поскольку к ней в студию пришёл не мальчик, а вполне сформировавшийся молодой стихотворец, студент с определёнными взглядами на жизнь и литературу. Но для печати чаще всего нужны были стихи конкретные – бодрые и жизне-

радостные. Лучше всего могли подойти строки о созидательном труде советского человека. Другими словами, славу должна была обеспечивать оптимистическая поэзия – и никуда от этого в то время нельзя было деться! Эта была своеобразная дань идеологии.

Примерно, в то время (1980–1981) мне пришлось руководить на городском телевидении в дальневосточной провинции редакцией молодёжных и детских передач. Задачи перед нашим маленьким коллективом стояли сложные. Особенно это касалось выпуска творческой продукции для детей дошкольного возраста. Надо было создать такую телепрограмму для малышей, чтобы в ней просматривалась «партийность» – приверженность идеологическим канонам, с одной стороны, а, с другой, не следовало забывать о краеведении, местном патриотизме и развлекательности – игровой манере! С грехом пополам мы выпустили одну такую телепередачу с названием, тогда нам показавшимся символическим, «Белые кораблики»! Ну, а потом уж ограничивались только фестивалями детского творчества, запустив эстафету выступлений в телеэфире воспитанников городских детских садов...

Не потому ли в раннем творчестве Дмитрия конца 1970-х – начала 1980-х годов можно обнаружить серьёзные колебания от чисто мажорной тональности: «Мало ли, что выпал снег. / Жизнь прекрасна, как и прежде» к покаянным нотам: «Если письмо запоздало, / Может быть, сам виноват?», а затем и к кричащим проблемам нравственного характера, которые он пытается философски осмыслить. Например, в стихотворении «Пожар в лесу» (1981), построенном на событии: поезд едет через пылающий лес. Кто-то, зевая, задёргивает шторы, кто-то мечется от окна к окну, переживая. Стихотворение оканчивается афористически:

У тебя душа болит?
 Ты зачем её тревожишь?
 Поезд едет. Лес горит.
 И ничем тут не поможешь...³⁹

В юношеских опытах становится очевидным постепенный процесс перерастания субъективности, свойственной авторскому «Я», в некоторую отстранённость и обобщённость. При этом Дима не мог не реагировать на сегодняшний день.

Назойливое навязывание молодому поколению социальной модели, которую уже мало кто принимал всерьёз, раздражало. В конце 1980-х это раздражение стало прорываться в стихах Дмитрия:

Время пришло собирать камни.
 Кто даст ответ,
 Что из них строить?
 Храм ли воздвигнуть
 Белоколонный
 Или тюрьму понадёжней?
 Тот, кто изрёк, что пора настала,
 Так давно говорил об этом...
 Сколько с тех пор разрушенных храмов?
 Сколько с тех пор построено тюрем?
 Не тверди – только Богу известно...
 Время пришло разбрасывать камни...
 Время пришло собирать камни.
 Только камней не осталось.⁴⁰

Какое чувство времени! Страна перед выбором пути. Неприятие действительности поэтами выражалось

по-разному – от фиги в кармане – к поискам оригинальных форм и тем, чуждых марксизму-ленинизму, наконец, к прямым высказываниям. У Мизгулина оно не вылилось ни в то, ни в другое, не считая редких экспериментов, как в процитированном стихотворении. Однако процесс переосмысления истории и современности подспудно и незаметно для самого Дмитрия шёл. Конечно, юноша в силу своего возраста был поглощён пока другими проблемами. Зато ранним его стихам были присущи искренность, кроме того, в них ощущалась приверженность русской классической традиции XIX столетия с её философичностью и лиризмом.

Мысль о том, что врать нельзя! – была всегда важной для музыки Мизгулина, а, значит, и для самого автора, критически относящегося к некоторым идеологическим установкам государства в таком важном предмете как лирика. В ранней мизгулинской поэзии отсутствуют заказные стихи, написанные к определённой официальной дате, лишь бы напечатали. Дмитрий в глубине души надеялся, что рано или поздно в государстве должно что-то измениться. Да, он знал: в стране параллельно по отношению друг другу существуют две литературы: настоящая и другая, признанная идеологами. Обе были по-своему содержательны и почитаемы читателями... Когда случилась Перестройка, словесность андеграунда, хлынувшая на рынок, не сумела безболезненно существовать на вольных хлебах, а часть советской классики оказалась востребованной и по сегодняшний день! Всякое было в те годы уходящего в небытие социализма... Одни писали для народа – и порою в стол, другие – угождали властям. Были ещё и те, кто пытался усидеть сразу на двух стульях, но не у всех это получалось. Художников, сохранивших лицо и доживших своими книгами до наших дней, почему-то в истории советской словесности осталось не так много. Хотя не только к ним сегодня обращаются потомки! Многие художественные произведе-

39 Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. – М., 2006. – С. 31.

40 Там же. – С. 94-95.

ния классиков и любимцев вождей советской поры тоже, как ни крути, не потеряли актуальности.

С другой стороны, тем, кому постоянно затыкали рот, запрещали высказаться публично, возможно, легче было исповедоваться читателю о наболевшем. Они выигрывали на фоне тех, кто растерял запас заповедных слов на пустяки по любому поводу или без повода.

Покуда над стихами плачут,
Пока в газетах их порочат,
Пока их в дальний ящик прячут,
Покуда в лагеря их прочат, –
До той поры не оскудело,
Не отзвенело наше дело.

(Борис Слуцкий)

Несломленных творцов советского искусства можно называть героями. Хотя, надо признаться, настоящих героев мы стали забывать, начиная с перестроечных годов, подвергая сомнениям многие замечательные явления советской эпохи. В результате мы потеряли не только героев, но и героический фон, определявший развитие отечественной истории.

Именно об этом столкновении лучшего из прошлого и худшего из наступающего завтра Мизгулин скажет в «Балладе о хозяйственной сетке», созданной в 1984-м году, – можно сказать, в преддверье перестройки. Здесь поэт сталкивает две философии, две правды – уходящего поколения и только оперяющегося. И сравнение не в пользу тех, кто не доволен теперешним благосостоянием, желая молочные реки и кисельные берега без каких-либо усилий со своей стороны.

Походкой немного нетвёрдой,
Храня независимый вид,
По улице шествует гордо
Минувшей войны инвалид.

И обыкновенная сетка
В руках огрубевших его –
Теперь уж на улицах редко
С такой повстречаешь кого.

Примета минувшего быта!
Мы стали тебя забывать.
Всё было легко и открыто,
И нечего было скрывать...

Теперь уж не переиначим
Минувших сокрывшихся дней,
Где жили не то чтоб иначе,
Но всё-таки как-то дружной...

Опять твоя сумка забита
До самых высоких краёв,
Пейзажем заморским сокрыто
Бездонное чрево её...⁴¹

Хозяйственная сетка у поэта выступает символом всеобщей справедливости и открытости, пусть и нелёгкого, но героического времени, когда «радость на всех одна, на всех и беда одна...», и совсем не случайно то, что её обладатель – «минувшей войны инвалид» хранит независимый вид и «по улице шествует гордо». В ту пору ещё не всё решали деньги, и в обществе было гораздо больше человеческого тепла, взаимовыручки, уважения друг к другу

41 Мизгулин Д. А. Там же. – С. 54.

гу. Всё это дало основание поэту с горьким сожалением заявить:

Всё было легко и открыто,
И нечего было скрывать...

Мне вспоминается, как несколько лет назад, студенты выпускного курса отделения журналистики Югорского университета, вдохновлённые «Балладой о хозяйственной сетке», создали свой документальный фильм «Жизнь от сетки до пакета», комментарием к которому стали стихи поэта. Видеоряд современного набора продуктов самого разного ассортимента на прилавках, приобретение их по сходной цене в неограниченных количествах представителями определённых слоёв населения, интервью с продавцами и покупателями дополнялся закадровыми строками, звучащими как упрёк к «всеядному» приобретателю, у которого «сумка забита» и «бездонное чрево её...»

Казалось бы, что в этом плохого? Но возможность одних есть досыта, позволяя себе всевозможные деликатесы, когда другие смотрят на них завистливыми глазами, свидетельствует о небывалом расколе общества, невысказанным в пору советской власти после НЭПа.

Баллады для Дмитрия Мизгулина стали тем лирическим жанром, где он ненавязчиво для читателей пытается понять: что движет человеком? Но для ответа на вопрос, – какими мы стали? – важно понять: какими мы были?

В «балладном» цикле, растянувшимся на несколько лет, человечность – мера всех вещей. Позже, поэт скажет довольно веские слова в укор нашему обществу массового потребления:

Стало меньше хороших людей.
Стало больше хороших товаров.
Стали меньше читать и писать.⁴²

В балладах Мизгулин одушевляет предметы, раскрывая судьбы людей разных поколений («Баллада о хозяйственной сетке», «Баллада о старой пластинке»), создавая психологические портреты тех, кто близко связан с приметами уходящего прошлого («Баллада о буксире», «Баллада о скрипке», «Баллада о старой лестнице»).

Герой «Баллады о буксире» переживает личную трагедию – от него ушла жена, тяжело нести душевные страдания внутри себя:

На душе его дождливо,
Одиноко, сиротливо,
Некому помочь.⁴³

Ему, капитану судна, надо обязательно с кем-то поделиться своим чувством, но тогда лирическая трагедия разрешится банальностью: «...может, со старпомом // На двоих – полбанки рома, // Вроде свой мужик...». Сильные люди – несчастья должны переживать безропотно в себе, не перекладывая обузу на других. Автор внутреннюю ситуацию скорби разворачивает во внешнюю, достигая психологических глубин в ощущении одиночества брошенного человека.

В рассказе Антона Павловича Чехова «Тоска» герой извозчик Иона Потапов ни с кем из своих пассажиров так и не смог поделиться личным горем – смертью сына – настолько люди эти заняты собой и закрыты для отзывчивости. Выслушать и посочувствовать оказалась в состоянии только лошадь.

42 Там же. – С. 134

43 Там же. – С. 37

У Мизгулина капитан буксира – достаточно сильный человек, – приступая к своим обязанностям, никак не может обрести душевное равновесие. И только когда к нему со словами ободрения обратится «железо» – одушевлённый автором буксир «Смелый», капитан берёт себя в руки.

Специфика поэтического мировидения здесь заключена в том, что предметный мир, воспетый автором «балладного» цикла, несёт в себе человеческую энергию и даже душу, тем самым, характеризуя своих владельцев или людей к нему причастных. Буксир – стальная машина – относится к своему капитану, как чеховская лошадь к кучеру Йоне: она и единомышленница, и тягловая сила в натужной работе:

Заурчит машиной «Смелый»,
 Задымит своей трубой:
 – Сколько лет ходил с тобой!
 Что случилось, в самом деле?
 Что же делать – разлюбила...
 Что же делать – позабыла,
 Разные пути,
 Нам пора заняться делом... –
 Пробурчал сердито «Смелый»,
 Что ж, пора идти...

Ты смотри, какой туман!
 Подтянитесь, капитан.
 Столько лет с тобой вдвоём,
 Ничего, переживём...⁴⁴

У читателей после этих ритмичных строк создаётся впечатление: капитан буксира – представляет плеяду таких железных людей, из которых «крепче б не было в мире гвоздей» («Баллада о гвоздях» Николая Тихоно-

ва). Пунктирно или полунамёком, намёком или деталью, поэт свои внутренние лирические сюжеты разворачивает в иной ракурс восприятия каждой «балладной» вещи, которой посвящается произведение. Практически неуловим переход от бытовых подробностей и её конкретной повседневной значимости до символа эпохи, представляющего мир духовных ценностей, что остались за спиной у новых поколений.

Безусловно, балладная тематика в становлении поэта Мизгулина сыграла важную роль. Её истоки – в отрочестве и юности поэта. В ту пору он ещё застал единство советских людей по большинству вопросов и ощущал вместе со всеми гордость за своё государство. Балладный цикл помог ему расширить не только жанровый диапазон, но, соединившись с чистой лирикой, привнёс гражданственную проблематику и социальные мотивы.

Так осуществлялось развитие творческой личности: от первой книги – к книжному шкафу, затем – к памяти человеческой, к русской и зарубежной классике, наконец, к собственному творчеству...

ИЕРОГЛИФ

Стихотворение «Суворов» было создано в трудный, 1983 год. Это был год обид, непонимания, временных поражений в личной судьбе поэта, он был не прост и в социальном плане, поскольку был назван «временем Андропова», когда «закручивались гайки» для сохранения прежней власти и самой страны.

Стихотворение это – до сих пор безупречный камертон того, что определяет дух творчества Дмитрия Александровича Мизгулина.

44 Там же. – С. 37-38.

Когда Дмитрий писал стихи о Суворове, он полагался исключительно на свою интуицию и знания той эпохи, где жил и действовал его герой. Попытка вступить в контакт с миром мыслей и чувств людей, проживавших в восемнадцатом столетии, несомненно, удалась благодаря чёткому осознанию и соблюдению дистанции, что разделяла его с героем и эпохой. Надо заметить: если бы не было интереса к личности полководца со стороны его современников и последующих поколений, то вряд ли бы Мизгулину удалось столь успешно расшифровать оставленные ими для потомков сообщения.

Диалог художника с эпохой возможен при условии исторического знания двух культур – бывшего и настоящего. При этом необходимо ещё учитывать, что мы видим культуру далёкой эпохи не такой, какой она сама себя осознавала в лице её носителей, поскольку мы знаем больше, чем люди того времени были в состоянии понять самих себя.

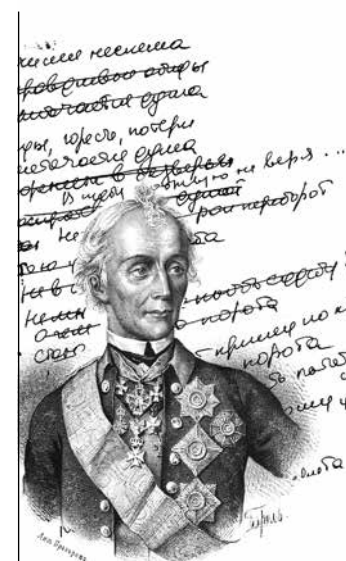
Мир прошлых веков представляет иную историческую глобальность – невидимую во всех деталях и нюансах всеобъемлющую среду, в которую погружены её представители. Поэтому любое их побуждение или мысль, возникающая в головах, поступках, ими совершаемых, получает соответствующую общественную реакцию сообразно законам того времени. Именно в контексте той общественной среды нам следует рассматривать поведение людей других исторических эпох. Не только каждая последующая историческая среда и каждое новое поколение историков реконструирует прошлое, делая его «своим». Любая историческая картина в восприятии современного исследователя – субъективна и неистинна, поскольку нуждается в реставрации от прежних реконструкций, а те, в свою очередь, следствие отредактированных каждой новой эпохой исторических отблесков ещё более давнего прошлого, замена прежнего видения иным взглядом. Насколько эта картина верна на этот

раз, если учитывать, что у каждого из нас свой Суворов?

В стихотворении непобедимый военный гений предстаёт в образе отставного, опального ездока, о котором все забыли. Поэт напоминает читателю факт, когда Суворов был вынужден выйти в отставку по высочайшему повелению императора Павла I. Мысли и чувства по этому поводу, с одной стороны, принадлежат историческому персонажу, а, с другой – это всё-таки, авторская реконструкция.

Суворов – наша тоска по русским победам не только на полях сражений, но и каждого над собой и над временем! Начинается эпоха перемен. Кажется, что всё течёт по-старому: КПСС правит государством, люди живут по прежним законам, но происходит такое, что трудно определить, как ультразвук невозможно уловить человеческому уху. Мизгулин интуитивно ощущает перемены. Они скоро коснутся каждого. Образ Суворова в этом контексте осмыслится на грани сменяющих друг друга эпох.

В поэзии у Дмитрия встречаются, как правило, исторические личности с независимыми суждениями, изнутри подготовленные к таким ситуациям, когда надо взять всё на себя, действуя без промедления чётко. Можно сказать, что Мизгулин всегда на стороне того героя, который выделяется своей добросовестностью на фоне людей нечестных, поверхностных и равнодушных. Хотя среди алчущих добра и правды, всегда найдётся тот, кто попытается духовное начало подменить имитаци-

А. В. Суворов – русский полководец, основоположник русской военной теории. Национальный герой России. Генералиссимус (1799), генерал-фельдмаршал (1794), генерал-фельдмаршал Священной Римской империи (1799), великий маршал войск пьемонтских, кавалер всех российских орденов, а также семи иностранных.

ей. Не поэтому ли вокруг нас так много подделок под «духовность», в том числе и в литературных творениях?

В стихотворении герой противопоставляется безликой массе царедворцев, живущих за чужой счёт, бездарных родовитых выскочек, исповедующих принципы, изложенные Никколо Макиавелли, для того, чтобы удержаться на плаву.⁴⁵

Образ мизгулинского Суворова лишён надуманности, он, казалось, традиционен, однако, автор находит особый ракурс в изображении героя. Редкая удача и в том, что он не переполнен ложным глубокомыслием. Просто живой человек! Одновременно он – великий человек и великий гражданин. Дмитрий Мизгулин своим героем делает историческое лицо, но при этом сама личность Суворова предстаёт перед нами, как фактор авторского сознания. При этом, однако, художник отталкивается от биографических фактов, взятых из воспоминаний современников о нём.

Егор Борисович Фукс, чиновник, состоявший во время русско-австрийской кампании неотлучно при Суворове поверенным лицом и управителем его дел, вспоминал случай, когда «отличного ума великобританец» лорд Клинтон об Александре Васильевиче высказался так, как не высказывался о нём ни один из соотечественников.

В частном письме лорд поведал своему адресату о впечатлениях от встреч с фельдмаршалом. Этот умнейший муж вздумал уверять лорда, что он (Суворов) ничего не знает, ничему не учился, без воспитания и что его по справедливости называют Вандалом. Наконец, лорд остановил его сими словами: «Если вам удастся обманывать нас, ваших современников, то не удастся обмануть потомков; впрочем, и в самом потомстве останетесь вы Иероглифом».

⁴⁵ «Макиавеллизм» – синоним политической беспринципности, вероломной интриги и морального беспредела. Его духовный отец, автор «Государя», всего лишь обобщил опыт собственных наблюдений своего пребывания на государственной службе в республике Флоренции 1498–1512 годов.

Этот самый «Иероглиф» пытается расшифровать Дмитрий Мизгулин, пробуждая души и сердца своих читателей великодушным примером. Поэт также обращается к читательским эмоциям, которые знакомы многим, кто познал гонения или просто недовольство начальства. Читатели, хорошо осведомлённые о том, кто такой Суворов, должны почувствовать трагизм его судьбы. Ведь Суворов – особенный человек!⁴⁶ Даже в беспримерном переходе через Альпы, своём последнем походе, который он начинал с армией в двадцать тысяч штыков и закончил всего несколькими тысячами непобеждённых воинов, стяжал он славу победителя! А тут какая-то безвыходная ситуация...

В пору XVIII столетия в армии среди высших офицеров и генералов, как и в тогдашней науке, немного можно было встретить русских людей на фоне сплошных иностранцев, преимущественно немецкого происхождения (мы никогда не стригли в России всех иностранцев под одну гребёнку: многие из них обрусели и сделали немало полезного для нашего Отечества). Предки самого Суворова, если взглянуть на родословную, прибыли из другой страны. Однако кто из его современников мог на себя взять смелость признаться: «Я русский, – какой восторг!», находясь под «чутким» руководством чужеземцев? Поэтому молва не зря приписывает Суворову «автобиографические» стихи:

⁴⁶ Существует легенда – как стихотворцы, ещё при жизни Александра Васильевича, долго соревновались в умении сочинить самую значительную эпитафию. В случае успеха она должна была красоваться на памятнике полководцу. Сколько пышных эпитетов, почётных званий и заслуг было упомянуто, пока в дело не вмешался отставной ветеран, к тому времени камердинер графа. Он, наслушавшись поэтического вздора, воскликнул, обращаясь к генералиссимусу: «Помилуй, батюшка, а чем тебе плоха такая надпись: «Здесь лежит Суворов?» И как было с этим утверждением не согласиться? Не только тогда, но и ныне всякий русский человек знает, кем для Отечества был этот гений воинской славы! И хотя генералиссимусов за военную историю магушки России, можно было перечесть по пальцам одной руки, всё же Суворов у нас один. Об этой неординарной исторической личности поэту пристало говорить на границе не высказываемого, ибо всё давно высказано и поведано другими до нас.

Пудра не порох, букля не пушка, коса не тесак,
и я не немец, а природный русак!

Гордиться своей Родиной, народом и русским солдатом у него были все основания, благодаря реформам Петра Великого в армии. С его лёгкой руки человек низшего сословия, блистательно проявивший себя в сражениях, мог беспрепятственно продвигаться по службе в отличие от армий других стран, союзных Российской империи. Командуя объединёнными войсками в одном из походов, тогда ещё фельдмаршал Суворов, заметил расторопность и храбрость в одном унтер-офицере союзников и велел тотчас представить его в офицеры. В ответ на это предложение был получен отказ на нескольких больших листах. Союзное командование в подробностях излагало причины невозможности подобного повышения по службе. По сути, они сводились к одному: мол, означенный унтер-офицер не из дворян и не выслужил срочных лет. Подкреплялось сообщение ссылками на законы, воспрепятствующие подобное производство. Фукс вспоминал: «Оскорблённый граф вырывает у меня бумагу и бросает её на пол с сим восклицанием: «Боже мой! Я начальник армии и не могу быть её отцом и благодетелем. Дарование в человеке есть бриллиант в коре. Отыскав его, надобно тотчас очистить и показать его блеск. Талант, из толпы выхваченный, преимуществует пред многими другими. Он всем обязан не породе, не искусству, не случаю и не старшинству, но самому себе. Старшинство есть большею частью удел посредственных людей, которые не дослуживаются, а доживают до чинов. О, немогузнайка – нихтбештимзаген! Нет, родимая Россия! Сколько из унтеров взлелеяла ты героев!»

О русских Суворов, будучи в итальянском походе, как-то сказал, по воспоминаниям всё того же Фукса: мы из земли мороженой, но с тёплыми сердцами, поэтому и меч должен обнажаться со славою только на защиту отечества; в руке убийцы или дуэлиста он – позорное

орудие трусости. О собственных ранениях говаривал: семь ран – две, полученные на войне, а пять – при Дворе, или политические. И сии пять, по его словам, были гораздо мучительнее первых.

Находясь в зените воинской славы, полководец был уволен за несогласие с новыми порядками Павла I – и в конечном итоге оказался прав!

Во время правления Николая I введение новой формы по крайней мере обсуждалось в среде специалистов. Его отец, Павел Петрович, решал подобные вопросы единолично. Не всякий брался осуждать за это императора публично. История донесла до нас поступок любителя подшутить повесу Копьева – адъютанта князя Зубова. Он явился из Петербурга в Москву в шаржированном виде: мундире с длинными, широкими полами, волочившейся позади шпаги, с косою до колен, уродливой треугольной шляпой, преогромными пуклями и перчатках с крагами, доходившими до локтя. Расправа последовала незамедлительно – офицера в звании подполковника разжаловали в рядовые...

Для своего протеста Суворов также избрал шутовскую маску. Современники были ошеломлены тем, как на глазах у государя он высмеивал форму, которую тот ввёл, подражая австрийцам и прусакам. Фельдмаршал разыграл целое представление по этому поводу. Демонстрируя, какое неудобство доставляют новоявленные военные одеяния, он не знал, куда деть шпагу, что по новому указу переместилась сбоку назад и мешала ему попасть в карету. Плоская шляпа в его руках постоянно выскальзывала, выступая в роли явно инородного предмета в походном гардеробе. Осложнялось всё тем, что Павел I приказал офицерам появляться отныне не иначе, как в мундире: военная форма была нарядна и стоила немалых денег её обладателям, но при этом не практична и неудобна для постоянного ношения. Кроме мундира огромные хлопоты и неудобства вызывала причёска: она не сопутствовала

красоте внешнего вида и, напротив, являла собой пример «не гигиеничности». Но, главное, все нововведения приводили к пренебрежению традициями русской императорской армии! К довершению всех бед к ним прибавилась постоянная корректировка покроя: за четыре года в конногвардейском полку он менялся девять раз! Как тут служивым не вспомнить с благодарностью времена Петра I и Екатерины II. Это был тот случай, когда форма оказывала влияние на содержание – иноземный покрой подразумевал иной дух, иные армейские отношения, усиливавшие палочную дисциплину!

Поэтому не случайно у Дмитрия Мизгулина художественный образ Суворова – бунтарский. Ещё студентом автор почувствовал, какая несправедливость царит в обществе. Дряхлел социалистический строй из-за экономического упадка и дубинообразной идеологии. Время требовало обновления, но не такого, конечно, чтобы тогдашний привычный мир вдруг оказался на грани катастрофы. Но всё шло к ней.

Ствол древа государственности источил червь, что, вероятно, было возмездием за гибель Российской империи. Осталась одна видимость, что символизировала прежние традиционные идеалы.

Практически не требовалось усилий, чтобы повалить его, ибо под корой уже не оставалось сердцевины. Пришло время – свалили! Вместе со стволом погибли корни, ветви и листья... Так немало существенного и уникального, что было в нашей стране, после развала СССР, мы безвозвратно утратили.

«Суворов» – хороший повод для разговора о будущем страны. Главный наш враг, по мысли автора, не внешний, а внутренний. С внешним врагом полководец вёл весьма успешную войну. Но именно российская толпа чванливых бездарностей пыталась досаждать герою многочисленных сражений, имя которого золотыми буквами вписано в скрижали истории России:

Пока течёт спокойно время,
Живёт в угаре кутежей
Бездарное, тупое племя
Корыстолюбцев и ханжей.
И мнится им, что в этой жизни
Они познали всё сполна.
Но им Россия – не Отчизна,
Для них не Родина она...⁴⁷

Последние две строки этой характеристики призваны усилить главную мысль о тех, кто противостоит Суворову – «Бездарное, тупое племя», то есть те, кто хотел бы загнать российскую душу в «мундир» иноземного покроя.

Кто же виноват в том, что нам постоянно подсовывают подобные заведомо тесные, неудобные мундиры? Возможно дело не в мундирах, а в самих нас? Может быть, прав П. Чаадаев?⁴⁸

Суворов – светоч не только военных, но и мирных деяний, в которых проявилась неординарная его личность.⁴⁹

Главное, Суворов – тот гениальный государственный деятель, с кем поэт связывает сопротивление не только всему инородному, но другим грехам православной души: «тщеславной суете» и унынию.

47 Там же. – С. 42.

48 Чаадаев писал: «Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок? <...> Мы растём, но не созреваем; движемся вперёд, но по кривой линии, то есть по такой, которая не ведёт к цели. Мы подобны тем детям, которых не приучили мыслить самостоятельно; в период зрелости у них не оказывается ничего своего...» См.: Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М.: Современник, 1987. – С. 38-39. Объективности ради стоит заметить: католик Петр Яковлевич Чаадаев со временем поменял свои убеждения, но упрёк его, брошенный российскому обществу, имел немало оснований под собой. Хотя такие личности, как Суворов, опрокидывали умствования, изложенные в письме Чаадаева.

49 См. сноску. – С. 302.

Ему ль, солдатскому герою,
В тщеславной суете сновать?
В мундире прусского покроя
Душе российской не бывать!⁵⁰

Дмитрий наверняка хорошо знал, когда писал, биографические подробности жизни Александра Васильевича и, конечно же, наслышан был о том, как «генерала-вперёд» в придворном кругу считали большим чудаком. Это при здравомыслии на поле боя, когда решался вопрос о жизни или смерти! Чужачество и даже шутовство помогали спастись от унижений и даже оскорблений завистников, которых на его пути попадалось немало. Подобная форма общения позволяла говорить в глаза сильным мира сего всё, что он думает о них.⁵¹

Почему же до нас дошли слухи несправедливого отношения к полководцу? Потому, что они – следствие несправедливости!⁵²

Суворов, как человек православный, бунтовал не против самодержавной власти, он терпеть не мог бездарных военных реформ. Собственно, с этого бунта и начинается стихотворение Мизгулина о фельдмаршале. Но рассказывая об истории гонения на великого полководца, автор заодно попадает в перестроечную пору середины 1980-х годов.

Увы, уже не та столица,
Но он-то помнит те года:
Ведь с ним сама Императрица
Была почтительна всегда.
И дело вовсе не в наградах,
Он не желает, не привык

50 Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. – М., 2006. – С. 42.

51 См. сноску. – С. 304.

52 См. сноску. – С. 306.

Во фронт тянуться на парадах
И пудрить выцветший парик.⁵³

Таким образом, намечается историческая параллель с той современностью, которая вдохновила автора на создание этого произведения. А поскольку для большинства из нас реальность, с которой мы сталкиваемся на каждом шагу, бывает иногда неприятной и от неё никуда не деться, то поэт всё же останавливает наше внимание на обнадеживающей афористической фразе:

Когда-нибудь, да пригодится
России умный человек!⁵⁴

Она замечательна тем, что рождается наперекор неприглядной картине злоупотреблений в российской империи, напоминающей преддверье перестройки. Тем неожиданней и парадоксальнее звучит последнее двустишие, оно под стать тютчевским стихам:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.

53 Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. – М., 2006. – С. 42.

54 Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. – С. 43.

Но можно в этом верить,
в том, что слышано и прочтено,
иногда слышано и прочтено...
на шаг
какой-нибудь из поступков
какой-нибудь из поступков...
Являть, кому все равно?
раз, ей свой... если ~~тут~~
почтенно
кажется до ширини
и
то верить не все равно?
иногда слышано?
Волшебство и трюки?
и, и слышано, и слышано
какого-то трюка...

Егор Борисович Фукс
(1762 – 25 марта
1829) – русский
писатель и историк,
адъютант
А. В. Суворова.

Егор Борисович Фукс до самой смерти хранил у себя лоскуток бумаги, где по просьбе фельдмаршала Суворова им был переведён и записан фрагмент мемуаров Максимильена де Бетюна Сюлли. Со времени вступления Генриха IV в Париж, Сюлли взял на себя управление всеми отраслями государственных дел, кроме дипломатических. За успешную деятельность на этом поприще он получил от короля титул герцога. Сюлли прослыл честным, бережливым, прямодушным и неутомимым деятелем, удерживаясь во главе управления до самой смерти французского короля, несмотря на постоянные придворные интриги. Суворов настоятельно рекомендовал изучать сочинения герцога Сюлли: «Мы будем читать опять, твердить наизусть век Генриха. Сцена переменилась. Новые актёры, новые ужасы. Но Франция существует».

Фукс вспоминал о том, как он достал книгу эту в Турине; как Суворов её взял, читал и вдруг ночью присылал за ним с повелением сказать, что имеет сообщить нечто мудрое. Суворов усадил явившегося помощника, дав ему перо, чернила и лоскуток бумаги и велел перевести поскорее сию бесценную статью великого друга и наставника царей, Сюллия, указав место. Фукс принялся за перевод. Поскольку тот лоскуток сохранился у Фукса, то он для любопытства поместил его в своих воспоминаниях. По мнению Сюллия, причины падения и ослабления монархий, — суть: непомерные налоги, особенно единоторжие хлебом; незаботливость о торговле, хлебопашестве, художествах и ремёслах; слишком великое число чиновников и издержки на содержание их; неограниченная власть тех, которые занимают места в государстве; значительные расходы; медленность и неправосудие в судопроизводствах; праздность и расточительность, со всеми принадлежащими к ним развратом и порчею нравов; запутанности в соотношениях присутственных мест между собою; переделка монеты; неблагоприятные и незаконные войны; слепая доверенность к недостойным лицам; предубеждения в пользу некоторых

только сословий и ремесёл; корыстолюбие министров и их любимцев; презрение к учёным; терпимость худых обычаев; нарушение хороших законов; упорная привязанность к маловажным или вредным обыкновениям; множество друг другу противоречащих постановлений и бесполезных узаконений.

Французский герцог хорошо знал, о чём писал: на своём государственном посту он добился многих экономических успехов, искореня пороки...

Мы так и не искоренили у себя в России те недостатки, о которых писал французский государственный деятель рубежа XVI–XVII веков. Не зря же попросил перевести его на родной язык прозорливый полководец и мыслитель. Однако многие наши правители, очевидно, не читали трудов герцога или не захотели поступать так, как он советовал. Но, главное, мы теперь с вами понимаем, какие чувства испытывал во время чтения сочинений герцога Сюлли наш военный гений и мудрец Александр Васильевич Суворов...

Суворов по своей сути – солдат войска преобразователя Петра Великого. По времени эти две личности не совпали, но петровский дух, его императорские указы нашли воплощение в личности полководца. Пётр Первый был мастером четырнадцати ремесёл. Он сформировался, как стратег, потому что не только хотел, но и умел всё делать сам. Например, целый месяц царь продержал себя на солдатском пайке, исполняя все обязанности рядового, и ознакомился, таким образом, с условиями и со всеми трудностями службы низших чинов: личный опыт дал ему достоверные данные для определения силы и выносливости своей армии. Обучение вновь сформированных полков производилось всегда под его непосредственным присмотром. Пётр вел войну, как практик, решая только те задачи, какие ставила ему сама жизнь; он ясно сознавал свои цели, силы и средства, какими располагал, и никогда не добивался невозможного. Перед решающей схваткой на поле Полтавской битвы российский государь обратился к армии со словами:

«Воины! Вот пришёл час, который решит судьбу Отечества. И так не должны вы помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру вручённое, за род свой, за Отечество... Не должна вас также смущать слава неприятеля, будто бы непобедимого, которой ложь вы сами своими победами над ним доказывали... А о Петре ведайте, что ему жизнь его не дорога, только бы жила Россия в блаженстве и славе для благосостояния нашего».

Современники знали, с каким уважением Суворов относился к Петру Великому, и зафиксировали его слова в своей памяти: «Я благоговел к нему на Ладожском канале и на Полтавском поле, где, по повелению блаженной памяти матушки Екатерины, был сделан точно тот самый его манёвр. По его следам дознался я, что он был первый полководец своего века; мнение моё и Румянцев удостоил одобрить».

И здесь надо знать, что, несмотря на будущее славянофильство Мизгулина, «Суворов» – это ещё «прочтение» деятельности Петра, как стратега и полководца, благодаря которому смог состояться наш военный гений.

Хороший писатель в процессе творчества «взрыхляет» глубинные слои времени, словно плугом, пока на поверхности не появится плодоносный слой. Когда автор обращает свой взгляд к прошлому, некоторые мгновения из него, остановленные по его воле, начинают существовать для нас уже вне времени, поскольку образы, когда-то выросшие из него, вырастают до уровня символов. Мотивациям поступков многих исторических персонажей Дмитрий Мизгулин даёт, в сущности, собственную интерпретацию, которая сближает его с ними, как художника. Неслучайно же в одном из своих стихотворений поэт признался: «Мы прошлого и будущего дети». В исторических стихотворениях «Суворов», «Тургенев на водах» и многих других, а также стихах на современную тему, подобных «Вечер. Дождь. В тумане Малый Невский...», «Так повелось уж на Руси...», «Не понять нам теперь всё равно...», – обычно истина выступает, как проявитель для фотографии настоящего. Смыслы постижения поэта бывают

порой неприятны для общественного самочувствия. Государство, в котором мы живём, нравственно нездорово, хотим мы это признать или нет, это дело не меняет. Его немолчимые законы слишком жестоки к людям, а ведь их принимают народные избранники! И ещё Дмитрий Мизгулин предупреждает своих читателей о том, что все сроки давно вышли. Если общество не одумается, до бездонной пропасти – всего один маленький шаг...

В преддверии последних сроков
Не слышим слов, не видим снов,
Своих не слушаем пророков,
Чужих приветствуем волхвов.
Молчим, речам вождей внимая,
Нас поглощает пустота...
И мы давно не понимаем,
Что мы не те, что Русь не та,
Что, обретая постоянство,
Не замечаем смертный тлен,
Что, Богом данное пространство
Исчезло в вихре перемен.

(«Печалит неустройство мира...», 2012)⁵⁵

НАПЕЧАТАННОЕ СЛОВО

Пригодиться, стать «услышанным», если не стране, то хоть кому-нибудь – желание всегда естественное для поэта. Но быть услышанным в СССР было непро-

55 Мизгулин Д. А. «Избранные стихотворения». Литературно-худ. изд-е в 3-х т., СПб., 2017. Избранные стихотворения (2005–2019). – СПб.: Любавич, 2019. – Т. 3. – С. 164.

сто, потому как для публикации в какой-нибудь газетке, нужно было или писать о партии и комсомоле, или иметь имя и везение. Конечно, в горбачёвские времена прорваться в печать было полегче. Но Дмитрий свои публикации начал гораздо раньше! Наконец-то, свершилось! Молодёжная газета мурманского обкома комсомола «Комсомолец Заполярья» напечатала его стихотворение «Гольфстрим». Это случилось 7 ноября 1980 года.

Летом следующего года в печати появились уже четыре публикации! Три из них были настолько удачны, что Дмитрий включил опубликованные стихи спустя четверть века в книгу «Избранных сочинений».⁵⁶

Вслед за Мурманском, осенью откликнулась ленинградская «Смена» публикацией двух стихотворений: «Деревья седеют, как люди...» и «Шум на кухне – звон посуды...».

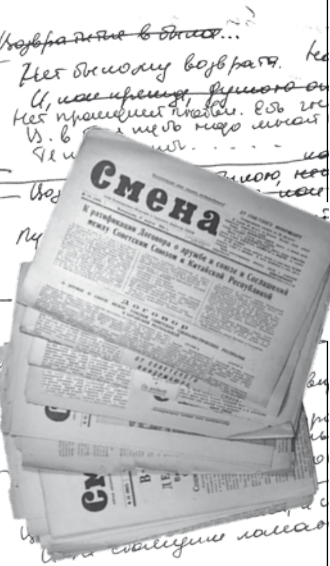
Не забывал Дмитрий и о своём школьном увлечении историей: в периодическом издании «Комсомолец» 17 апреля того же года под рубрикой «Позывные истории» появилась его заметка о Ф. С. Чумбарово-Лучинском, революционном деятеле, поэте и публицисте. Сам Дима, в будущем по взглядам государственный, таким образом, сделает шаг к освоению публицистики, к которой обращаться будет не раз. А тогда его привлекла необычная личность Фёдора

Степановича Чумбарова-Лучинского, которого друзья называли «Коммунистический святой».

Чумбаров-Лучинский – человек редкой душевной чистоты и цельности. Прожил он всего 23 года, в нём ярко воплотились черты поколения, романтично воспринявшего революционные бури. По происхождению крестьянин, Фёдор Чумбаров окончил двухклассное училище и в тринадцать лет подался из Олонецкой губернии (ныне Архангельская область) на заработки в Петербург. Был разносчиком газет, потом устроился подручным в буфете Тенишевского училища, где организаторами многих литературно-музыкальных вечеров, лекций и концертов были большевики-подпольщики, создавшие «Общество изящных искусств». Фёдор впитывал знания как губка, а ночами проглатывал одну за другой книги русских классиков. Затем подросток стал посещать рабочий литературный кружок при Лиговском народном доме. В пятнадцать лет он вступил в члены РСДРП, взяв себе подпольный псевдоним Лучинский. В дни Октябрьской революции он организовал митинг среди солдат, участвовал в разгроме юнкеров и установлении Советской власти в столице. В апреле 1918 года он был принят слушателем Первых советских инженерных курсов подготовки командного состава РККА, по окончании которых (июль) участвовал в подавлении левоэсеровского контрреволюционного мятежа в Ярославле...

С частями VI армии Чумбаров-Лучинский прошёл весь её боевой путь на Северном фронте, участвовал в освобождении Мурманска. 7 марта 1920 на собрании городской парторганизации был избран секретарём Мурманской организации РКП(б). Летом 1920 года Чумбаров уехал с 1-й дивизией на Южный фронт громить белополяков и Врангеля.

Участвуя в военных действиях, в партийно-административном строительстве, Лучинский успевал писать. Революционный пафос, эмоциональность и деловитость удивительно сочетались в его публицистике. Те же качества были свойственны и стихам. В марте 1920 года в Мурманске вы-

«Смена» – молодёжная газета Санкт-Петербурга и Ленинградской области, выходила с 1919 года по 2015 год. Публиковала политические новости Санкт-Петербурга и России, обзоры политической и культурной жизни.

56 Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. / Сост. и предисловие Н. Н. Стручковой. – М.: Худож. лит., 2006. – 432 с.

шел первый и единственный прижизненный сборник поэта «На Севере». В марте 1921 года Чумбаров-Лучинский был отправлен на подавление Кронштадского мятежа, в качестве политрука роты 235-го Невельского полка и погиб. В стихотворении «Красный звон» он писал:

Вставай, кто честен, иди с рабочим,
 Когда призывы к борьбе услышишь,
 Ликует солнце – проходят ночи...
 Историк точный твой путь опишет.

Про жизнь таких людей исследователи писали: обыкновенная биография в необыкновенное время. Хотел ли в то время Дмитрий Мизгулин, которому тогда не исполнилось ещё и девятнадцати, походить на героя своей публикации? Возможно, ибо писал почти о своём сверстнике и поэте. Во всяком случае, масштаб героической личности Фёдора Чумбарова-Лучинского, безусловно, поразил его воображение.

Позже у Дмитрия, в институтской многотиражке (он был членом общественной редколлегии), появится новая статья – о жизни академика Николая Вознесенского. Имя репрессированного учёного и общественного деятеля сегодня присвоено вузу. Весна 1982-го принесла публикацию нового стихотворения в «Смене» – «С пулей в сердце живёт сосед...».

Когда поэту исполнился 21 год, к газетным изданиям, где его печатали, прибавились ещё три: в «Ленинградском рабочем» вышло стихотворение «В мокрой траншее приказа не жди...»; «Невская заря» опубликовала «Пожар в лесу», а «Советский экономист» – «Помнит страна».

Так Дмитрий понемногу осваивался в новом для него мире. Он не боялся в лирике повторить кого-то на свой лад. Так поступали и великие стихотворцы. Да и здравый смысл подсказывал: в жизни есть темы и проблемы настолько бездонные, что на какую бы глубину верёвки

ты не опускался в колодезь притаившейся Иппокрены, там можно всегда зачерпнуть много полезного для себя.

Кроме того, он знал точно: если дерево не приносит плода, его срубают и предают огню... И Дмитрий решил, что пора уже как-то более громко заявить о себе.

...Не забудем и про самоотверженность личности молодого человека: в 1980-е дважды, если не трижды, его первая книжка собранных стихов проходила обсуждение и была рекомендована к изданию. Дмитрий грезил о выходе сборника, хотя понимал, что издание собственной книги равняется полёту в космос, и всё-таки надеялся... Между

Ленинградская
 книжная неделя
 пл. Островского,
 1983 год.

*я не могла
 этого сделать
 сама
 здесь была
 моя первая
 книга
 в жизни
 и в ней
 много
 стихов
 которые
 я написала
 в 1980-е
 годы*

тем сборник был одобрен литературным советом в самой высшей инстанции, но так и не вышел в свет! Безуспешных попыток опубликоваться в периодике было тоже несколько.

В 1982-м году Дима отнёс свои стихи в ежегодный альманах «Молодой Ленинград». А до этого, более года назад, он перевёлся из «технического» в «финансовый» вуз, что было связано с немалыми хлопотами: сдача разницы в учебных планах, новые знакомства, переезд к новому месту учёбы... Только всё улеглось – и вот новые проблемы:

*«В ежегодный альманах «Молодой Ленинград» меня <...> почему-то не брали – то стихи не те, то подборку потеряли. О книге вообще речи не было. Когда я представил рукопись – только замахали руками: как тебе не стыдно, люди вон по двадцать лет ждут, пиши пока, а потом, когда придёт твоя очередь, позовём. Но я был уверен: не позовут».*⁵⁷

Творческие неудачи по молодости лет воспринимались, как обидное невезение или непонимание со стороны незаинтересованных в его литературной судьбе различных начальствующих личностей! Конечно, пара стихов в молодёжной газете культурной столицы – совсем не то количество, на которое рассчитывал автор. Безусловно, хотелось большего и значимого!

Почему случилось так, а не иначе? Наверное, кто-то просто посчитал: Дмитрий Мизгулин ещё молод, пишет не так, как требуют партийные руководители от литературы. Имени у автора нет, он – сын неизвестных родителей. В самом деле, не поставишь же ему в заслугу литературные занятия под руководством члена Союза писателей

СССР Натальи Грудониной и членство в редколлегии институтской многотиражки, а также участие в обществе под названием клуб молодого литератора? Было за душой у Димы в ту пору, правда, с десятков – полтора публикаций... И всё! А то, что был талант у паренька – это особо никого не волновало, ибо в России издавна не ценили способных людей.

Прошло ещё немного времени, и Дмитрия постигла новая неудача: рассыпали набор готового сборника... Оставалось писать и надеяться, когда пока придёт его очередь... Пока же не умещалась поэзия молодого автора в формат того времени, где создаваемая советской поэзией реальность отличалась от того бурлящего котла, каким становилось общество во второй половине 1980-х. Пропагандистская отрыжка превращала большинство произведений советских авторов в заведомо ложные, компрометирующие себя тексты не только в сознании зарубежных критиков. И, тем не менее, писатель-пропагандист в литературе соцреализма был наверху востребован гораздо больше, чем писатель-созерцатель. Поскольку первый, умело манипулируя сведениями, подчинял читателей своим талантом до такой степени, что делал их послушными винтиками в государственной машине; а второй был всего лишь мыслителем – он запросто приглашал аудиторию называть вещи своими именами. Как вы думаете, на чьей стороне мог оказаться автор бунтарского по мысли стихотворения «Суворов», написанного ещё в пору ученичества – в 1983-ем?

Для человека, возлагавшего большие надежды на свою первую поэтическую книгу, это был не просто удар или фатальное невезение... Что-то гораздо большее виделось за этими событиями. Сейчас, когда прошли десятилетия с той поры, он повествует о тех проблемах бесстрастно:

57 Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. – М., 2006. – С. 374.

«К слову, свою первую книгу я готовил к печати несколько раз. Сначала она называлась «Неоновое небо». Это был 1983-й. В неё вошли юношеские стихи. Потом работал над книгой «География души» – её тоже высыпали из набора, уже по причине финансового кризиса...»⁵⁸

ПРАГА

Поездка в Прагу состоялась в том же непростом году – 1983-м, когда молодому человеку оставался шаг до окончания института, но тревога не покидала его. К счастью, подвернулась возможность пройти практику в социалистической Чехословакии, где предстояло посетить госбанки и министерство финансов.

Но и здесь чуть было всё не сорвалось. Об этом Дмитрий потом расскажет в очерке о своём старшем друге Петре Кириченко «Как провожают самолёты».

Сначала Мизгулин был записан в группу отличников и активистов, которая обычно проходит практику за рубежом, естественно, в странах социализма. Потом неожиданно его фамилия из списка исчезает. На вопрос «почему», обращённый к секретарю комсомола института Мишке Осипову, Дима услышал в ответ обычную в те годы байку: якобы приходил человек из органов, просматривал списки и вычеркнул его фамилию. Конечно, никто ничего не знает: за что? Можно только предполагать: наверное, где-то сказал крамольное и об этом

Вид на собор Святого Вита в Праге, 1980 год.

успели донести... Но благодаря новому другу Петру, который посоветовал записаться на личный приём к ректору, ситуация изменилась. Когда настал этот долгожданный момент, наступила и развязка – Дима постигнул суть происходящего. Его внимательно выслушали и, узнав о непреклонном желании будущего выпускника пойти на Литейный, чтобы выяснить, почему КГБ не доверяет советскому гражданину, пообещали заново разобраться и попросили зайти через пару часиков... Как и ожидалось, вопрос был решён положительно! Оказалось, вместо Дмитрия в группу в обход начальства хотели впихнуть кого-то из блатных... и впихнули! Но Диму всё-таки оставили в покое.

*гражданство просят.
на парикмахерской у меня
сауна
рубливская улица
у меня летать по самолётам
брат не начал сменить
виртуальную, отнеси её мне
из невинных
и если не вернётся
из моей поездки на привок
он привок парикмахерской или*

⁵⁸ Дмитрий Мизгулин: «Беда не в дураках и не в дорогах...»: [интервью с президентом Ханты-Мансийского банка о его деятельности] / Д. А. Мизгулин; записал А. Фатеев // Тюм. Известия, 10 сент., 2011. – С. 1.

И вот она, Прага! Безусловно, нашему герою поездка дала положительный заряд.

Впечатление от столицы славянского государства было немалым. Католический кафедральный собор Святого Вита порастил Дмитрия грандиозностью, готическим и неоготическим архитектурными стилями. Он узнал: у храмового комплекса было несколько авторов проекта, как и, впрочем, несколько десятков поколений строителей, завершивших работу к первой трети XX столетия. Задумали собор лет через сорок после смерти последнего из «моравских братьев» Мефодия, которому Кирилл завещал продолжить просветительскую деятельность среди славянских народов... Теперь это национально-историческая святыня западных славян – усыпальница чешских королей и пражских архиепископов. Потрясает всех, побывавших в храме, средневековая мозаика, изображающая Страшный суд.

Карл IV, начавший строительство церкви, не случайно избрал это место: покровитель Чехии Святой Вацлав здесь в 905 году выстроил небольшую капеллу и поместил в ней священную реликвию – руку Святого Вита. Этот отрок принял смерть от язычников во времена римского императора Гая Аврелия Валерия Диоклетиана. Народная молва утверждала – подросток творил чудеса, буквально, на каждом шагу и вылечил умиравшего его сына. Но это ему не помогло, когда выяснилось, что он избрал для себя иную веру. После изощрённых пыток мальчик так и не отказался от своей причастности к христианству. Сама Чехия в чём-то напоминала образ этого святого мученика, ибо, находясь в духовном плену, сумела сохранить свою славянскую сущность. Молодого человека поразило и то, что в средневековом мире текла не менее полноводная и содержательная река жизни со своею наукой, искусством, религиозной государственностью. Но, пожалуй, главным потрясением стала мысль:

...Во время духовного плена
Сумели, сумели сберечь
В суровых готических стенах
Живую славянскую речь!⁵⁹

(В соборе Св. Вита, 1983)

Если для кого-то собор застывшая музыка в камне иных времен, культурная «инсценировка», то для героя лирического стихотворения это сбережённая для потомков святыня, грамота «великой славянской земли». В этом культурном контексте автором транслируется мысль о «странной любви» в другом стихотворении «Что мне запомнилось в Праге...». В чешской столице раздавался в предрассветной мгле колокольный звон. Звуки эти были непривычны для советского слуха. Церквей у чехов было много, каждая имела свою историю, такую же неповторимую, как голос каждого из звучащих колоколов. Именно тогда, наверное, и пришли на ум эти строчки:

Гулко звенели они,
Переливались звуки их,
Серебристо-хрустальные,
Словно утреннее небо,
Тёмно-зелёные,
Словно листва бульваров,
Оранжево-красные,
Как черепичные крыши после дождя.
Пражские колокола –
Музыка лета минувшего...⁶⁰

(«Что мне запомнилось в Праге», 1983)

59 Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. М., 2006. – С. 44-45.

60 Мизгулин Д. А. Там же. – С. 44-45.

Символично: звон этот дошёл-таки до слуха Дмитрия, но чтобы постигнуть не внешнее его звучание, а внутреннее, понадобилось время.

Дмитрий был покорён и обилием товаров: продуктов в магазинах, а, главное, духовными сокровищами – памятниками старины, книгами на русском языке, которые можно было купить в Праге без особого труда. Оставшиеся в Ленинграде друзья, наверное, потом завидовали: о приобретении таких изданий здесь в то время нельзя было и помыслить. Однако способность Дмитрия гармонично вмещать в себя весь мир, помогала всегда быть верным своему Дому, хоть и повидал он потом за рубежом столько всего чудного! Иной бы и соблазнился.

В тот раз Дима мысленно поблагодарил европейский город, купив на Вацлавской площади модную кожаную куртку, а затем, в «Русской книге» роман Андрея Белого «Петербург» и вернулся ожившим. Прага дала ему много и в культурном отношении. А в Питере его поджидали новые проблемы! Пришлось с новыми силами включаться в борьбу за публикацию новых стихов. Боевой настрой был важен: в 1984 году с ними собирались поступить так же, как и в прошлом. И он снова поделился своими печальями с Петром:

«В 1984 году в Москве в издательстве «Молодая гвардия» должен был выйти сборник стихотворений «Молодые поэты Ленинграда». Собирали книжку в северной столице, и меня, как водится, забыли пригласить. А когда я попросился сам, ответили, что уже поздно. Я был расстроен, рассказал об этом Петру. На следующий день он позвонил мне: «Бери подборку стихов. Езжай в Москву». И продиктовал телефоны, кому звонить. Так я впервые оказался в ЦК ВЛКСМ. Принял меня Михаил Кизилев, который был тогда большим начальником по культуре. Он внимательно выслушал меня, забрал бумаги и, попросив передать огромный привет Петру Васильевичу, пообещал разобраться. И разобрался.»

Когда я вернулся домой, мне уже на следующий день позвонили из Союза писателей и срочно попросили стихи для сборника. Книжка вышла в 1984 году, купил я её в Баку, где проходила моя воинская служба. Книжный магазин располагался в белоснежной многоэтажке на набережной, рядом с помпезным зданием правительства. Вышел я на берег залива, раскрыл книгу – и мысленно поблагодарил Петра.⁶¹

Вспоминая о тех серьёзных публикациях, он скажет:

61 Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. – М., 2006. – С. 375.

Лениград
1980-х годов, вид
на Адмиралтейский
собор.

*Вот почему широта
очень скучная обитая!
Пославши в Москву, братя,
я не могу забыть
вот эти в окошке красный свет
В восточных окнах красный свет
Отдай, о котором явней
поймать могу
Лиза*

«Поэты Ленинграда». Мои стихи вошли в этот сборник. Тогда была серия «Поэты Советского Союза». Кстати, возвращаясь к гонорарам. За участие в сборнике «Поэты Ленинграда» я получил 450 рублей. Те, кто помнит средние советские зарплаты, могут оценить и что это были за деньги, и как советское государство вкладывало в культуру».⁶²

«А ДУША?..»

В стихотворении 2003 года «В жизни всё идет по плану» лирический герой, озирая свою жизнь, понимает, что он во власти города, его жёсткого ритма: «Поздно ляжешь, встанешь рано, / На работу и домой».

Человек, у которого всё, как у всех, – «телевизор, гости, дети», начинает задумываться не на шутку:

В суете и круговерти
Чаще думаешь о смерти.
Утром чувствуешь усталость.
Сколько там ещё осталось?
По ночам тревожно спится.
Сердце. Печень. Поясница...
Едем дальше не спеша...
А душа?⁶³

62 О поэзии, и не только [интервью с Д. А. Мизгулиным о его поэтическом творчестве и поэзии вообще] / Д. А. Мизгулин; записал С. С. Козлов // Югра, № 8, 2011. – С. 42-45.

63 Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. М., 2006. Там же. – С. 215.

Мотив души в лирике Дмитрия Мизгулина появляется не сразу. В ранних его стихах, которые были написаны ещё в советский период, выделяются две-три темы. Первая – тема города, она подавалась читателю лирически, через графический пейзаж, имеющий своё настроение, свой эмоциональный комплекс. Вторая тема – осмысление человеческих отношений. Третья – исторической памяти, которая включает несколько устойчивых мотивов: реки, снега, звёзд, света, круговерти, надежды.

Тема города (не просто города, а Петербурга-Ленинграда) – трудная, потому что имеет давнюю традицию, и в ней не избежать переключек. У Мизгулина она имеет осенне-зимний колорит, идущий, как от самих реалий северной столицы, так и от стихов Пушкина: «Скука, холод и гранит» и Блока «Чёрный вечер, Белый снег».

Скуки, конечно, у юного поэта быть не может. Ленинград его зачаровывает строгой красотой, чёрно-белым рисунком:

Потянуло холодком
Из пустого сада.
Под искрящимся ледком
Чёрная ограда.
(«Потянуло холодком...», 1979)⁶⁴

Город Мизгулина почти всегда ночной, заснеженный, освещённый светом звёзд или фонарей. Причём, снег, как фонари, имеет положительную семантику, означающую свет:

Вода в Неве – чернее сажи.
Склонившиеся фонари

64 Мизгулин Д. А. Там же. – С. 19.

Стоят как будто бы на страже
Порывов первых волн зари.⁶⁵

Что мне это лето, лето, лето,
Скоро ляжет мягко первый снег.
(«Вода в Неве – чернее сажи», 1980)⁶⁶

Ты ждал наступленья зимы,
Как ждут избавленья от боли...⁶⁷

С образом снега у поэта связаны всегда положительные ассоциации: снег выступает ещё аналогом чистоты, поэту несёт радость, бодрость духа и надежду, как в стихотворении 1980 года «Ты расстроился – зима...»:

Жизнь прекрасна, как и прежде.
Приостанови свой бег.
Посмотри в лицо надежде.⁶⁸

Далее городской пейзаж расширяется, включая другие темы и мотивы, например, мотив творчества, ведь ночь для поэта – время уединенья с пером и бумагой:

Говорите, пожалуйста, тише –
Наступает торжественный час,
И луна, опускаясь на крыши,
С удивлением смотрит на нас.

Как мучительно долго светает,
Но прозрачней становится мгла,

65 Там же. – С. 19.

66 Там же. – С. 23.

67 Там же. – С. 33.

68 Там же. – С. 30.

И, уже задымив, угасают
Фонари от угла до угла.
(«Говорите, пожалуйста, тише», 1981)⁶⁹

В стихотворении «Хотел со всеми жить в ладу» герой несёт свой разлад в мир, который имеет чёткие контуры и является контрастом к его душевной смуте:

По Летнему саду бреду,
В морозном инее ограда.
Хотел со всеми жить в ладу,
Да только нет со всеми лада.⁷⁰

Так постепенно пейзаж становится то символическим фоном, то психологической параллелью к событиям уже социальной природы. Стихотворение «Памятник Петру» начинается с пейзажа, не предвещающего ничего плохого: «Светает. Тихо. Город спит. / Лишь ветер дерева колышет». Однако лирическому герою чудятся в лёгком шуме крон деревьев – хрип коня. Оживает миф из пушкинского «Медного всадника»: Пётр I не спит, он всё видит и всё слышит.

И, видно, нет ему покоя:
Как бы предчувствуя беду,
Сжимает властной рукою
Уже ослабшую узду.⁷¹

Ослабшая узда – это пошатнувшаяся власть в СССР, – одна за другой смерти генсеков КПСС – Брежнева, Андропова, Черненко...

69 Там же. – С. 32.

70 Там же. – С. 57.

71 Там же. – С. 49.

Лежат тяжёлые туманы,
Но с тех, давно минувших дней
До сей поры шипит поганый,
Коварный и отвратный змей...⁷²

Тяжёлые туманы только усиливают тревогу. Особенно здесь важен образ змея. Считается, что змей под копытами всадника на памятнике Петру Первому – означает преодоленные трудности в лице поверженных врагов, но, очевидно, этот образ получает дополнительное значение опасности.

Вообще новые коннотации расширяют значение того или иного образа, делая его многозначным и сложным. Так образы фонарей, звёзд, огней рекламы в ночном пейзаже стихотворения «Дом, где жил Тютчев» – не просто носители света: благодаря им автор создаёт медиумическую атмосферу:

Смеркается. Как наважденье
В морозном мареве огней
Прспекта сонное движенье,
Реклам дрожащее свеченье,
Мерцанье тусклых фонарей...⁷³

Попав в такую атмосферу, лирический герой, «идя по Невскому», где ему всё знакомо, неожиданно оказывается как бы в другом пространстве: он останавливается у дома Тютчева, обращая внимание на свет в окне:

Уже пустеют мостовые.
Смотри, из этого окна

72 Там же. – С. 19.

73 Там же. – С. 51.

Ему была видна Россия,
Была судьба её видна...⁷⁴

Так медиумический сеанс открывает поэту пророчество о России Фёдора Ивановича Тютчева, где художественным символом становится «яркий свет окна».

В другом стихотворении «Как сговорились, окна гаснут...» свет окон, как и солнечный свет – «пустота дневного вздора». Зато лирическому герою видно, как в сумеречной мгле

Мерцают купола собора,
Как над застывшею листвою
Сиянье лунное разлито,
Как конь над сонною Невой
Вознёс тяжёлые копыта...⁷⁵

Интересно что, фонари так же, как купола собора – «мерцают», а звёзды «дрожат» в реке. Мир един и неделим!

Духовное и земное, а в последнем случае – природное и человеческое – отражаются друг в друге. Они – ориентиры духовного пути лирического героя, его философия надежды:

Ещё есть время до зари,
И, может быть, ещё не поздно...⁷⁶

Заря – здесь граница между откровением ночи и – суетным, хаотичным днём, поэтому именно ночью герой должен сделать верный шаг:

74 Там же. – С. 51.

75 Там же. – С. 60-61.

76 Там же. – С. 60-61.

Связать оборванную нить,
Поднять распавшиеся звенья?
И начинать, как прежде, жить
Без гордости и сожаленья,

Без суеты и без подсказки
Дрожащих, тающих теней,
При свете совести и сказки,
В сиянье звёзд и фонарей...⁷⁷

Однако уже в раннем стихотворении «Я искал взаимности у леса», поэт намечает мостик, который мог бы гармонически соединить природное и социальное, но лирическому герою всё-таки важнее социальное: горд с его перекрёстками счастья и любви побеждает:

Я искал взаимности у леса,
У полей, мерцающих белёсо
В тусклом свете матовой луны,
У реки, спешащей суетливо
К тихой глади сонного залива,
У осенней гулкой тишины...
Но опять вела дорога к дому.
И причастность ко всему другому
Растворялась в молодой крови.
И в который раз меня прощали
Улицы надежды и печали,
Перекрёстки счастья и любви.⁷⁸

Таким образом, лирический пейзаж, как одна из составляющих ранней лирики Мизгулина, постепенно соединяется с другими темами и мотивами бу-

дущей зрелой лирики, углубляя и обогащая образную систему.

Тема исторической памяти – также важна для постижения сути творчества каждого значимого художника. Уже в одном из «студенческих» стихотворений – Дмитрию в ту пору не исполнилось и двадцати! – есть строчки, посвящённые ветру, который, подобно времени, отнимает у деревьев и людей их молодость:

Деревья седеют, как люди,
Ах, ветер их лето унёс...⁷⁹

Удивительно ёмкий образ – ветер времени, а может, времён? – в конце концов, это не столь важно, ибо такой же ветер дул и в те исторические эпохи, когда жили многие персонажи его стихотворений – мученики-страстотерпцы князя Борис и Глеб, убиенные в 1015 году, и первый космонавт на земле – Юрий Гагарин. Каждый из них, как и многие другие, ёжился от холода, когда охватывала тоска при мысли о том, что пройдёт тысяча лет и Русь, а затем Россия, прославившая себя на века, не станет жить лучше, присовокупив к «дуракам» и «дорогам», невежество, мрак и чувство гнёта...

Дмитрий мечтал: благодаря молодости и красоте можно искоренить все противоречия русской жизни, но та шла своим чередом, а с ней и восхитительная пора юности и ожидания неведомого и таинственного счастья, наполнявшего его бытие чудесным и высоким смыслом. Он, конечно, догадывался, что рано или поздно всё заканчивается, но память может всё сохранить, хотя:

77 Там же. – С. 60-61.

78 Там же. – С. 47.

79 Там же. – С. 27.

И оседают года и века
 Пылью на камень могильный.
 Память людская, увы, коротка...⁸⁰

Печальна участь человечья,
 Уйдём, неся свою вину.
 И незнакомые наречья
 Нарушат храмов тишину.
 (С зимой, похоже, всё в порядке), 2002)⁸²

Отчётливо эта тема прозвучит в строфе, завершающей стихотворение «А мёртвым, знаешь, всё равно...» (1982): «Ведь память до сих пор жива, / Покуда жив народ, / Пока народная молва / В людских сердцах живёт».

Память особенно важна для сохранения и личности, и народа, к которому она принадлежит: так как индивид и народ абсолютно взаимосвязаны. Отречение от своих корней губительно для человека, так же, как губительно для всего народа, когда он забывает предков, исторические события и своих правителей (не важно, какими они были – диктаторами или либералами). В подтверждение этой мысли, напомним об одной из записей по поводу личности Сталина, сделанной Дмитрием позже в «Ночнике»:

«Неужели трудно понять, что Сталин и победа суть одно и то же. Приравняем Сталина и Гитлера – отберут у нас победу. Да ладно только это. Ещё ведь и платить придётся всем захваченным и порабождённым, а это почитай пол-Европы. Дошли ведь до Берлина. Никаких денег не хватит!»⁸¹

В стихах он рисует картину исчезновения, растворения русского народа из-за никчёмной политики 1990-х:

Уже в восьмидесятые годы Мизгулин напишет такие стихи, как «Суворов» (1983), «Тургенев на водах» (1985), «Бестужев-Марлинский» (1985), «Данзас», (1988), «Фёдор Раскольников в Париже» (1989), «Китеж-град» (1990), «На выставке русского портрета» (1991). Мир исторических личностей – параллельный мир, но такой же реальный, как современный. В нём рассказывается о том, как «Пушкин к Дельвигу ехал под вечер», или, – как в Париже Вяземский подал руку Дантесу, убийце его друга – и Дмитрий не на стороне князя...

А вот «Отставной поручик Достоевский / По притихшей улице бредёт» – под дождём, точно таким же, какой идёт в Ленинграде на той же улице.

Вот, что важно! Герои прошлого у Мизгулина – не только наша память, но и часть сегодняшнего дня, наше подсолнечие, которое Дмитрий объясняет нам предельно просто в стихотворении «Бабье лето»:

Ведь всё это было не с нами,
 Но в нашей осталось крови...⁸³

Поэтическое время и пространство у него переплетено так тесно с современностью, что начинаешь путать голоса и жесты его героев с действиями самого автора.

80 Там же. – С. 43.

81 Мизгулин Д. А. Ночник. Публицистика / ред. Александр Смирнов. – СПб.: Второй Петербург, 2016. – 192 с., ил.: А., 136-137.

82 Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. – М.: Художественная литература, 2006. – С. 200.

83 Там же. – С. 47.

В «Суворове» то ли фельдмаршал, то ли поэт додумывается до мысли, что «когда-нибудь да пригодится в России умный человек». Многие суждения автора и его персонажей так великолепно оркестрованы, что складывается ощущение того, что читатель сам их выстрадал: когда-то они озаряли разум исторических личностей, – и вот теперь стали нашим достоянием...

Интерес к истории, к прошлому у Мизгулина от любви к Отечеству, а вовсе не от подленького любопытства, которое проснулось в перестройку, когда на российского читателя обрушился шквал заведомо лживого толкования исторических сюжетов отечественными «соросятами». Сколько тогда вышло фальшивок, искажающих нашу историю! Спонсировались они на деньги из-за океана, и задача наших «партнёров-друзей» была весьма примитивна: лишить страну её славного прошлого, доказать всему миру, как ничтожен во всём русский человек!

Пример, князь Меншиков, сподвижник Петра I, Светлейший князь. За эту историческую фигуру Дмитрию пришлось вступаться.

«С кем бы не говорили о Меншикове, образ сложился одинаковый – неграмотный, торговал пирожками с зайчатиной, вор и казнокрад.

<...> Почему выдающийся полководец (а выигранные сражения – это история), государственный деятель, безусловно, глубоко верующий человек (собственноручно построил церковь в Берёзове, где служил псаломщиком), международно-признанный авторитет (член Королевского общества в Англии, диплом подписал сам Исаак Ньютон – это не Нобелевская премия, за деньги не купишь) объявлен чуть ли не дураком?

На кого равняться нам, потомкам?

*Вот уж и о Кутузове написали, что был очень стар, бездарен и участия в войне не принимал, сидел и спал. А всё шло само по себе».*⁸⁴

Подобные домыслы, – как справедливо признаёт Дмитрий, – выгодны только тем, кто считает нашу отечественную историю профанацией, не имеющей никакого смысла... Так из области «исключительно исторического научного знания» наш народ перемещают в область политическую, которая убеждает нас в мировом изгойстве. Такова участь всех народов, разорванных социально и политически, ибо к этому приводит существование без единства базовых духовных ценностей. Да, незнание своей истории – сегодня фарс, а завтра – трагедия!

Разумеется, в художественной литературе важно выстраивать свою версию исторического факта, повинаясь общей концепции произведения. Так, например, Пушкин в основу драмы «Борис Годунов» кладёт гипотезу об убийстве Годуновым царевича Димитрия, а в основу трагедии «Моцарт и Сальери» – версию об отравлении Моцарта его приятелем-музыкантом и при этом завистливым композитором. Но зачем это делал Пушкин? Наверное, не для того, чтобы кого-то зря обвинить, но чтобы связать историю с темой совести, сказать: «гений и злодейство – две вещи не совместные», и все наши дела судит сам Господь.

Мизгулин, как и многие художники, не пренебрегает легендами. Так, в стихотворении «Фёдор Раскольников в Париже», поэт выдаёт за реальный факт случай, якобы произошедший с Иваном Алексеевичем Бунинным, не подавшим руки коммунисту Раскольникову. Было это на самом деле или нет, – не доказано, но автору это неважно! Легенда эта становится вполне закономерным символом. Старая Рос-

84 Мизгулин Д. А. Ночник. – СПб: АПИ, 2010. – С. 55.

сия не могла простить новой советской революционные погромы. Что же касается Бунина, то спустя несколько лет после смерти Фёдора Раскольникова, (кстати, похороненного на деньги русской эмиграции), он принимал участие в банкете, устроенном советской делегацией. Об этом можно узнать из дневника его супруги и воспоминаний участника встречи – Константина Симонова. А до этого летом 1946 года у поэта-коммуниста и советского офицера была встреча с писателем в шикарном ресторане «Лаперуз» на берегу Сены. После неё-то и состоялся «банкет»: Симонов попросил знакомых лётчиков привезти из Москвы в Париж, приобретённые в Елисеевском чёрный хлеб, селедку, калачи, водку и продукты, дефицитные в то время в СССР для простого народа, поскольку война только недавно закончилась. Всё это было принесено в дом Бунина, который ел с аппетитом да приговаривал: «Хороша большевистская колбаска!» ... Впрочем, легендарная встреча с Раскольниковым вполне могла иметь место, ибо от Бунина ожидать можно всё: был он весьма суров и язвителен в оценках современников и не был идеален в отношениях с ними...

Постепенно тема исторической памяти в лирике Мизгулина начнёт в 1980-е годы ещё более развиваться: автор знакомит читателя с «притчеобразным» стихотворением «Сухое дерево». В этом же, 1985 году, написаны стихотворения, где исторические персонажи (А. Грибоедов, И. Тургенев, А. Бестужев-Марлинский) соседствуют с образами заснеженных сумерек, дороги, неоновом света, снегопада. В «Таврическом саду» используются стихи Пушкина и в качестве эпиграфа, и в качестве сюжета, где эмоционально воспроизведён эпизод встречи с телом «Грибоеда», описанным в пушкинских записках «Путешествия в Арзрум».⁸⁵

85 Современные исследователи доказали – гроба с Грибоедовым Александр Сергеевич не встречал, несовпадение по времени... Но Пушкину зачем-то захотелось об этом сообщить своим читателям – и в том есть свой гениальный расчёт!

Как же страшно, наверное, всё же
Встретить гроб на скрипучей арбе
Под изодранной, пыльной рогожей.⁸⁶

В стихотворении «Имея пять рублей, могу...» строки, которые при известной доли воображения являют таинственную связь современности с минувшими столетиями:

Забыты даты, имена,
Цари, вельможи – всё забыто.
И лишь немые письма
Хранят тускнеющие плиты.

О, вязь таинственная плит!
Ведь эти надписи, быть может,
Навечно камень сохранит,
Да их никто прочесть не сможет.⁸⁷

Так тема исторической памяти постепенно размыкается и начинает вбирать в себя образы, не замкнутые на одной исторической фигуре, хотя в этом автор преуспел – и в глубине разработки темы, и в философском осмыслении личности и времени.

«Нашей памяти долгий свет...» – прекрасное лирическое стихотворение, в котором память – это то, что навсегда связывает человека с ушедшими поколениями – «единственное наследство». Интересно, что органом памяти героя является не мозг, а душа:

86 Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. – М., 2006. – С. 71.

87 Там же. – С. 80.

Всё вместила моя душа
 Без остатка и без возврата,
 Чередуется не спеша
 Времена, события, даты...⁸⁸

Душа в мизгулинской поэзии, как у поэтов-романтиков, всеобъемлюща. Можно вспомнить Василия Андреевича Жуковского, сказавшего: «Весь мир в мою теснится грудь». Также образ души у Мизгулина фиксирует «времена, события, даты», впуская весь мир, его прошлое и настоящее.

Душа сопереживает всему, что происходило когда-то и происходит сейчас, потому

С каждым часом и каждым днём
 Тяжелей, непосильней ноша...⁸⁹

Она, душа, у Мизгулина связана с сокровенным:

...Храню в душе твой взгляд.
 А он – меня...⁹⁰

Образ души у поэта имеет разные качественные характеристики. Например, это – глубина. Поэт даёт ей различные определения: «грешная», «мятежная», «дремавшая», «открытая», «летающая к небесам».

В ней может пребывать «смысл загадочный», «затаённая обида», «какой-то холод»; «всегда жила отвага». Она у Дмитрия то «дремлет», то «всё вмещает»; душу может наполнять «тревожно щемящая, давняя грусть».

Погружение в отечественную историю – занятие не из лёгких, поэтому звёздная ночь сменяется глухой тьмой, слепнет луна, хлопья белого снега смешиваются с трауром пепла. И отделить белое от чёрного – невозможно:

Замечается ночь пургой,
 И луна, потемнев, ослепла...
 И кружатся во тьме глухой
 Хлопья снега и хлопья пепла.⁹¹

С середины 1980-х годов в поэзии Мизгулина мотив памяти и мотив души начинают объединяться.

В 1984 году в стихотворении «Ночью в гостях» «душа» упоминается дважды. Первый раз в контексте памяти: «Память камня – не память души...», второй – отверженности:

Кто полночью сумрачной бродит?
 Может, грешная чья-то душа
 Что-то ищет, да все не находит...⁹²

В стихотворении, посвящённом Афанасию Афанасьевичу Фету («Был Фет евреем или немцем») 1985 года говорится о пробуждении души в момент чтения стихов:

Я забуду времена и даты,
 Я читаю старые стихи...
 И летят куда-то мимо, мимо
 Попусту потраченные дни,
 И горят во тьме неугасимо
 Вечные вечерние огни,
 И лазурь такая с неба льётся,

88 Там же. – С. 68.

89 Там же. – С. 68.

90 Там же. – С. 53.

91 Там же. – С. 68.

92 Там же. – С. 53.

Что застыну, грешный, не дыша,
И внезапно чутко встрепенётся
До сих пор дремавшая душа...⁹³

Всё чаще поэзию Мизгулина озаряют библейские и евангельские открытия. Так в стихотворении того же, 1985 года, «Посев взойдёт на вспаханной земле...» можно обнаружить реминисценции из евангельской притчи о Сеятеле.

Но где зерно случайно упадёт
Или в песок, или во чисто поле,
Оно случайным злаком прорастёт
Или умрёт томящимся в неволе.⁹⁴

Образ души приходит на смену уличному искусственному свету – «неоновой мгле». Этот образ приобретает конкретику, почерпнутую в христианском учении. Это уже не просто часть существа человека, не подверженного тлению, а то бессмертное, что вложено в человека по высшему замыслу Творца. Спустя много лет Дмитрий запишет в «Ночнике»:

*«Душа человека как грядка на огороде. Надо постоянно ухаживать, поливать, удобрять. А иначе всё зарастёт сорняками, а они (как всё плохое) растут самостоятельно».*⁹⁵

Кто знает, насколько бы Дмитрий, как поэт, не поддался бы искушениям, если бы не его приход к Православию? Ведь даже если в отношениях с людьми преобладает доброта, щедрость и открытость, эти качества мало значат без Христа и его Церкви. Они просто не станут главными,

ибо из какого бы добротного человеческого материала не была слеплена личность, не всегда ей удаётся пройти испытания на прочность без веры. Не случайно же в первом круге дантовской преисподней собраны все замечательные герои античной эпохи. Вина их только в том, что они родились на свет до появления Иисуса на земле. Христианской эпохе повезло больше. Но чем дальше от первых веков мученичества, подвижничества, тем более слабеет в людях вера...

Стихи Дмитрия Мизгулина напоминают нам о некоторых христианских истинах, например о душе, которая есть у каждого:

Учись довольствоваться малым,
Иначе – просто не прожить.
Привычкой, словно ритуалом,
Умей особо дорожить.

В эпоху суеты и смуты
Плыви с течением реки,
Цени часы. Считай минуты.
Покой душевный береги.

В водовороте модных мнений
С потоком мутным не кружись,
Не будь в плену чужих сомнений,
Почаще Господу молись.

Иди вперёд своей дорогой
Без суеты и не спеша.
И помни лишь одно – для Бога
Твоя бессмертная душа.⁹⁶

⁹³ Там же. – С. 73-74.

⁹⁴ Там же. – С. 69.

⁹⁵ Мизгулин Д. А. Ночник. Публицистика / ред. Александр Смирнов. – СПб.: Второй Петербург, 2016. – С. 157.

⁹⁶ Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. – М.: Художественная литература, 2006. – С. 163.

Глава 4.

АРМЕЙСКИЕ РАССКАЗЫ
ДМИТРИЯ МИЗГУЛИНА

Искусство и литература в том числе, – это факт индивидуального восприятия события конкретной личностью в конкретное время. И именно в этот востребованный момент оно всегда будет и новым, истинным.

Д. Мизгулин

«СКУКА МНЕ НЕ ГРОЗИЛА...»

Большинство авторов, одарённых литературным талантом, не ограничивают себя каким-либо одним жанром, «примеряя на себя» то лирику, то рассказы, а то и драмы. Самый известный для читателей пример – Александр Сергеевич Пушкин. Однако любой литератор перечислит вам имена знаменитых и не очень знаменитых писателей, которые прежде, чем остановиться на каком-либо жанре, испробовали

всё. Так и поэт Дмитрий Александрович Мизгулин начинал когда-то с прозы. Как уже упоминалось, будучи подростком в ученических тетрадях он писал романы о Великой французской революции и восстании донского казака Ивана Болотникова. Интересно было бы вернуться к этим сочинениям спустя десятилетия, но, увы, рукописи иной раз тоже горят... Первые прозаические опыты погибли при пожаре. Однако Дмитрий не был бы самим собой, если бы не повторил попытку. Время было уже иное, да и рассказы его были подготовлены к печати, когда он ещё учился в литературном институте. Книга названа была «Три встречи» и задумана задолго до своего выхода в 1993 году.

Начиналось всё в орденоносном Закавказском военном округе под Баку – в столице братской тогда республики, где он в одном из полков проходил офицерскую службу с 1984 по 1986 годы.

Отправляясь на место службы, Дмитрий вспоминал прочитанные книги, исторические и художественные, – о подвигах русских воинов прошлых веков. И если историки, как правило, скрупулёзно исследовали политическую обстановку, рассматривали причины и следствия, то художники вдохновенно живописали о грандиозных событиях и героях. Таков был, например, Александр Бестужев-Марлинский, служивший в Закавказье. О нём – ссыльном офицере-декабристе – Дмитрий напишет стихотворение на второй год своей армейской службы... Там есть невольные параллели с современностью – свидетельство, что поэтическое перо автора не ржавело. Однако впечатлений было так много, что понадобился и жанр рассказа, который бы позволил их запечатлеть во всей полноте! Сразу по прибытию в часть он, очевидно, фиксировал главное, чтобы потом воспроизвести увиденное и услышанное в художественной форме. Пример прозы Бестужева-Марлинского, воевавшего в этих же местах, вдохновлял свежее испечённого офицера, но не до такой степени: от стиля Марлинского, свойственного романтикам и названного марлинизмом,

Мизгулин откажется сразу. Проза Дмитрия об армейских буднях писалась языком, адекватным самой этой жизни.

Наблюдая за скудным степным ландшафтом, где под завывание ветра кувыркались «мусор, обрывки старых газет, каких-то тряпок, листья, клочья овечьей шерсти и прочей грязи»,⁹⁷ за изрытыми колдобинами дорогами, за тоской, оторванных от дома и привычного быта людей, Дмитрий оставался философом: «оказывается, наше ожидание – это уже жизнь, и больше и лучше, может быть, уже ничего не будет...»

Мизгулин не делит мир, как в шахматах, на белые и чёрные фигуры – злодеев и тех, кто должен их победить. Читатель пусть сам и рассудит. Его герои – обычные мужики в погонах, умеющие держать удары судьбы, тянущие служебную лямку. Есть среди них и балагуры (в каждой роте найдётся свой запевала!), но в значительной степени – это серьёзные, молчаливые служивые люди – и надо быть своим, чтобы разговаривать их. Когда художник умеет внимательно слушать своих рассказчиков, то ему не составит труда переводить нас от одной сцены душевного состояния его героев к другой – по-военному бесстрастно и порою стремительно, заставляя читателя врасплох. Все рассказы построены на ситуациях невыдуманых, а потому мелкое, даже вовсе ничтожное, может соседствовать с драматическим одновременно. Служба – не парад и даже не военный смотр, а проза той жизни, которая не бросается в глаза, в отличие от прохождения строем под звуки бравурных маршей, потому со стороны её трудно ощутить, если не испытал всех тягот. Именно по этой причине история каждого из героев увлекает читателей – понять и не осудить, ибо сострадание к унижен-

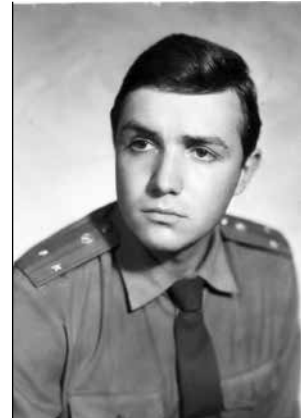
97 Мизгулин Д. А. Избранные сочинения – М.: Художественная литература, 2006. – С. 285. – Далее цитаты из текстов Д. А. Мизгулина даются по указанному изданию, раздел «Рассказы». – С. 235-296.

ным и оскорблённым ещё не улетучилось из нашей художественной словесности с ветрами перемен...

САМЫЕ ОБЫЧНЫЕ ЛЮДИ

Дмитрий знает всех прототипов своих героев, со многими сживал в компании не единожды. Его действующие лица взяты из жизни со своими манерами, языком и жестами! Преимущественно это энергичные люди, военные, которые не оглядываются на своего автора, не спрашивают разрешения, как им поступать по ходу развития сюжета, и, раскрывая свою сущность по ходу повествования. У них свой армейский язык – своя интонация и построение фраз. В большинстве своём они люди мужественные, готовые к подвигу. Да и сама служба – монотонная, требующая досконального соблюдения всех мелочей, порою – непредсказуема. Разве это не требует определённой подготовленности, выдержки и терпения? Не забудем, что Дмитрий нам рассказывает о простом военном человеке – совсем не голливудских суперменах!

В рассказе «Генеральский чай» действует несколько персонажей, в характеристике которых должность и черты личности дополняют друг друга. Например, начальник райпищеторга – Иван Ивано-

В годы военной службы в Закавказском военном округе. Баку.

*Но можно в двенадцать часов
на обед и пойти и процадить,
в туалете сидеть не надо...
там пометки не надо*

*или для мифического
героя... можно сказать о равно...
дней, ну не все так равно?
ран, все вай... или тень
постепенно*

*и совсем до ширинки
идет*

*по форме, но все равно?
и носик
микро-сущая?*

*Вот именно в форме?
и форма со мной
и микром, и пошлым
самого гроща...*

вич Семирякин, по всему видно, человек основательный и солидный – и внешне, и фамилия его встречается в списке дворян ещё при царствовании Ивана Грозного. Она – среди уважаемых, и происходит, возможно, от старинного слова «семерик»⁹⁸. Автор добавляет к его характеристике определение – «круглый», которое можно понять и так – не за что зацепиться.

А герой-рассказчик, Генрих Васильевич Ерасов⁹⁹, если задуматься над именем, отчеством и фамилией, представляет собой образ человека когда-то подававшего надежды. Ревизор из облфинуправления – Вася Дрыкин – вчерашний студент – простой парень, и фамилию носит соответствующую, происходящую от прозвища «Дрыка»¹⁰⁰. Там, где это важно для автора, он подчёркивает особенности характеров в именах и фамилиях.

Одних персонажей знакомит с читателями, используя полное имя и отчество, других – только по имени, третьих – уничижительно: «Вася», «Сашка», «Сенька»...

Дмитрий в рассказе «Генеральский чай» даёт нам подсказку не только с помощью имён и фамилий, но и финал строит необычно. Его герой, поведавший не без юмора историю о том, как ему пришлось расстаться с интендантской службой, с горечью вдруг начинает осознавать, что лишился чего-то важного и нужного в жизни:

«Он вдруг понимает, что в его жизни, в главном, иначе ничего и не могло произойти. Он точно бы так же впослед-

ствии женился – не на той, так на другой. И детей бы точно так же вырастил. И если были бы у него, как и сейчас, сын и дочь, то дочь всё равно бы вышла замуж и уехала к мужу, а сын потянулся бы в иные края – ну не в Нижневартовск, так, к примеру, в Мурманск. И точно так же звонили бы по праздникам да подвозили бы на лето внуков... Точно так же приходилось бы вставать ни свет, ни заря и ехать на работу. И затемно возвращаться домой. И квартира, и машина, и дача – вот, собственно, и всё, и как ни крутить – итог один и тот же. Эта мысль приходит в голову Ерасову впервые и так поражает его, что Генрих Васильевич теряет и начинает уже было грустить...»

Читатель, конечно, пытается отыскать просвет, если не в душах героев, то хотя бы в том, что их окружает. Но, увы, пейзажи в прозе Дмитрия обычно какие-то недобрые, мрачные.

В рассказе «Последние слова» ночной пейзаж – пример такой же безнадёжности:

«Ночь была темна и освещалась лишь несколькими мерцающими фонарями да тусклой луной. Знойный ночной ветер не набрал пока силы и ещё как бы в шутку, не всерьёз взметал пыль и ворошил сухие листья, едва шевелил кронами пришибленных сосен, скрипел плохо прикрытыми дверями, качал фонари, разбрасывая тут и там блики жёлтого света...»

Под стать ему описание наступающей ночной тревоги в «Серебряном журавле»:

«Темнело быстро. В густеющей мгле уютно засветились огни наших домов. Близилась ночь. Всё кругом стихло. Внезапно налетели первые резкие порывы ветра. А уже через недолгое время ветер засвистал настойчиво, по-хозяйски. По степи полетели мусор, обрывки старых газет, каких-то тряпок, листья, клочья овечьей шерсти и прочей грязи...

Когда мы проходили мимо первого озера, было уже слышно, как надрывно скрипят ржавые балки заброшенной нефтяной вышки, как пронзительно завывает ветер в пустых трубах... В озере волновалась чёрная, масляни-

98 Семерик обозначал старую русскую меру чего-либо из семи единиц, число это считалось счастливым в Древней Руси. Семериком называли и крепкую верёвку, свитую из семи жгутов. А ещё это название означало выезд из семи лошадей в одной упряжке – ехать семериком.

99 Фамилия Ерасов появилась в результате неправильного прочтения записи фамилии Юрасов, т.к. в старорусской скорописи XVI–XVII столетий легко можно было принять написание буквы «Ю» за букву «Е». Их звучание похожее, поэтому на слух можно ошибиться, исказив тем самым запись в письменных документах. Так благородное, дворянское звучание «Юрасов» претерпело изменения.

100 Дрыка – слово, образованное от глагола «дрыгать», то есть «трястись, дрожать», «бить или биться ногами, из упрямства или судорожно».

стая вода, ходили небольшие волны, в которых дробилась и рассыпалась выглянувшая из-за туч подслеповатая луна».

Из подобных описаний невольно напрашивается вывод о том, что отчизна, наша богатырская земля, никак не может пробудиться от сковавшего её ночного, сонного оцепенения. Эту одушевлённую силу надобно не только пробудить, но и очистить от всяческого наносного сора, чтобы она не осталась до конца каменно-бездушной и помогла человеку избавиться от отчаяния, чтобы он смог, наконец, воспрянуть на своей родной почве!

Рассказы «Характер», «Серёга», «Последние слова», «Ненормальный» – о крепких мужиках, которые проходя через страдания, унижения, стараются не покоряться выпавшей на их долю суровой участи. Они не смиряются под её тяжестью, как молчаливое большинство, а пытаются найти выход из тупика, куда их загнала судьба. У кого-то получается, у кого-то попытка заканчивается трагедией, но персонажи эти сопротивляются, и от того ими сложно манипулировать. Каждый из положительных героев борется со злом по-своему и заслуживает нашего внимания, как личность.

Дмитрий подводит нас к размышлениям о загадке русской души, о характере человека и его непредсказуемости. Автор ещё раз напоминает: Россию и её народ «аршином общим не измерить». Сами же герои действуют, иногда не раздумывая о последствиях, не покоряясь обстоятельствам. Для кого-то, возможно, они – неудачники, не умеют жить, а для кого-то, напротив, – российские дон-кихоты. Пусть они и не победят, но и себя не испоганят!

Герой рассказа «Серёга» об армии вспоминает «с охотой», он когда-то был прапорщиком, пока не случилась трагедия в личной жизни и не подломила его так, что пришлось оставить службу. Оба эти героя – Генрих Васильевич Ерасов и Сергей Колесников – маленькие люди, но каждый был при деле на службе, тянул жилы, возможно, из последних сил, но и гордился этим! Они карабкались, как могли,

а не стало важного нужного дела, – не стало и причастности к общему долгу, без которой немислима их военная профессия, оставшаяся в прошлом... Что же взамен? Потеря смысла жизни – нужности обществу, поскольку осознание необходимости твоей профессии на том месте, где от тебя ждут помощи, – естественное состояние военного человека. Начинаящий прозаик пытается обнажить сущность своих персонажей, порою вплоть до неприглядных мест. Это делается ни с целью вывести их на всеобщее посмешище, но, чтобы сказать читателю: ты родился человеком, оставайся же им!

Персонажи Дмитрия Мизгулина связаны друг с другом незримыми прочными нитями, из которых сплетены законы армейской жизни. Они составляли воинское братство сотни лет назад, скрепляют его и сейчас. Однако если кто-то норовит освободить плечо от натужной лямки и переложить тяжесть на товарища, то выдерживать единство этого союза становится всё труднее и труднее. Так из братства и опоры армия постепенно превращается в колос на глиняных ногах. Это почувствовал автор, попав в армию. Не о такой службе мечтали в юности...

Дмитрий пишет о своём опыте службы непривычно для 1980-х, даже вызывающе, с обнажённой откровенностью. Для того чтобы писать именно так в то время надо было иметь мужество...

Грань, которая отделяет людей армии от штатского мира, так хрупка и так порою незрима... Казалось ещё немного и мир «войны» захлестнёт спокойствие великой страны, обрушив на неё свои пороки. В армии, готовой всегда отразить натиск врага, служит много замечательных и честных людей, специалистов военного дела. Но как ржа выедает железо, так мелкие приспособленцы и паразиты, оккупировавшие организм, разрушают его некогда прочный и живой монолит. Дмитрий пытается проникнуть в глубину явлений, изображая армейскую повседневность с помощью судеб и суждений персонажей.

«НЫНЧЕ ВСПОМИНАТЬ ЭТО БЕЗ СМЕХА ПОЧТИ НЕВОЗМОЖНО. НО ТОГДА...»

«У Сашки Куницына было множество достоинств, имеющих непосредственное и неотразимое влияние на женщин. Но, пожалуй, самым главным среди них были усы». Так, с едва уловимой иронией, где есть место интриге, начинается один из рассказов Дмитрия Мизгулина «Усы». В его основе – армейский анекдот (в старинном смысле слова), родившейся в полку и вобравший в себя немало бытовых подробностей со знанием психологии персонажей и военных традиций. За кратким вступлением обычно сразу следует действие, столь стремительное, как удар в морду во время драки. (Кстати, это характерно и для других мизгулинских историй). В начале произведений («Серёга», «Характер», «Генеральский чай», «Три встречи», «Серебряный журавль», «Последние слова») преобладает конкретность, а рассказчиками армейских случаев часто становятся сослуживцы, хорошо знакомые с прототипами своих персонажей.

В рассказе о военном быте название «Усы» настраивает на какое-то фривольное происшествие. Действие завязывается, будто ниоткуда и непонятно по какой причине: со скуки или по молодости лет, а может быть по затаённой тоске о временах, когда красавцы-гусары¹⁰¹ легендарного 1812 года покоряли дам своей внешностью. Так или иначе, но однажды двум молодым офицерам пришлось на ум изменить свою растительность на лице. Подобная идея в советской армии – немислимое дело! Однако сказано – сделано! Историю о том, как Сеньке Митину «<...> с чего это вдруг взбрело в голову <...>

101 Не зря же литературный персонаж и любимец читательской публики позапрошлого столетия – Козьма Петрович Прутков – советует: хочешь быть красавцем – поступай в гусары.

отрастить бакенбарды», рассказывает другой литературный персонаж – Сашка.

В какой-то момент друзья попались на глаза заслуженному генералу. Внимание на его облике заострено автором вовсе неслучайно! Командарм был «личностью яркой и необычайной, про него ходили как легенды, так и анекдоты»:

«По комплекции Мандрыка был настоящий генерал – высокий, стройный, но в то же время дородный, широкоплечий и, в хорошем смысле этого слова, мордастый, в ладно сшитом кителе с широкой разноцветной орденской планкой на груди (он, между прочим, начал войну сыном полка ещё в сорок втором). Облик его был суров. Взгляд пробивал лобовую броню танка, седина были вполне благообразны, армия – одна из лучших в округе...»

Но самое главное заключалось ни в яркой внешности: «<...> слишком независим был командарм, старой закалки – за словом в карман не лез, перед начальством не суетился, комиссиям столов не накрывал, к морю на прогулки не возил, дурацкие распоряжения хотя и выполнял, но комментировал их искренне, с чувством, не стесняясь присутствующих».

И терпели такого начальника только потому, что «охотников на высокую должность в эдакой глуши находилось немного», да и его армия была самой лучшей, а кроме того, он был фронтовиком – вся грудь в орденах.

Служить, по мнению Сашки, у него было нелегко: он требовал дисциплину, был строг, его побаивались, но зато «своих офицеров в обиду не давал, продвижений не тормозил, достойных людей умел отличать и воздавать им по заслугам, недостойных отправлял в другие места, от себя подальше».

Увидев молодых лейтенантиков, отращивающих бакенбарды, генерал повёл себя, как заботливый батька: отвергнув их жидкую растительность, сразу предложил «альтернативу»:

«— То, хлопцы, не дело. Не позорьте свою батьку. Що вы як иностранцы удумали? Ни к чему! Вот усы – то дело другое, казацкое. Через полгода покажетесь с усами. Лично проверю!»

Генерал был, очевидно, из тех людей, у которых тяга к истории живёт в крови, а потому усы для него, как человека военного, – не только украшение мужского лица, но нечто большее. Возможно, он был из казацкого рода, а у казаков усы были всегда в почёте. А если вспомнить времена императоров XIX века, то в царствование и Александра I и сменившего его брата Николая I строевиков на службе и в отставке отличали усы, они были их привилегией, и никто не смел их отращивать, не считая купцов и простолудинов, не бривших бород. Право носить усы в эпоху правления Николая Первого позволялось только солдатам, офицерам и генералам боевых частей и, кстати, военному медицинскому персоналу, что действовал на поле боя. А уже капельмейстерам военных оркестров носить усы не полагалось, хотя они дирижировали музыкантами с усами, ибо те шли в бой наравне со всеми, когда совсем припекало. Усы были не доступны и тем, кто «переименовался» из военных в гражданские чины, хоть и поступил на гражданскую службу с сохранением военных чинов. На всё было заведено особое правило, и его не смели нарушать. Даже для женщины разных сословий были заведены правила в ношении головных уборов определённой формы.

Карающие органы на усы никогда не смотрели сквозь пальцы.¹⁰² Таким образом, за разрешением командарма Мандрыки носить усы молодым офицерам подразумева-

102 Незаконное ношение преследовалось строго! Когда до государя дошло, что «многие из господ в звании камергера и камер-юнкера позволяют себе носить усы, кои присвоены только военным», то «Его Императорское Величество Высочайше повелеть соизволили строжайше воспретить, дабы никто из имеющих придворное звание не осмеливался носить ни усов, ни бород, а равно и гражданским чиновникам». Об этом свидетельствует сохранившееся до наших дней распоряжение обер-гофмейстера князя Урусова от 5 апреля 1837 года камергеру Николаю Алексеевичу Муханову.

лась военная традиция. Но большинству лиц в советской армии усы носить не разрешали, если они не являлись национальной гордостью. Автор очень дипломатично пишет об этой привилегии: «Командир полка усы носить запрещал. Точнее, не то чтобы запрещал, а как-то так само вышло: нельзя, да и всё тут». Эту цитату может подтвердить любой, кто служил в армии. Будучи на курсах офицеров запаса, ваш покорный слуга, тоже отпустил усы... Ох, и сколько же упрёков по поводу их ношения натерпелся от своего майора! Но не сдался, поскольку считался к тому времени «дембелем», на которого, в конце концов, воинское начальство махнуло рукой... Но здесь ситуация – с кадровыми офицерами – иная!

В основе повествования, казалось бы, казус, анекдот, один из курьёзов армейской жизни, но глубже вникнем в текст.

И кто только не покушался на усы молодых офицеров, но магические слова: «Командарм разрешил!» – устраняли любые преграды...

Перед ними, по сути, пример самодурства некоторых воинских чинов и связанные с ним злоупотребления! Если бы не вышестоящий мудрый командир, то судьба этого мужского украшения на лицах ребят была омрачена ещё одним разочарованием в армейской службе. Но дело не только в этом! Автор даёт нам понять, как порою пагубно действует власть на личность человека, защищённого уставом, другими словами, начальника над подчинёнными. Не каждому дано совладать с собой, ибо синдром «мундира» делает своё дело. Человеку кажется, что все его указания безукоризненно справедливы и по существу – и от того он надувается, как шар, от самоуважения к самому себе. На самом же деле люди испытывают почтение ни к личности, а к мундиру, в который она облачена. Пример тому образ замполита, который мнит из себя законника в среде военных и пытается свои приказы аргументировать документами. Чин у него начальный для старшего офицера, по-

этому и гонора пока немного. Дмитрий живо, не скрывая тонкой иронии, описывает этот персонаж:

«...в полк был назначен новый замполит, и нарушение это (то есть усы) ему не понравилось. Он было к командиру, да тот, памятуя Мандрыку, только рукой махнул – ладно, мол. Однако замполиту ничего о том случае не сказал, а тот и повелел: усы немедля сбрить, причём ссылался ни больше, ни меньше, как на приказ министра обороны, в котором якобы утверждалось, что усы могут носить только те военнослужащие, для которых ношение усов является национальным обычаем».

Этот замполит, окончивший только что Академию (почти с отличием), был большим законником. Он практически наизусть знал все приказы и инструкции вышестоящих инстанций, выписывал из них все необходимые для себя строки и абзацы. Они у него содержались в четырёх толстых гроссбухах и всегда лежали на его столе. Надо сказать, что старательный законник перелистал все свои талмуды, два дня рылся в архивах, но ничего по поводу усов так и не нарыл.

«Это ещё больше разозлило замполита, и он категорически потребовал от лейтенантов привести себя в должный вид, то есть сбрить усы, никаких доводов больше не приводил, объяснений не слушал».

Вот он пример вопиющего самодурства начальствующей стороны! В армии всегда подобных сумасбродов хватало – и надо сразу же их ставить на место, пока они не распоясались!

Чтобы сделал человек толковый, не привязанный формально к параграфам распорядка жизни человека в армии? Проявил инициативу, которая бы сослужила пользу взаимоотношениям в армейской среде. Однако наш «законник», почувствовав вкус власти, категорически требует, не желая слушать доводов и объяснений обратной стороны! За что, естественно, и получает по башке! Чем-то он напоминает чеховского персонажа из рассказа «Хаме-

леон» – полицейского надзирателя Очумелова, особенно, в тот момент, когда наверняка узнаёт от командира полка, что приказ на отпуск усов молодые люди получили лично от командарма Мандрыки! Мнение замполита кардинально тут же меняется:

«Замполит призадумался, сказал несколько слов о красной кавалерии, упомянул про Будённого и Ворошилова, отправил лейтенантов по делам службы, а потом, выяснив подробности у командира, больше к этой теме не возвращался».

Хуже, когда в армии начинают качать права чины покрупнее. Ирония Дмитрия достигает апогея, когда он повествует о продолжении истории.

«Через пару недель в полк прикатил комдив. Был он в той должности без году неделя, а потому и брал, как говорится, быка за рога.

На строевом смотре, остановившись как вкопанный возле Сашки с Сенькой, прогремел командиру:

– Что это у вас, как в царской армии, офицеры усы носят?! Это что за вольности?! Что за внешний вид?! Сегодня – усы! Завтра – бороду! Послезавтра – косы начнут заплетать?!

Командир, не скрывая удовольствия, с деланным почтением заметил:

– По личному приказу командующего. В виде исключения. Как у казаков.

Ничего не понимая и соображая, не разыгрывают ли его и как посмели, комдив прогремел:

– То есть как это?! В каком это смысле?! Как это так?!

– Так точно, – отчеканил командир, да ещё для убедительности козырнул, рассеяв окончательно комдивские сомнения».

В приведённом отрывке всё в строку: и психологически выверенный «комдивский» разнос, сходу не разобравшись, (зачем ему, как майоришке-замполиту в «гроссбухи» заглядывать: как ни как, он на генеральской должности – не только большой воинский начальник, но и местный

царь, и даже бог!); а чего стоит только одно его недоуменное «То есть как это?! В каком это смысле?! Как это так?!» – и, наконец, главный козырь – символ «почтительности» и скрытого издевательства комполка над вышестоящим начальником, что проявилось в «почтительном жесте» – козырнул... Он-то и приводит в чувство комдива! – подтверждение личного устного приказа командарма услужливым и злорадствующим командирам полка. Представляю эту картину во всей её наглядности, когда полковник «ещё для убедительности козырнул, в момент рассеяв окончательно комдивские сомнения».

Кто служил в армии, тот по достоинству оценит эту сцену!

«Недовольно хмыкнув, комдив покраснел, побагровел, покряхтел и пошёл дальше, а уж заметив отсутствие пуговицы на противогазной сумке у солдата, дал волю чувствам, распирающим его суровую душу».

Автор поведал нам о конфликте с занимательностью армейской байки тех, «кто служит делу, а не лицам» с теми, кто служит лицам и самому себе!

Почему же командарм Мандрыка поддерживает офицеров и почему автор рассказа сравнивает их с ахтырцами, то есть гусарами Ахтырского полка?¹⁰³

Слово «ахтырцы» большинству читателей известно благодаря кинофильму «Гусарская баллада». Там командир партизанского отряда Давыд Васильев (подразумевалось историческое лицо – Денис Васильевич Давыдов) обраща-

103 Знает ли об этом Мандрыка, но Дмитрий Мизгулин, автор рассказа, просто не мог не знать следующего обстоятельства. В рязановской комедии «Гусарская баллада» поручик Ржевский в мундире Мариупольского гусарского полка, о чём свидетельствует расцветка ташки (тёмно-синяя, обклад жёлтый). В полку этом с января 1808 по апрель 1811 года под именем корнета Александра Андреевича Александрова служила «кавалерист-девица» Надежда Андреевна Дурова. Таким образом, служба поручика в Мариупольском полку даёт нам новые подробности о несомненно подлинной истории, рассказанной в «Гусарской балладе», не без кинематографических придумок, конечно.

ется к поручику Ржевскому: «Драчливость, брат, твоя вошла в поговорку давно в полку Ахтырском».

Данная фраза подразумевает: Дмитрий Ржевский, герой анекдотов, каламбурный и брутальный, ранее служил в Ахтырском полку.¹⁰⁴ А уж как лихо действовали ахтырцы-партизаны – просто диву даёшься! Автор рассказа исподволь проводит параллель между своими героями – молодыми офицерами Санькой и Сенькой – «ахтырскими гусарами», дерзкими и смекалистыми. Ведь отважный воин и поэт, большой оригинал Денис Давыдов терпеть не мог ту же армейскую казёнщину, муштру, службизм, за которыми часто скрывались трусость и подлость. Потому он и пошёл в партизаны, где над ним не стояли ничтожные, но имеющие высокие чины, военные начальники.

Стоит заметить, что вступают в конфликт герои, обязательно имеющие имена, а им противостоят безымянные – чины. С одной стороны, Сашка Куницын, Сенька Митин, а с другой – некие замполит, комдив, командир полка и пр. Причём, своё значение имеют неполнота (имена без отчества) и пренебрежительность имён молодых лейтенантов, словно речь идёт не об офицерах, а о дворовых мальчишках. А говорящее имя одного из них только усиливает эффект – Сенька, которому не по Сеньке шапка! Но тем громче победа... Именно они изрядно поводили за нос и посрамили комполка, замполита и комдива, пытавшихся лишить их мужской привилегии – усов, без которых немислима внешность бравых вояк. А под нею (внешностью) воспринимается продолжение боевой славы ахтырцев – внутренняя свобода, предполагающая воинскую доблесть и честь.

104 Там же служил во время Отечественной войны 1812 года и Денис Давыдов в звании подполковника.

Что же касается персонажа Мандрыки, великодушно-го покровителя «ахтырцев», то его характеристику подтверждает и фамилия.¹⁰⁵

Оканчивается рассказ многозначительно: автор, проследив дальнейшую судьбу своих героев, повествует нам о том, что один из товарищей выбрал вольные хлеба, соответственно, мог носить свободно не только усы, но и бороду – и даже «косички заплетать»: «Дальнейшая жизнь у Саньки сложилась так, что с армией ему пришлось расстаться. Он об этом теперь не жалеет и ныне счастлив».

Упомянут, как бы в «эпilogue» рассказа, и brave командарм: «Мандрыка вскорости получил повышение – уехал на Дальний Восток». Очень милостиво Дмитрий обошёлся с безымянным персонажем: «Замполит полка стал кадровиком».

И наконец, гвоздевые последние слова о бывшем «ахтырце» Сеньке, который стал подполковником. Автор даже должность уточняет: «Начальником штаба <...> Только вот усы почему-то сбрил».

Весьма интересная деталь! Дело в том, что став штабистом, он лишается усов, а, значит, переходит в иную категорию, расставшись со своим «гусарством» – и в этом, несомненно, заключена правда жизни!

Так анекдотический случай под пером Дмитрия Мизгулина приобретает глубокое философское звучание.

105 Обладатели фамилии Мандрыка, несомненно, могут гордиться своими предками, сведения о которых содержатся в различных документах, подтверждающих след, оставленный ими в истории России, Украины, Белоруссии. Фамилия принадлежит дворянскому роду на Гетманщине и в Черниговской губернии Российской империи. Происходит от реестрового казака Корчовской сотни Корсунского полка Андрея (1649). В рассказе находим подтверждение этому: «Заметим, что говорил Мандрыка на каком-то удивительном наречии, представляющем собою смесь русского, украинского и белорусского языков».

ХАРАКТЕР ИЛИ СУДЬБА?

В рассказе «Характер» представлена трагическая судьба толкового, честного и принципиального офицера. После прочтения «армейского» цикла складывается впечатление, что автор боялся растерять свои находки, вобравшие не столько наблюдения, сколько раздумья. Когда Дмитрий пытался обрести свой голос в литературе, его переполняло такое внутреннее состояние, которое совсем не соответствовало в ту пору описанию военной службы, как почётного долга гражданина СССР. Идеология советского времени расходилась с правдой жизни – и армия здесь не была исключением. В армейских историях Дмитрия многие фразы намагничены духом несоответствия – желаемого и действительного. В армии неслучайно существует принцип: не можешь – научим, не хочешь – заставим! На первый взгляд, когда обходишь военную шеренгу, застывшие в ней люди кажутся «на одно лицо» – и это только в первой шеренге! Что сказать о тех, кто находится во втором, третьем – и следующих за ними рядах? На плацу все едины... Но Дмитрий пишет не про «плац», а о тех, кто маршируют по нему. При всём этом «маршевом единении» у каждого есть своё лицо, способность чувствовать себя за пределами «общего ряда». В армейских рассказах Дмитрию важно именно это индивидуальное начало.

Экспозиция в «Характере» может показаться затянутой. Прежде, чем последует в кругу молодых офицеров монолог умудрённого опытом службы Фёдора Ивановича Полторацкого, будет дан его «внутренний» портрет, его сущность – сущность служаки. Она просачивается через общую характеристику некоторых его поступков и взаимоотношений с супругой (всё это подаётся с точки зрения холостяка и первогодка в армии молоденького лейтенанта). В дальнейшем, поведав о своём командире

Кибальникове, сам Фёдорыч отдельными репликами сообщает дополнительные сведения о себе, как человеке заурядном, в отличие от своего бывшего начальника. Это двойное знание о другом и о себе включает в себя, с одной стороны, скользкий, наружный взгляд, а, с другой – смысл постижения личности до самого дна её души. Художественный приём наиболее уместный в прозе Дмитрия. Подобная экспозиция ещё нужна для сопоставления различных типов офицеров, которые встречаются в армейской среде. Среди них служаки, честно тянущие лямку, наподобие Фёдора Ивановича, и приспособленцы-карьеристы, вроде комдива, обладающего к тому же злопамятностью. Гораздо реже в армейской среде можно встретиться с такой примечательной личностью, как командир роты Кибальников, поэтому именно он в центре повествования. О нём поведал Фёдорыч, когда разговор зашёл о роли характера в жизни человека.

Николай Кибальников – умный, перспективный офицер, с детства избравший военную стезю. Всё у него складывается поначалу прекрасно: и солдаты уважают и начальство ценит. Вот и девушка у него появилась:

«Был у него роман с дочкой нашего замполита, всё ходили вместе в кино. Ну и хорошо, думаем, а то чего парень зазря пропадает».

Но не сложилось:

«Уже дело к свадьбе шло, да замполита перевели в другое место, дочка, конечно, с отцом и уехала. А девки-то они как: рядом, под рукой, – стало быть, твоя. А как чуть далее – так и привет! Прошла любовь, увяли помидоры. Колька-то с той поры и затосковал, и всё – один да один».

Так Николая предали в первый раз! Хотя это можно пережить: ни он первый, ни он последний! Тем более, его разочарование было недолгим, поскольку человек горит на службе, так увлечён своим делом!

«Ну и попал к нам в полк. Сначала, как обычно, – взвод. Потом – рота. Отличный был взвод. Лучшая рота. Грамот-

ный был офицер. Ходит по гарнизону – аж светится, всем доволен. И солдат у него был и сыт, и пьян, в переносном, конечно, смысле».

Второй удар был более ощутимым, ибо пришёлся он на личность порядочного, исполнительного офицера совсем незаслуженно! Со слов его боевого товарища Фёдорыча, «всем Коля был душа человек, одно только у него было плохо – характер».

Везде и всюду гнул он своё. Правильно гнул-то, но резал правду-матку прямо в глаза начальству.

«Стоит, бывало, в строю (а я-то рядом, я-то у него взводным был), вытянется эдак в струнку, почтительно стоит, а голову упрямо склонил, в глаза вышестоящему с прищуром смотрит и говорит всегда тихо, уверенно: “Не имеете права”, или: “Ошибаетесь, товарищ полковник”, или: “Вынужден подчиниться, но доложу рапортом по команде...” Уж совсем не терпел никаких отклонений от правды, от справедливости. А у нас, куда ни кинь, – одни отклонения».

А ведь, действительно, при внешней горбачевской гласности все – сверху донизу лгали, поэтому честность героя воспринимается, как отклонение от нормы. «Фарисейская праведность» большинства удручает Николая, романтика и идеалиста:

«Офицер он был, что называется, военная косточка. Сама жизнь его в армию привела. Отец погиб на фронте. Мать умерла сразу же после блокады, а Кибальников, как сын героя, был определён в Суворовское училище. Окончил, между прочим, с отличием. Высшее училище – тоже. Ходили слухи, оставляли его командиром взвода там же, в училище, в столице. Это вам не шутка. А он – нет. Хочу, мол, поехать в места неизведанные».

Собственно, главный конфликт с вышестоящим начальством происходит из-за того, что Николай Кибальников пытается служить так, как это определено воинским уставом, а комдив, который должен следить за соблюдением этого

устава, использует его в своих корыстных целях, пытаюсь отомстить офицеру за его честную службу, бескомпромиссность в поступках!

«Может быть, и сложилось бы всё иначе, только прибыла к нам однажды высокая комиссия из Москвы. За день только и известили. К полудню примчался в полк комдив, цэу давать. А комдив у нас в ту пору был – поискать. Статный мужчина, видный. Главное достоинство в нём было – голос. Голоса такого не слыхивал я более и не услышу до конца своих дней. Яблоки на землю, правда, не сыпались, но стёкла в штабе дрожали, это точно.

Повелел нам комдив в срочном порядке боксы в парке красить, всю ночь красить, чтобы к утру, к приезду комиссии, были как новые».

Но случилось так, что комиссия приехала за полночь в полк и отправилась к месту назначения через парк, а там, как раз Кибальников со своими бойцами боксы красит.

На вопрос подполковника из Москвы, почему люди ночью хозяйственными работами заняты? Николай ответил со всею прямоотой: «Выполняем приказ командира дивизии». Однако на этом он не остановился:

«– Я, товарищ подполковник, неоднократно докладывал рапортами по команде. Случаи такие у нас не единичные. Особенно перед проверками. Порой три ночи напролёт. Солдат месяцами увольнений не видит. А для чего? Порой за два года боец ни разу из оружия не выстрелит, ни одного марш-броска не совершит, противогаз надевает, как в школе учили...»

Николай болел за дело, потому всё по справедливости высказал в адрес своего комдива! И ответные действия обрушились на его голову незамедлительно:

«С той поры комдив прописался у нас в роте. Стал вроде бы заместо ротного старшины. И всё приговаривал:

– Порядок любите, товарищ старший лейтенант. Хорошо. Только где он, порядок ваш?! Где?!»

В речи Фёдорыча, рассказывающего эту историю, явное осуждение: он умышленно сравнивает командира дивизии с ротным старшиной, понижая высокий генеральский чин до звания прапорщика. С другой стороны, есть за что! Мечь начальства была беспощадна. В конце концов, дело дошло до драки, затеянной им с подчинённым, – и приобрела гласность. В результате: комдиву партийное взыскание, перевод на должность ниже, правда, в вышестоящий штаб, а Кибальникову – суд чести, где его «помолодили»: послали материалы на понижение в звании – с майорской должности на старшего лейтенанта:

«Он, сердешный, аж похудел. Но молчал. Не жаловался. Рапорта о смягчении не писал. Вину признавал. На словах, конечно. Так что характер показывал и теперь.

Все были на его стороне. И мы, и проверяющие, но что делать?»

Что делать? – ключевой вопрос в историях об армейском житье-бытье у Дмитрия Мизгулина. Как будто армия сама по себе, а люди в погонах к ней не причастны!

Получается, что мститель принципиального Кибальникова добился своего: разжалованному офицеру придётся начинать всё снова. Как не отчаяться, не порвать с армией, «ставшей ему и отцом, и матерью»?

Зло разрастается на наших глазах, нанося невосполнимый урон справедливости! Этому неприятному явлению в нашей жизни, впрочем, как всякой грязи, наплевать, как запачкается рука того, кто её кидает: намного важнее – попасть в того, в кого метят... Движение несправедливости, с каждой новой сценой в повествовании, вызывает напряжение и достигает такого эмоционального накала, что читатель вправе задать вопрос: «Ну, а дальше-то что?» У Дмитрия Мизгулина это настроение передаётся нам через слушателей, заинтересованных рассказом очевидца: «Фёдорыч замолкает. Вздыхает глубоко, наливает себе ещё. Выпивает. Закусывает. Снова вздыхает».

Именно таким образом у этого персонажа затаённые страдания души выходят наружу в виде житейских суждений о судьбе Николая Кибальникова:

«Вот она, справедливость-то, боком ему и вышла. Хотел, чтобы всё по уставу, по справедливости – получай <...> Никто ведь в его шкуре не оказывался. Для меня, к примеру, служба – что? Лямка. А для него – жизнь. Вот в чём разница. Но Кибальников держался. Не гнул. Не запил. Не сорвался ни разу...»

Фёдорыч как бы оправдывает себя в том, что на деле не поддержал своего командира: не хватило духа!

Здесь конфликт добра со злом разворачивается в виде войны человека с системой. Настоящая правда и сочувствие большинства – на стороне младшего офицера Кибальникова, но почему тогда он погибает в этой схватке, где всё несправедливое должно быть побеждённым? Потому что такова жизнь и стечение обстоятельств одновременно? Или лучшие всегда погибают первыми!?

«– А дальше? А дальше-то что? – спрашиваем мы нетерпеливо.

– А дальше? – Фёдорыч вдруг загрустил. Потянулся опять к бутылке, но, передумав, продолжил...»

Каждая сцена в рассказе является новым испытанием героя. Он смог преодолеть и эту невзгоду. Перед увольнением Кибальников отправился в отпуск в Ленинград.

«Вернулся весёлый такой, загорелый. Отошёл вроде бы немного. Всё шутил, как хорошо в Ленинграде, всё теперь есть: и невеста с квартирой, и работа».

Последнее испытание не заставляет себя ждать. В части случился пожар, и Николай Кибальников за какие-то мгновения, оценив обстановку, принял единственно правильное решение – бросился в пламя, спасая живое существо – пусть и бесполезного, полудохлого полкового мерина! Пиня, – так его ласково называли, укоротив ироничную кличку Пиночет, – сдохнет через две недели после своего спасения... Но кто же знал, что вороватый гэсэмщик, ка-

питан Митрохин, там, в конюшне, припрятал для продажи налево в значительной ёмкости бензин, который взорвался в самый неподходящий момент? Ещё одно предательство, как закономерный шаг после равнодушия большинства к трагедии члена коллектива, где по законам воинской службы каждый должен стоять друг за друга, как в бою. А иначе как?...

Так погиб самый совестливый, честный офицер советской армии... Что им двигало? Кураж, водка, зудёж по подвигу? Нет. Это был поступок человека, сильного духом. Такие в бою обычно и гибнут первыми, ибо не о себе думают, а о всеобщей цели... Именно таких изгоняют с военной службы приспособленцы и карьеристы, чтобы им не мешали наживаться! Если бы не гибель, трагедия героя бы продолжилась – как бы он жил без армии? Сиротствовал! Таким, как Николай, мало было служить честно, исполняя священный долг гражданина великой страны, им важно, чтобы и у других всё было согласно совести. Гибель офицера, спасавшего живую боевую силу, пусть и в виде полудохлого мерина, не просто несчастный случай – армейское головоутиение, а ещё и символ срывания масок – кто есть кто! Подобных митрохиных было немало в армейской среде, как блох на бродячей собаке. После случившегося тот офицер продолжает служить, на него не заведено никакого дела. Это деталь немаловажная, она характеризует моральное состояние той части, в которой служил Кибальников. Получается, что гибнет Николай от того, с чем боролся в армии, и для него это наиболее приемлемый выход – умереть на посту. Да и сама гибель из-за облезлого, беззубого коня символична. Ведь сдыхающее животное, в какой-то мере образ – Пиночета превратившийся в Пиню! Он – символ армии, умирающей из-за различного рода упырей. Выходит, что армия, за честь которой вступается и гибнет герой, не представляет собой уже бывшего единства силы и духа!

Для читателя напрашивается вывод: эту армию самому надо защищать! В этом и заключена главная трагедия

рассказа, приправленная житейским вопросом доморощенного философа Фёдоровича, обращённого к молодым лейтенантам: «Что важнее, ребята, характер или судьба?» Как будто одно не зависит от другого...

Автор пытается разобраться и в том, почему никто не поддержал Кибальникова?

Теоретически рассказчик был на стороне Кибальникова: по его рассуждениям выходит, что высшие понятия о совести, чести, общественном благе необходимы, но лишь в той среде, где их оценят:

«Я стою рядом, молчу вроде бы, а у самого сердечко ёкает, за Кольку то есть. Самому мне ну не то чтобы страшно, а боязно как-то. А ему – хоть бы хны. Это с виду, правда. А в душе что творится – поди разбери...»

Да, поступки Николая воскрешают веру в справедливость, но только кому оно нужно это воскресение? – примерно, так мыслит Фёдорыч – человек бывалый в армейской среде, много повидавший и сделавший соответствующие многострадальные выводы. И его мнение разделяло большинство.

«Правду кто же так вот режет? Правду-то, её обкатать надо сначала и преподать, преподнести, приукрасить, а не так, шмяк – как обухом по голове!»

У истории этой есть продолжение, вроде бы явно к ней и не относящиеся. Офицеры сидят за столом, работает телевизор, идёт передача о космосе. Разговор продолжается: «перешли шире – на космос, потом – о пространстве, о силах природы, в том числе о потусторонних, или, точнее говоря, неизведанных».

Сколь ничтожным на этом фоне кажется совсем негероическое поведение большинства людей в армии, допустившим трагедию, которая случилась с их товарищем по оружию... Поскольку, по-настоящему человеческая жизнь измеряется глобальными категориями: природой, звёздами, космосом.

В финале автор снова обращается к начальной теме:

«Мы молчим. За окном – ночь. Тишина, только звенят цикады. На чёрном небе сияют крупные спелые звёзды, и, кажется, протяни руку – и одна из них ляжет на твою ладонь».

Здесь читателю простор для воображения: ночь, цикады, звёзды и даже ладонь – не просто конкретные предметы или явления, а символическое подведение итогов жизни героя рассказа Фёдорыча, тайная печаль автора. Наверное, он задумался о том, что всё пройдёт на земле, а звёзды останутся. Возможно, человек, ушедший в ночь, как Николай Кибальников, поминаемый за столом, незримо присутствует среди этой компании?

Беззвучный диалог о жизни и смерти, как всегда заканчивается конфликтом вечного с конечным, и нам не дано до конца понять душу этой звёздной бесконечности, какой бы не была тяга человека к освобождению от своего суетного мировосприятия...

Прочитав рассказ, задумываешься: для чего-то всё-таки Природа отпустила нас на этот свет? Неужели для проверки каждой личности на пробу?

Практически уже отставник, Фёдорыч, рассказывая о судьбе Николая, невольно соизмеряет её со своей собственной, ведь и у него непростой характер. Чем же отличается Полторацкий от Кибальникова? И для чего рассказ о судьбе героя автор «поручил» Фёдорычу?

Сейчас, после трёх десятков лет службы, Фёдорыч – стреляный воробей. История жизни Фёдора Ивановича Полторацкого проста, как сермяжная правда служивого человека, не хватающего с неба звёзд, но и не плетущегося в последних рядах.

«А прослужил он в войсках без малого тридцать лет. Начинать солдатом, служил сверхсрочную, без всяких училищ, по его словам, с пулемётными курсами, дослужился до капитана. Пенсию он себе выслужил уже давно, да и все надбавки тоже. Сыновья у него были тоже офицеры, причём старший уже досрочно стал капитаном, чем отец очень гордился.

На пенсию Фёдорыча хотели спровадить давно, так как характер у него был не сахар, а терять было нечего, к тому же он постоянно ссылался на свои заслуги и года, причитая, что гоняют, мол, деда. Однако ходили слухи, что новый заместитель командующего сам когда-то начал у Фёдорыча службу солдатом, когда тот был ещё старшиной. Так или иначе, «деда» оставили в покое».

Но жизнь брала своё, и Фёдорыч решил, что этот год будет у него последним, документы на увольнение были уже оформлены, а жена Фёдорыча, бойкая Марина Ивановна, которую иначе как Мандаринкой и не называли, уже заказывала в гарнизонном магазине пустые коробки из-под печеня – для упаковки багажа.

Дмитрий заставляет своего рассказчика и его слушателей, (а вместе с ним и читателей), задуматься: будь Коля похитрей, он бы не показывал своего характера, где не надо и прожил, возможно, такую же жизнь, как Полторацкий. Имеет ли какое-то значение то, как проживает свою жизнь человек во вселенском смысле? А что тогда имеет значение? Этим, подразумеваемым вопросом и оканчивается рассказ, а смысл его продолжает доходить до нас, читателей, как свет далёкой звезды, давно прекратившей своё существование во Вселенной...

«ДРУЗЬЯ МОИ! ЧТО С ВАМИ НЫНЕ?»

Рассказ «Последние слова» сразу погружает читателя в повседневные дразги, типичные для многих военных организаций:

«Вопрос был старинный и надоевший: в дивизии никак не хотели увеличить лимиты горючего, а его хронически не хватало, так как на складах ГСМ у Тарасова всегда пас-

лось «экономное» дивизионное начальство. Тарасов постоянно ругался с командиром, грозил написать в Комитет народного контроля или в военную прокуратуру, уволиться со службы и так далее. Командир, в свою очередь, беспощадно материл капитана, грозил партийными взысканиями и тоже увольнением...»

О злоупотреблениях в армии Дмитрий знал не понаслышке. Недавно убедился в этом, наткнувшись на запись в «Ночнике II». Но здесь важна не сама суть экономического преступления, а как сам нарушитель-расхититель на протяжении ряда лет упивается собственным самоуважением. Не иначе от духовного родства с мстительным комдивом, что надломил военную косточку когда-то у капитана Кибальникова.

«В годы моей воинской службы я оказался откомандирован в Бакинскую гарнизонную прокуратуру. Дело было о хищении довольно крупных денежных средств на военной автобазе, где работало достаточно много гражданских лиц. Они назывались «служащие Советской Армии». В ходе следствия необходимо было сличить подписи на денежных документах и кассовых ордерах.

Каково же было моё удивление, когда один из фигурантов в разных местах подписывался по-разному, но подтвердил, что это его подписи.

Оказалось, что за пару лет он головокружительно рос по службе – был водителем, потом – механиком, потом – начальником смены. Естественно, подпись усложнялась, и раз за разом увеличивалось количество завитушек и ро-счерков. Человек реально ощущал себя начальником».¹⁰⁶

Но вернёмся к рассказу «Последние слова».

Разговор с командиром закончился тем, чем и всегда: составлением новой заявки:

¹⁰⁶ Мизгулин Д. А. Ночник. Публицистика / ред. Александр Смирнов. – СПб.: Второй Петербург, 2016. – С. 143.

«Вот тебе новые лимиты, Коля. Трудись и не забывай начальство...»

По сути, в этом рассказе поднимаются те же проблемы – казнокрадства, использование служебного положения, местничество... – всё, что медленно, но верно разрушало, разваливало и разъедало исподволь когда-то сильную, непобедимую военную машину. И кажется будто бы в дальнейшем, на этом будет построен весь рассказ, но Дмитрий считает, что уже достаточно сказано по этому поводу и переводит разговор на другие рельсы...

«Тарасов аккуратно сложил оба листка бумаги и встал.

– Разрешите идти?

– Валяй, – напутствовал его командир, но вдруг, вспомнив, начал копаться в бумагах на столе. – Подожди-ка, подожди...

Найдя нужное, он на секунду задумался и, протягивая помятый конверт с жирными штемпелями, как бы извиняясь, произнёс:

– Тут вот письмо пришло Титову... Наверное, из дома... Куда его теперь? Замполит у меня в отпуске, а вы вроде как дружили...»

Действительно, Титов был другом Тарасова, которого уже как два месяца не было в живых. Он погиб в Афганистане: авиокатастрофа, разбился транспортный вертолёт...

Машинально взяв письмо, сам Тарасов ещё не осознавал значимость этого послания к мёртвому товарищу. Весь день у него прошёл в суете: приехав в штаб дивизии, «целый день таскался там по разным кабинетам». Несмотря на суматоху, однако, он всё время помнил о помятом конверте, который лежал в портфеле вместе с бумагами... Но только вернувшись домой и поставив на плиту чайник, смог достать письмо и заняться его содержанием...

У автора неоднократно в разных вариантах упоминается о письме к его другу: «помятый конверт с жирными штемпелями»; «тут вот письмо пришло Титову...»; «Тарасов нерешительно взял конверт»; «он ни на мину-

ту не забывал о помятом конверте»; «достал из вороха бумаг письмо».

Конечно, это неспроста, поскольку после завязки – сцены капитана Тарасова с командиром полка, – письмо выступает в качестве сюжетобразующего элемента в истории взаимоотношений погибшего Титова с его бывшей супругой Ольгой. Этот образ навязчиво свербит в голове героя рассказа. Задумаемся: что значит письмо оттуда, с большой земли, из мирной жизни? Для адресата – долгожданная весточка о семье, а для его товарища, капитана Тарасова – чужой мир, в который-то не очень хотелось совать свой нос...

В начале рассказа упоминается о том, что

«Титов был женат, но жена, как часто бывает, не спешила переезжать, жила пока с родителями в Ленинграде – с той самой поры, как Титова перевели сюда из Венгрии. Это ни у кого не вызывало удивления, потому что в кочевой офицерской жизни неустроенность на новом месте – постоянное явление. И Титов не торопил супругу с переездом, не хотел тащить её за собой Бог весть куда...»

Результат не замедлил сказаться: молодая супруга нашла другого и бросила прежнего мужа... По сути, банальная история... Чего только не бывает в жизни? И виноватых вроде здесь нет. И всё же Ольга осуждает себя, – об этом Тарасов узнал из содержания её письма:

«Я одна виновата во всём, но что же поделать, если в жизни всё устроено не так, как нам хотелось...»

Не прямо, но косвенно из этих строк подразумевается неустроенность военной жизни, которую отвергает жена – ленинградка, особенно после заграничной жизни... Конечно, азиатская степь – не Европа, пусть и Восточная... Понятие супружеского долга извратило перестроечное время. Невольно напрашивается сравнение с пушкинской «Капитанской дочкой»: там супруги Мироновы, куда бы их не забросила судьба, везде будут себя чувствовать счастливо. Важная заслуга в устройстве семейного гнёздышка и «по-

годы» в доме принадлежит женщине. Если она – любящая жена и мать, что ей такие преграды, как бесконечные переезды, однообразие армейских буден. Для супружеской пары, живущей в согласии, это не испытание, а преодоление трудностей! И кто виноват в том, «всё устроено не так, как нам хотелось...»?

Кажется, здесь и конфликта явного не обнаруживается... Но почему эта обычная история трогает читательскую душу? Наверное, заключительная часть рассказа настраивает на серьёзные размышления, которые захватывают своим глубинным проникновением в суть дела...

Тарасова, как друга погибшего, взволновало письмо его бывшей жены, ибо он знал: расставание с нею стало во многом причиной той роковой командировки офицера Титова, нелепо оборвавшего его жизнь в горячей точке. «Что ей ещё надо?» – очевидно, промелькнуло у него в голове, когда он взял в руки этот злополучный конверт. Автор об этом не пишет, но мы подразумеваем настроение героя из его размышлений-сомнений:

«За окном уже стемнело, а Тарасов всё не решался взять в руки помятый конверт. Письмо было от жены Титова – обратный адрес и почерк Тарасову были знакомы. Что делать с этим письмом? Может, отослать обратно? Просто сунуть в конверт, написать адрес. Или приписать несколько строк. Но о чём? Расстались они уже месяца три тому назад, развелись официально, может быть, ей и не сообщили о смерти Титова?»

Итак, письмо – своеобразный лейтмотив рассказа. Обратим внимание на примечательную деталь, что в повествовании повторяется дважды – помятый конверт. Это не просто так, а имеет свой смысл: «помятая» судьбой жизнь, отношение пишущей дамочки к адресату, наверняка мялась: посылать – не посылать? Важно и то, что письмо, хоть дошло до места назначения, но не стало последним болезненным уколом капитану Титову, Господь распорядился иначе... Стоит ли писать ответ женщине, разведён-

ной с другом, которого уже нет в живых, есть ли в этом какой-либо здравый смысл? Дмитрий приглашает вместе с героем своих читателей ответить на этот вопрос...

Вспоминается почему-то популярное в годы Великой Отечественной войны стихотворение Константина Симонова. Оно имеет два адресата – общий и конкретный. Первый – «Открытое письмо (1943)», второй – «Женщине из города Вичуга».

Тон послания полон презрения, это чувствуется уже по начальным строкам:

Я вас обязан известить,
Что не дошло до адресата
Письмо, что в ящик опустить
Не постыдились вы когда-то...

Затем Константин Симонов окончательно пригвозждает женщину-изменницу к позорному столбу:

А бывший муж ваш – он убит.
Всё хорошо. Живите с новым.
Уж мёртвый вас не оскорбит
В письме давно ненужным словом.

В рассказе Мизгулина письмо, выражающее сожаление о прекращении отношений, подтверждающее разрыв, лишь умножает боль и убивает надежду... Оно, так и недошедшее к живому Титову, как будто ещё раз выстрелило по тому вертолёту, где находился капитан в афганском небе...

Письмо – не столько свидетель расставания, несбывшихся надежд, сколько символ оборванных человеческих связей... навсегда! Мысль эту подтверждает уже другое, не написанное письмо к самому Тарасову. Он вспоминает сцену прощания с Титовым, его последние слова: «Я напишу...» Желание друга оказалось неисполнимым из-за

трагических обстоятельств. Последние слова капитана беспощадно напоминают читателям о войне, где гибнут люди, даже не совершая героических поступков... Такова уж правда любой войны! Люди нелепо гибнут – и что тут поделаться? – война...

«Я напишу...» – надежда на будущую встречу, непрерывность общения. Но война – это только одна из трагических причин разрыва человеческих отношений. В мирное время разлад между некогда любящими сердцами тоже подобен войне, ибо убивает.

Героя, невольно вписавшегося в круг абсурдности человеческих потуг, удивляет бессмысленная повторяемость череды событий в гражданской жизни и на службе: ничего не меняется в жизни человечества – одно и то же замкнутое кольцо встреч, расставаний, желаний, которые не сбываются:

«Кому теперь нужно это письмо? Эти последние слова? Мы все торопимся, все надеемся на лучшее, верим, что скоро наступит настоящая жизнь, вот-вот она начнётся – с новым днём, с новой встречей, с новой любовью, а оказывается – всё не так» – такова философская развязка, которую оттеняет пейзаж, – по сути, тоже немаловажная деталь:

«Тарасов аккуратно сложил письмо, положил его в конверт и повернулся к открытому окну. Оно выходило прямо на шоссе, за которым высились зубчатые силуэты гор...

Ночь была темна и освещалась лишь несколькими мерцающими фонарями да тусклой луной. Знойный ночной ветер не набрал пока силы и ещё как бы в шутку, не серьёзно взметал пыль и ворошил сухие листья, едва шевелил кронами пришибленных сосен, скрипел плохо прикрытыми дверями, качал фонари, разбрасывая тут и там блики жёлтого света...»

Письмо «предваряет» пейзаж случайно – его содержание оказывает влияние на восприятие картины за окном. Темнота на первом плане, мерцающие фонари

и тусклая луна – на втором. Сухие листья, да пришибленные сосны дополняют нерадостную картину природы. На этой трагической ноте должен закончиться рассказ, но Дмитрию важно «завершить» судьбу письма:

«Тарасов разорвал письмо тщательно, как можно мельче, и бросил обрывки в окно. Ветер подхватил их, подкинул, и они, вырванные из дрожащего круга фонарного света, закружившись, завертевшись, разлетелись и навсегда скрылись из виду; лишь один клочок задержался было на стекле, но через мгновение и он, подхваченный мощным незримым потоком, исчез в ночи. Тарасов погасил свет и долго ещё курил в темноте».

Теперь финальная точка поставлена! Вечность бесследно поглотила ещё одну трагическую историю. Эта загадка конечности человеческого бытия ещё ждёт своего осмысления. Конфликт рассказа в столкновении того, о чём предполагает человек, с тем, что приготовила ему судьба.

Неслучайно в рассказе «Характер» предлагается ответить на вопрос что важнее – характер или судьба? Там тоже венчает повествование заоконный ночной пейзаж. Ночь в армейских рассказах Мизгулина постоянная гостья. Игра света, блики – это не про солнечный день, а всё про ту же темноту.

В рассказе «Три встречи» ночь на пассажирском пароме описывается скупо и без какого-либо оптимизма:

«Я молчал и смотрел вниз, опершись на перила. Свет иллюминаторов очерчивал лишь небольшое пространство воды, а за этой чертой вода, море и небо сливались, и ночь стояла беспросветной чёрной стеной».

Складывается такое ощущение, будто автор пытается найти выход из беспросветного тупика...

Армейская служба Дмитрия не была насыщена внешними яркими событиями: он не принимал участия в боях, военных стычках... Служил себе тихо-мирно – и даже буднично. Заведя финансовой частью полка, Дмитрий находил

время для поэзии: опубликовал стихотворение «Ополчение» в седьмом номере 1985 года журнала «Литературный Азербайджан». В последнем номере уходящего 1986 года журнала «Звезда» вышла подборка стихотворений. Так увлечённость литературой помогла преодолеть эту «несобытийность» и возвела отдельные случаи жизни в ранг художественного изображения действительности, где, не сгущая краски, автор поведал нам о многом интересном: о том, например, как сильное, лучшее борется с ничтожным и зловещим и при этом не всегда побеждает... Но сам Дмитрий не выносит явного приговора действительности – что случилось, то случилось! – он не в праве миловать или карать.

Его армейская проза была серьёзной пробой пера, хотя в ней, безусловно, можно найти кое-где шероховатости – совершенству нет предела! Одно с уверенностью можно утверждать: здесь, как и в поэзии, автор добился несомненных успехов!

Замечательно и то, что автор не порывает с классической русской литературной традицией и в художественном отношении, и в тематическом плане. Надо отдать должное смелости: писать об армии в негативном ключе и надеяться, что кто-то это опубликует, было наивно. Но правда всегда важнее вымысла! Выход же из тупика, в который было загнано наше воинство, автор видел в отдельных личностях, которые ценой своих поражений готовы были бороться с прогнившей армейской системой. Разные люди ему встречались во время службы, и многих из них он невольно сравнивал с теми, кто встречались ему в книгах. Об одном из этих героев мы уже упоминали – Бестужев-Марлинский. Ему в 1985 году Мизгулин посвятил стихотворение в 2-х частях. Оно как нельзя точно передаёт мысли и чувства поэта о личности «с душой, летящей к небесам» и её роли в истории:

Друзья мои! Что с вами ныне?
Кого из вас судьба хранит?
Один томится на чужбине.
Другой – в тюрьме. А ты – убит!
Ах, Пушкин, Пушкин... Нет, не жалость –
Наш скорбный путь лежит во мгле
Но неужели не осталось
Сердец достойных на земле?
И офицерам, и поэтам
Давно пора понять, друзья,
В несовершенном мире этом
С душой открытой жить нельзя.
Нельзя? Нельзя! Но, Боже правый,
Как быть тебе, когда ты сам
Рождён для подвига и славы
С душой, летящей к небесам?!

Белеет саван пенных кружев,
И вал за валом катит вал.
Опальный прапорщик Бестужев
В десанте без вести пропал.
Что в жизни скорбной и постылой
Решит последний спор с судьбой?
И ни креста, и ни могилы,
А только пенится прибой...
И в море зыбком, там, далеко,
Так неподкупно и светло
Белеет парус одиноко,
Как лебединое крыло...

Глава 5.

«ЖИВЯ
В ЭПОХУ
ПЕРЕМЕН...»ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ИНСТИТУТ,
ИЛИ ГОРЬКИЙ
ПРОТИВ ГОРЬКОГО

«В одну из московских встреч, 1986 году, Пётр,¹⁰⁷ как всегда категорично, посоветовал мне поступать в Литературный институт. Творческий конкурс – чуть ли не двести человек на место – я успешно прошёл, потом сдал и экзамены».¹⁰⁸

107 Речь идёт о старшем друге Д. Мизгулина Петре Васильевиче Кириченко.

108 Мизгулин Д. А. Как провозжают самолёты. Избранные сочинения. – М., 2006. – С. 372-384.

Поступить в единственный литературный институт им. А. М. Горького Дмитрию удалось, хотя к этому времени у него не вышло в печати ни одной книжки, но талант, слава Богу, разглядели! Это был 1987 год – разгар начавшейся перестройки, когда «общественно-политическая жизнь в Москве начинала понемногу закипать – крышка на кастрюле пока ещё не подпрыгивала, пар не клубился, но движение везде, особенно в литературных кругах, чувствовалось».¹⁰⁹

Поэзия, проза и, особенно, публицистика в этот период не только оживились, но и стали меняться. Очевидно, литература почувствовала прилив свежих сил из-за вольного ветра: стало явью ранее невозможное. Многие крамольные произведения былых лет получили прописку в толстых литературных журналах. Порою дело было даже в не художественном качестве этих работ, а их направленности против партийности искусства в СССР.

Началось время горячих споров. В литинституте среди студентов возникали вопросы о наиболее эффективном отражении действительности в литературе. Постоянно шло обсуждение художественных взглядов на искусство. Изменилось отношение к определённым жанрам: тогда ещё читающая страна заинтересовалась историей, политикой, экономикой. В Москве, Ленинграде и других крупных городах возникали стихийные митинги. Учёба проходила на фоне острой нужды в правдивом слове. Студенческие разговоры за полночь о творчестве обычно заканчивались громогласным пением. Однокашник по институту, поэт Александр Росков, обращаясь к Дмитрию, вспоминал:

А припомни-ка Литинститут,
нашу комнату в шумной общаге,
сколько славных часов и минут
вместе прожито, водки – не браги

109 Там же. – С. 379.

сколько выпито, пели мы как про коня при лужке, «ой, не вечер», «там, вдали за рекой»... Было так хорошо и тепло. Наши встречи прекратились, как только диплом нам вручили, точнее – дипломы. И теперь мы отдельно поём про коня при лужке...

Писательская братия тогда переживала смуту. В результате взаимных склок творческий союз распался на несколько группировок, назвавших себя по прежнему писательскими союзами. Враждебные друг к другу, они сходились в одном: смысл своего существования им виделся в поддержке нового этапа экономического и культурного развития.

А споры продолжались...

Съезжавшиеся на сессии, повидавшие жизнь с изнанки, студенты-заочники, делились между собой последними новостями в литературном мире, характеризуя положение дел в своих регионах.

Больше всего разговоров велось о русской истории. Всё стало переосмысливаться: факты из истории Великой Отечественной войны, «враги народа», образ Сталина. Пересматривались и плоды революции, её деятелей в свете разоблачительных публикаций. Открывались ужасы ГУЛАГА, ложь, лицемерие и патологическая жестокость тех, кто хотел насильно осчастливить народы России. Советская идеология сдавала одну за другой позиции – и в результате появлялось немало мыслительных фантомов. Разные были настроения. Кто-то колебался: «за» октябрьский переворот или «против»; кто-то сомневался: а, может быть, и нужна была революция, да вот только не туда свернули; кто-то предчувствовал наступающий затяжной духовный кризис в стране, поскольку экономический обвал не способствовал творческой мысли и вдохновению. Были и те, кто пытался скрестить либеральную и национальную идеи; кто-то уповал только на одну ре-

лигию, а кто-то считал, что «заграница нам поможет!» и предлагал скопировать на скорую руку западные идеологические завоевания и править их по ходу возрастания проблем... Старая гвардия и либеральная общественность переругивались между собой в журналах и на различных тусовках.

Писателей, конечно, волновала не только судьба Отечества, но и литературы. Всплывали старые вопросы, задаваемые умами ещё в начале XIX века о народности и личности, о том, какой должна быть русская словесность? Все, как когда-то в полемике между самыми значимыми литературными обществами – «Беседой любителей русского слова» и «Арзамасом». Вспомнили западников и славянофилов, в частности А. С. Хомякова¹¹⁰, кто прозорливо указал на губительность разрыва между народным началом и интеллигенцией, всё более и более увлекающейся иноземным. Его размышления о том, что система просвещения, привнесённая извне, приносила с собой умственные плоды в гордости, пренебрегала всем родным, в 1990-е годы были как нельзя кстати.

Постепенно понятие о полемике двух общественно-политических группировок, относящихся к 1840–1850-м годам, в пылу споров стало распространяться и на последующие годы. Основания для споров

110 Хомяков А. С. – Алексей Степанович Хомяков (1804–1860) – русский поэт, художник и публицист, богослов, философ, основоположник раннего славянофильства. Член-корреспондент Петербургской Академии наук (1856).

Александр
Петрович Межиров
(1923–2009) –
русский советский
поэт и переводчик,
руководитель
поэтических
семинаров
в Литинституте.

X V X

ме

в виде и Сталин,
по фидел миде
аллеми
это, следно и сегодно,
выступил ил и сажелен
яе, выишего формо
кучише иорсваеф.

были: если же заглянуть в прошлое, то в зависимость от западных идей и вкусов русская культура попала ещё в XVIII веке. Мы были не просто учениками у Европы, а прилежными и старательными дарованиями за своими школьными партами, потому что успешно освоили двухвековой художественный и философский опыт разных европейских стран, переняв его и создав свою оригинальную литературу. Хотя – чего уж скрывать! – некоторые западные идейки глубоко застряли в наших мозгах.

В «Избранные сочинения» Дмитрия Мизгулина были включены несколько литературно-критических статей, «заметок» (как он сам выразился). До этого, они успели выйти маленькой книжицей по объёму, но не по содержанию. Среди них, – касающиеся полемики осмысления русской литературы – статьи о творчестве Н. С. Лескова («Два рассказа на один сюжет»), А. С. Хомякова («Предсказатель»), Ф. И. Тютчева («Политическая лирика Ф. И. Тютчева»), Максима Горького («Очень своевременная книга»), Владимира Маяковского («Трибун серебряного века»), а также публицистические материалы «Парадоксы Бердяева», «Вначале было слово» и другие.¹¹¹

Все они невелики по объёму, едины по своей направленности, идейному содержанию и пафосу. В них раскрывалась ещё одна грань таланта Дмитрия Александровича – умение анализировать дух, идейно-философские установки эпохи и художественные произведения, отражающие её; глубокое и самостоятельное прочтение философских произведений, смелое обобщение социально-исторических тенденций и литературных фактов.

Одна из статей Мизгулина «Предсказатель», написанная в 1990 году, отражала как горячность мнений, так

и позицию самого поэта, рождённую в словесных баталиях в писательской среде. Мизгулин называет Хомякова предсказателем будущего русской литературы, как литературы народной. Он (Хомяков) почувствовал невозможность существования «её как достояния постепенно вырождающейся аристократии и дегенерирующего интеллигентского быдла».¹¹² Далее эта мысль развивается следующим образом: восхваление инородных традиций и духовных начал приводит к тому, что против настоящих писателей была развязана травля (например, против Н. С. Лескова); уничтожалась русская критика, зато:

*«Полупьяные челкаши, воры, проститутки, дегенераты из ночлежек стали «яркими» представителями народа, положительными героями».*¹¹³

Статью автор завершает блестящим финалом:

«Россию погубила борьба классов, но не по Марксу, а по Хомякову. Поэтому не парадокс, что “белую гвардию” возглавили генералы: потомок сибирских казаков Л. Г. Корнилов, внук крепостного А. И. Деникин, солдатский сын М. В. Алексеев.

*А по петроградским улицам в феврале гордо шествовал князь Кирилл, троюродный брат императора, с алым бантом революции на груди».*¹¹⁴

Спорит Мизгулин и с «разрешённым» эмигрантом – необыкновенно популярным в те годы, крупным философом Николаем Бердяевым, его взглядами, изложенными в трудах «Судьба России», «Истоки и смысл русского коммунизма», «Русская идея».¹¹⁵

111 Все эти статьи были задуманы и написаны во время учёбы Д. А. Мизгулина в литинституте – в период с 1989 по 1992 гг. – и впервые вышли отдельным изданием «В зеркале» минувшего» СПб., 1997.

112 Мизгулин Д. А. Предсказатель. Избранные сочинения. – М., 2006. – С. 314.

113 Предсказатель. Там же. – С. 317.

114 Там же. – С. 319.

115 Мизгулин Д. А. Парадоксы Бердяева. – С. 336.

Спор ведётся с позиций христианского поэта с философом, тоже христианином. Последний строит свои исследования на дуализме русского характера, русской души, – как будто душа немца или австралийца не знает никаких противоречий. Дмитрий считает теоретическую основу Бердяева ошибочной:

*«Тезис борьбы Востока и Запада, Рима и Византии – справедлив, но далеко не во всё. Правильнее было бы ставить вопрос так: борьба национального, народного начала в жизни с иноземным, то есть противостояние этносов, культур, религиозных типов, мышления. Именно между двумя лагерями – западниками и славянофилами – и велась идейная борьба».*¹¹⁶

Мизгулин убеждает читателя конкретными примерами:

*«Не случайно вслед за хулой России и её народа следовала и измена вере – вспомним Чаадаева, Лунина, Печорина, автора блистательных строк: «Как сладостно Отчизну ненавидеть и жадно ждать её уничтоженья», ставшего впоследствии католическим монахом».*¹¹⁷

Дав несколько развёрнутых портретов славянофилов и западников – круг их ин-

тересов, характерных качеств, описав род занятий и идейных устремлений, Мизгулин обнажает суть их разногласий и даёт понять, кем, действительно, был заложен заряд разрушения. Именно западники с их иноземным сознанием, атеизмом прониклись утопическими идейками, став «вечно юными» мечтателями, расшатывающими основы русского государства, соблазняя своих соотечественников молочными реками с кисельными берегами. Они – интеллигенты, зачатые в масонских ложах, ставшие гражданами Вселенной, любящие человечество и ненавидящими своё Отечество. Но Николай Бердяев, по мнению поэта, вопреки логике заявляет, что революция – именно русская идея:

«Революцию породили на Руси западники. Они продолжили дело сатаны, дело разрушителя <...> Результат “западничества” мыслящей России привёл к такому опустошению в Отечестве, как если бы оно “подверглось иноземному завоеванию”. Хронология “войн” интеллигенции, по Федотову, такова:

*До 1825 г. – с царём против народа;
1825–1881 гг. – против царя и народа;
1905–1917 гг. – с народом против царя;
с 1917 – опять с царём против народа.*

*В наши дни можно продолжить перечень: 1990 г. – с народом против царя, где-то с 1993 г. – с новым царём против народа».*¹¹⁸

Перечисляя западников, только уже называемых советскими писателями, Мизгулин в статьях «Трибун Серебряного века», «Вначале было слово» называет тех, кто жаждал «очистительного огня» для своей родины, был её ненавистником: В. Маяковского, Н. Клюева, К. Бальмонта, А. Н. Толстого.

116 Там же. – С. 336.

117 Там же. – С. 336.

118 Там же. – С. 339.

Не лучше хрестоматийных классиков были, по его мнению, и другие «раскрученные» советской пропагандой имена. Их вознесли до небес. Тогда страна строящегося социализма стала издавать огромными тиражами дешёвые поэтические сборники кандидатов в «классики». Требования к их творчеству были просты. Будущий мэтр должен был писать ясно и просто, чтобы широкие массы могли воспринимать адекватно его поэзию без какого-либо недопустимого для «верхов» контекста. Главным условием для последующих награждений являлось восхваление существующего строя и восторженная оценка действий власти. И, наконец, к последнему пункту выдвижения в классики можно было отнести наличие литературного таланта. Издавали тогда с оглядкой на партийное руководство, а не на свой страх и риск. Так навязывался советским читателям определённый образ писателя.

Ангажированные критики и литературоведы также вносили свою лепту в прославление будущего «классика». Везде и всюду озвучивать одни и те же имена со знаком «плюс» – это стало для литературной критики в СССР нормой за редким исключением. Эта уродливая позиция, якобы повышающая культуру народных масс, на самом деле губила и талантливых авторов, и вкус самих читателей. Их творчество лишалось объективной оценки, не давая пробиться к читателю. Зато на многообещающий гонорар слетались мастера «советских биографий», внушавших народу: герой, о котором они слагают свои «были», выходец из простой среды, и уже одним этим можно гордиться! Так «кандидат в классики» становился известным всей стране. Завершало конструирование образа проведение всевозможных юбилеев с сопутствующими речами и докладами. В 1980-е всё это по-прежнему было неотъемлемой частью в прославлении мэтров от литературы.

Именно поэтому Мизгулин говорил о необходимости изменения дел в литературном мире:

*«Советская литература действительно никому не нужна уже сегодня. Никому не нужны многотысячные тиражи нудных певцов трудовых будней рабочего класса и трубадуров успешного развития нового социалистического характера. Она уже умирает, и видные представители течений как правых, так и левых, агонизируя и подчас не понимая происходящего, ведут ещё вялые арьергардные бои».*¹¹⁹

По мысли автора, все лучшее, что появлялось в печати за годы советской власти, не принадлежит советскому творческому наследию, а только русской литературе, не благодаря, а вопреки сложившейся системе:

*«А русская литература будет жить. Будет жить и русское слово. Оно будет тихим и проникновенным. Оно будет для немногих».*¹²⁰

Утверждая в последней статье, что «в советской литературе нет духа» и нет «тайны слова», Дмитрий имел в виду прежде всего писателей, призывающих к уничтожению православной России. Ещё столетие назад русские читатели были другими: мир осмыслялся с христианских позиций, и они предпочитали произведения русской классики. Большинство книг, созданных в эпоху социализма с их идеей непримиримой классово-борьбы, вдумчивый читатель отрицал, но вступавшие в жизнь новые поколения восхищались Владимиром Маяковским и писательской братией, принявшей новую идеологию.

В ту пору, когда Дмитрий писал свою статью о соцреализме, он в запале не учёл подсознательного проникновения в отечественную словесность общекультурных тем, символов, сюжетов и образов, связанных с традициями

119 Мизгулин Д. А. Вначале было слово. Избранные сочинения. – М., 2006. – С. 371.
120 Там же. – С. 317.

прошлых веков. Даже жанр пасхального или рождественского рассказа, запрещённого цензурой, существовал в советской литературе.

Вообще, удивительное дело – движение идей! В СССР, где религия была гонима, а идеология компартии пронизывала, буквально, всё общество, не позволяя никакого свободомыслия, всё-таки существовала литература, где герои, не упоминая Господа всуе, вели себя по-христиански. Такие понятия, как честь, совесть, правдивость, трудолюбие не связывались ими с повесткой дня на партийном или комсомольском собрании. Они просто жили. Таковы Андрей Соколов из рассказа «Судьба человека» М. Шолохова, Юрий Керженцев из повести В. Некрасова «В окопах Сталинграда», Иван Дрынов из повести «Привычное дело» В. Белова, Матрёна из рассказа А. Солженицына «Матрёнин двор». Этот список можно продолжать довольно-таки долго, ибо была у нас искренняя и честная художественная словесность... Как ни сбрасывали старую литературу с корабля современности, так её и не сбросили. И не только литературу прошлого не смогли до конца изъять...

Истинное творчество всегда выше любой политики. И в этом смысле Дмитрий Мизгулин был прав в своей статье о советской литературе. Прав и в том, что общество 1990-х нуждалось в новой концепции развития отечественной словесности. Для этого надо было взять её лучшие образцы и, отталкиваясь от них, пойти вперёд!

Кроме того, личных претензий у Мизгулина к литературным собратьям было немало. Ему довольно досталось от вчерашних советских «мэтров». Он хорошо помнил, как совсем недавно, в результате интриг его пытались не пускать в «большую литературу», бойкотировали его стихи для дальнейшего продвижения в печати, строили препоны для вступления в Союз писателей России. А сколько трафаретных и откровенно пустых рецензий получал поэт в ответ на посланные стихи в издательства и редакции!

И вот опять – долой, долой!
И снова – мелочные склоки.
Кому скажи, о Боже мой,
Нужны истории уроки?¹²¹

Когда после литвуза Дмитрий пришёл в родную писательскую организацию в Петербурге, где прошла его молодость, на секции поэзии, возглавлявшие её мэтры, те, которые «стихи писали километрами...», усомнились: а закончили ли на самом деле литературный институт, представший перед ними молодой человек? Не только его одного тогда поразил низкий уровень диалога с молодыми дарованиями. Бывшие воспитанники поэтической школы Натальи Грудиной привыкли к тому, что к ним всегда проявлялось уважительное, деликатное отношение. И споры там были иного содержания: например, поэтами рождаются или становятся? Но всегда побеждало творческое единомыслие. Там всегда царил единство творческих личностей.

Если бы это было не так, то вряд ли первая книжка стихов «Петербургская вьюга» всего-то в шестьдесят страниц оказалась крепко скроенной и насыщенной. Кому-то, возможно, показалось явным перебором запредельное количество стихотворений в первом поэтическом сборнике – свыше восьми десятков «убористо» идущих друг за другом!

*Но можно в бумажку вернуть
на доске и новой и фойе в,
вступило среди пегале...
и вот пометил
не шале
и вот берю и вот послушал
в некое
такое какое слово равно...
вот же, ну не все ли равно?
вот же свой... ах вот
некоторые
якобы сам до ширини они
и вот
до впрочем, но все ли равно?
и пошла
мелочливая?
вот же и впрочем?
и вот же, и пошлите
самого гра...*

Первая книга стихов
Д. Мизгулина
«Петербургская вьюга».

121 Там же. – С. 119.

Охаивание советской литературы, которое началось с 1990-х годов, было таковым, что вместе с водой, как говорится, выплеснули и ребёнка. Зато ниспровергатели основ советского образа жизни, отрицатели советской системы, её вожди, носители свободного слова, вдруг странно стали меняться. Ценности, проповедуемые ими, обернулись не той стороной. Например, то, что раньше считалось спекуляцией, стало коммерцией. Торговать стало можно всем, даже Родиной! А любовь к ней в средствах массовой информации стала подвергаться поруганию: «страна дураков»!

Появились иные «положительные» герои – «новые русские», жулики, бандиты, киллеры, проститутки.

Многие из граждан оказались тогда разделёнными, им пришлось вынужденно существовать без родины. Начался процесс нравственного одичания, и Дмитрий начинает фиксировать его, как явление чужеродное для нации, в своих трагических поэтических строках. Он видит: подобная литературная раскованность ведёт к снятию всяких нравственных табу: в художественных произведениях начнут процветать мат – к месту и вовсе не к месту, а также эротика, физиология...

В моде стало искусство авангарда, постмодернизма, а реалистическая литература, – если только она не ругала нашу страну («совок», «страна дураков») и её политических деятелей, – была не интересна. Тем, кто остался приверженцем этого метода, пришлось несладко. Издатели не испытывали восторга к рукописям малоизвестных авторов, работавших в прежней манере, коль они не занимают очернительством кого-либо или чего-либо. Сама профессия писателя, некогда престижная и уважаемая, теперь не только потеряла былую привлекательность, но и стала для писателей чуть ли не проклятием. Надо было на стороне иметь уже не приработок, а заработок! Многие талантливые люди впадали в уныние, утратив веру в собственные силы.

А писатели из демократического лагеря подливали масла в огонь. На страницах ведущей писательской газеты Виктор Ерофеев в 1990 году злорадно утверждал: писательству советской эпохи пришёл конец! На почту редакции по поводу его статьи «Поминки по советской литературе»¹²² пришло более двух сотен возмущённых откликов. Назвав литературу советского общества идеологическим покойником, критик намекнул: если в стране нет свободы слова, то русской литературе остаётся только одно будущее – её прошлое. По его мнению, в советский период доживали, либо прозябали многие талантливые писатели, ради выживания им приходилось идти на компромиссы, на диктат социального заказа. Да, безусловно, во многом он был прав, но не во всём...

С мнением Ерофеева можно было согласиться в том, что деревенская литература добилась многого в лице Астафьева, Белова и Распутина и могла существовать в известной мере самостоятельно, исповедуя патриотизм (правда, Шукшин с его чудаковатыми мужиками почему-то оказался за бортом поля зрения критика новой формации).

С особой горечью Виктор Ерофеев отозвался о судьбе такого литературного пласта, как либеральная словесность, поскольку с наступлением гласности она приказала долго жить, унеся с собой в небытие многолетние труды оппозиционных писателей.

Досталось, прежде всего, известному художественному методу. Соцреализм заклеями позором: это – «культурная эманация тоталитаризма», это – «бешенство литературы в замкнутом пространстве», это – «садомазохистский комплекс писателя-атеиста, продающего душу, в существование которой он не верит». Сама же литература, созданная при помощи этого метода, получила название «тухлянд-

122 Ерофеев Вик. «Поминки по советской литературе». – ЛГ., № 27, 1990.

ская», исходя из авторского определения страны Советов, как «Тухляндии».

Да, личность в произведениях соцреализма часто сводилась к социальной функции, в них отсутствовал метафизический горизонт – не было одухотворённого бытия. Но откуда он возьмётся? – ведь марксисты были материалистами, отрицающими духовное начало! Требование «правдиво изображать жизнь в её революционном развитии» превращалось в противоположность – писать о том, что должно быть, а не о том, что есть на самом деле. Исключений немного, среди них художественно совершенное произведение соцреализма, по мнению литературоведов, книга про бойца – «Василия Тёркина». Однако авторы популярного учебного пособия признают: «И всё же соцреализм оказался весьма живучим явлением.¹²³ Видимо, феномен социалистического реализма не так прост и однозначен, как полагали критики.¹²⁴

Теперь о соцреализме написано более объективно. И что важно, далеко не всё, что выходило в печать, можно отнести к этому методу – сосуществование в первой трети XX века различных направлений и течений, их взаимодействии не прошло даром для литературы СССР.

Разумеется, что советская словесность кроилась по ложным лекалам, но некоторые либеральные читатели в своём негодовании пошли дальше: не должны гражданский долг и патриотические идеи занимать главенствующее место в творчестве вообще! Всё остальное, похоже, новых критиков уже и не интересовало... Кто не подчинялся новым «партийным» установкам, должен был «соблаговолить» получить в морду! Так когда-то Владимир Маяков-

ский предполагал расправляться с теми, кто не воспринимал его поэзию.

И вот начались «разоблачения» уже не политиков, а писателей, создателей классической литературы XX столетия. Один из характерных примеров – нападение на творчество нобелевского лауреата Михаила Шолохова. Это произошло через год после публикации статьи Виктора Ерофеева. В той же «Литературной газете» Евгений Евтушенко в материале «Фехтование с навозной кучей»¹²⁵ посчитает хорошим тоном критически пройти по личности этого всеми признанного классика. Поэт-критик утверждал: Шолоховых было двое – один уникальный художник, а другой – хитренький, недобрый маленький человечешко. Вот, поди ж, докажи, что ты не верблюд!

Как не оставляли в покое писателя рапповцы в начале 1930-х, подвергая сомнению его коммунистическую убеждённость, так и в 1990-х годах посыпались на него уже «демократические» обвинения, – на сей раз в излишней «партийности».

Молодая смена, в том числе, и заочники литературного института облегчённо вздохнули: наконец-то, художественная словесность станет свободной от всяких предрассудков, а официозная навсегда канет в Лету! Какой простор для творчества и успешного исполнения всех задуманных планов!

Опытные в мастерстве и поднаторевшие в жизни «старики» возражали молодёжи: пожалуй, верно, что государственный соцреализм использовал писателей, как и то, что писатели использовали этот соцреализм в своих целях. Да и какой соцреализм остался в литературе к началу 1990-х годов? Одно название! А если сравнить героя произведений второй половины XX века с 1930-ми, то контраст будет налицо.

В 1974 тюменский обком партии направил в Югру Маргариту Кузьминичну Анисимкову по «путёвке» в Нижневар-

123 Добренко Е. А. Формовка советского читателя: Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. – СПб., 1997.

124 Лейдерман Н. Л. и Липовецкий М. Н. Современная русская литература: 1950–1990-е гг.; пособие для студ. высш. учеб. заведений в 2 т., Т. 1968. – М.: Издательский центр «Академия», 2003.

125 Евтушенко Е. Фехтование с навозной кучей // ЛГ. №№ 3-4, 1991.

товск. Она ехала с намерением «написать добротный роман о новом человеке, рабочем классе, о героизме людей, покоряющих Север». За восемь лет проведённых на объектах «Нижневартовскнефтегаза», где писательница «исползала» всё, чтобы найти нужного героя, но так его и не нашла. Наверное, это было просто невозможно – отыскать в то время человека, который бы отвечал требованиям соцреализма! Маргарита Кузьминична вынуждена была признаться: она искала Павку Корчагина, но не было того, кто был идейно готов, как Павка, бороться за новую жизнь...

Разговор о невыносимых писательских страданиях также был надуман. Писатели до распада СССР имели основательную поддержку на государственном и общественном уровнях! В Советском Союзе существовали выездные мастерские, где молодым более опытные и высококвалифицированные деятели культуры передавали свой опыт. Всё это содействовало не только укреплению, но и росту художественных сил и давало безграничные возможности расцвета всех видов искусства – в том числе, и литературы.

К новой литературе будущего – альтернативной или какой-либо ещё! – педагоги Дмитрия Мизгулина и его одноклассников и вовсе отнеслись скептически: ничего и ниоткуда так просто не берётся! Всякая оригинальная и сильная проза, поэзия и драматургия, другими словами, настоящая литература, всегда продолжательница былых традиций, которые она в чём-то, развивает, а чем-то отрицает. Только в этом случае, с определённой долей условности, её можно назвать «новой». Если же под «альтернативой» понимать словесность без отсутствия всякой идейной направленности, морали, политического контекста, социального фона, то это вовсе не культурное событие, а, чёрт знает что! – или литература «отсутствия»...

Писательское мировоззрение гораздо сложнее, чем оно представляется иным запальчивым критикам. Нельзя включать в проскрипционный список, например, Бориса

Пастернака, только за то, что он одно из своих лучших стихотворений посвятил Сталину. К исследованию советской литературы надо подходить с учётом исторических взаимосвязей, где важную роль играет процесс сопоставления историко-литературных фактов. И это гораздо важнее, нежели политические симпатии или антипатии к писателям советской эпохи, поскольку все они в той или иной мере своими художественными произведениями оказали воздействие на русскую и мировую культуру. По этой причине гораздо важнее и эффективнее рассматривать их творческое наследие в историко-литературном контексте. Дмитрий это понимал, однако, были вещи принципиально важные: будучи студентом литинститута имени первого председателя Союза писателей СССР, он пишет о Максиме Горьком (Алексее Максимовиче Пешкове) нелицеприятно. Он не мог простить Горькому предательства и ненависти к Родине и Вере. Статья называлась «Очень своевременная книга» (1991),¹²⁶ – это был отклик на массовую публикацию очерка М. Горького «Несвоевременные мысли», кото-

126 «Несвоевременные мысли» пролетарского писателя стали его реакцией на то, что породил октябрьский переворот. Горький ожидал момента, когда народ сможет самостоятельно творить свою историю, а революция поднимет массы на более высокий уровень, ибо главная задача, по его мнению, состояла в превращении вчерашних рабов в мыслящие личности. Но случилось то, о чём совсем не пролетарский писатель Михаил Булгаков поведал читателям жёстко и одновременно с душевной болью, когда написал «Собачье сердце». Разрушение былых государственных институтов пробудили в людях животные инстинкты. Во время революции на передний план выступает не сам народ, а его худшая часть – быдло различного рода! Были, конечно, и романтики вроде Фёдора Чумбарова-Лучинского, – и на знамёнах их были начертаны слова – свобода, равенство и братство.

Увы, всё же не энтузиасты-романтики вознаграждаются плодами своих завоеваний, а проходимцы и авантюристы. Если это было не так, то не нахлынула бы волна преступлений в результате воцарившейся безнаказанности! Какое уж тут воспитание гражданственности – грабь награбленное!

Горький в отличие от большевиков не идеализировал народ, но высказал о нём свою правду... С другой стороны, если человека всю жизнь мучить, унижать, душа его ожесточится и при первом же случае он попытается отомстить своим обидчикам...

«Несвоевременные мысли» в начале 1990-х были очень актуальны, но для того, чтобы постигнуть их глубину и соотнести с современностью, необходимо было испытать горькую чашу «горбачёвских» и «ельцинских» реформ в полной мере!

рая издана была в этом же году благодаря Петру Кириченко в «Русском вестнике»:¹²⁷

*«Несвоевременные мысли» очень своевременны и в 1991 году. Наверное, поэтому они появились в печати сегодня, да ещё несколькими изданиями. Все рассуждения, отдельно надёрганные факты действительности Горький старательно нанизывает на единый стержень, выстраивая концепцию, суть которой состоит в следующем: русский народ воспитан «в пьянстве, рабстве, мрачных суевериях церкви».*¹²⁸

Мизгулин комментирует статью Горького, видя в ней поток, состоящий из грязи и клеветы на наш народ. В каких только грехах Горький не изобличает русского мужика: и лень, и склонность к анархизму, и неспособность ни к чему путному, пассивность, антигуманизм, словом, по мнению буревестника революции, «мужик наш – зверь».

Для Мизгулина Горький – достойный продолжатель Радищева и других демократов, безумных разрушителей русской государственности:

«Так, благодаря длительной разрушительной работе, благодаря «нашим учителям» Радищеву, Чернышевскому, Максиму Горькому и всей «передовой интеллигенции» удалось людям крепко вдолбить в головы идею нигилизма. Подменить борьбу с политической системой борьбой с соб-

127 Статья увидела свет в год распада СССР. Издание основано было Алексеем Сениным вместе со скульптором Вячеславом Клыковым. Официальным учредителем газеты стал Международный Фонд славянской письменности Вячеслав Клыков. Первый номер «Русского вестника» вышел в январе 1991 года, и доля православных материалов от номера к номеру возрастала, а вместе с ними и публикации на монархическую тематику. До этого слово «русский» в названии периодического издания было запрещено. Газета стала русской не только по названию.

128 Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. Очень своевременная книга. – С. 346.

*ственным Отечеством. Идея созидания была подменена идеями разрушения. Но все ли это видят?»*¹²⁹

Некоторые исторические персонажи, по мнению Дмитрия Александровича, не просто разрушители – их идеи схожи с идеями явных врагов России:

*«Поразительно, насколько «Несвоевременные мысли» перекликаются с теоретическими трудами большевистских вождей – Троцкого, Бухарина и таких «столпов», как Гитлер, Розенберг <...> Спасение и надежда России – пролетариат, который «вносит в жизнь великую идею, новой культуры, идею всемирного братства».*¹³⁰

О всемирном братстве он тут же замечает:

*«...Н. Берберова в книге «Люди и ложи» вспоминала, что в 1929 году в Париже предполагалось открыть франко-русскую ложу «Дидро-Горький»...»*¹³¹

ВОТ ОНА, ЖЕЛАННАЯ СВОБОДА!

В 1993 году Дмитрий Мизгулин получил диплом об окончании литинститута уже другой страны. СССР к тому времени не стало... Какое-то странное, тревожное совпадение. Но совпадений, если их поискать, бывает и больше. За сто лет до этого события, другой Дмитрий – Мереж-

129 Там же. – С. 348.

130 Там же. – С. 347.

131 Там же. – С. 347.

ковский – в 1893 году опубликовал работу под названием «О причинах упадка и о новых течениях современной русской литературы». В ней писатель утверждал: отечественная литература переживает серьёзнейшие потрясения.

Острота проблемы, по мнению автора, достигла такой степени, что предстояло срочно решать быть или не быть в России великой литературе – воплощению народного сознания. При этом в расцвете творчества находились всемирно признанные классики Лев Николаевич Толстой и Антон Павлович Чехов. Однако Мережковский нащупал болевой нерв художественной словесности, обозначивший разрыв между сознаниями девятнадцатого столетия и наступавшего двадцатого века, отличающимися друг от друга духовной природой. Предчувствуя крах гуманистических идей, русский художник провидел грядущие катастрофы – распад царской империи, мировые и гражданские войны, наконец, отделение Церкви от государства.

Получается, что через сто лет мы наступаем на те же грабли: снова распад, но уже советской империи, а дальше? Неужели то же самое? Есть, о чём задуматься.

Да, конец восьмидесятых – девяностые для Дмитрия, как и большинства сограждан, – время испытаний, тяжких раздумий, вызванных резкими переменами в стране, время мобилизации сил для того, чтобы не только выжить, но и остаться человеком. Еще страх за родных и близких:

Как же от беды нам уберечься?
Как же нам родных не растерять?¹³²

Именно в перестроечное время Мизгулин пытается найти для себя какую-либо опору и находит её в возвращении к духовным истокам нашего народа – православном учении. Религия перевернула его, дала чёткое осознание

132 Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. – М., 2006. – С. 115.

того, что всё неслучайно в этом и мире – и его поэзия в том числе.

Этому предшествовал поворот сознания, наметившийся ещё в Праге, когда он посмотрел другими глазами на действовавшие там храмы и на уважительное отношение чешского народа к своей религии.

Приехав домой, он пытается обратиться к образу Исаакиевского собора. Но в этом стихотворении нет даже намёка на роль Православия в истории государства российского, зато героизируются декабристы, пытавшиеся свергнуть самодержавную власть. Здесь чувствуются школьные уроки по истории – типичная советская точка зрения на декабризм. Позже он узнает, что церковь их не одобряла, а святой Серафим Саровский отказал в благословении пришедшим к нему бунтовщикам.

Если звон колоколов в Праге вызывал у молодого автора одни ассоциации, то «Исаакиевский собор» рождал совсем другие мысли и чувства:

Нынче здесь ничего не напомним
О героях минувших времён...
А в ушах – то ли звон колокольный,
То ль кандалный, овьюженный звон.

Купол высится в отблесках мгlistых,
И проносится лет череда,
И на шпиле его серебристом
Одиноко мерцает звезда...¹³³

Стихотворение «Исаакиевский собор» Мизгулин передельвал дважды, менял акценты, особенно – финал. В первый раз (редакция 1992 года) была осанной декабристам-бунтовщикам:

133 Там же. – С. 50-51.

Будто этот
Собор величавый
Вознесён был
Как памятник вам,
Сыновьям
Нерадивой державы,
Самым лучшим её сыновьям!¹³⁴

В новом варианте концовка звучит так:

Век мятежный грядёт и бесславный,
Лёд на царственной тает реке,
И заснеженный всадник державный
Крепко повод сжимает в руке.¹³⁵

Как приходят к вере – порой трудно объяснить. Говорят, что часто человека приводит в храм горе. Но в драматическую эпоху перемен невозможно было не посмотреть на нашу историю метафизически, измерив человеческое божественным, ибо «ищите и обрящите, стучитесь и откроют». Тем более в роду Мизгулина был ни один священник.

В последствие сам Дмитрий будет неоднократно подчёркивать: стихи приходят к нему не просто так, а от Бога!

«Я не согласен с Ахматовой, когда она написала: «Когда б вы знали, из какого сора...» На самом деле не из сора, а любая строчка – это Божественное провидение. Всё даёт Господь...»¹³⁶

¹³⁴ Мизгулин Д. А. Петербургская вьюга. СПб.: Интерстартсервис, 1992. – С. 26.

¹³⁵ Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. – С. 50-51.

¹³⁶ Дмитрий Мизгулин: «Поэт, финансист и общественный деятель новой России»: [интервью с президентом Ханты-Мансийского банка о его деятельности] / Д. А. Мизгулин; записал В. Скворцов // Невский альманах, № 5, 2011. – С. 8-11.

Живя в эпоху перемен,
Напрасно не ищи покоя,
Судьбой начертано другое –
Не попадись в позорный плен...

.....
Живя в эпоху перемен,
Не суетись и успокойся,
Молись и ничего не бойся,
Ни расставаний, ни измен...

И ветром перемен дыша,
Не утруждай себя работой –
Твоей единственной заботой
Пускай останется душа.

(«Живя в эпоху перемен», 1998)¹³⁷

Не станет парадоксом и сокрушение Дмитрия Александровича о развале Союза. Именно тогда к нему придёт иное понимание жизни. Он остро осознает прерывистость нашей истории из-за всеобщего беспамьяства, из-за бездумного подражания другим народам, по сути, из-за измены самим себе.

В стихотворении 1991 года «На выставке русского портрета» его лирический герой, бродя по залам, восклицает:

И пусть кругом все люди – братья,
Но только надобно понять,
Что всё ж обычаи – не платья,
Чтоб их легко переменять.

Что с этим чувством примиряясь,
Утратим зрение и слух.

¹³⁷ Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. – М., 2006. – С.133.

И растворяясь, истончаясь,
Исчезнет вовсе русский дух.¹³⁸

Что же такое падение СССР? Возмездие за гибель Российской империи, за уничтожение всех привилегированных сословий? За гонения на церковь? Или это новая трагедия, новый этап, ввергающий наш народ в хаос? По мнению Дмитрия, это – Божественное провидение, наказание за грехи:

Не подвластен истории ход.
Скорбной чаши мы снова не минем.
Трижды будет наказан народ,
Изменивший родимым святыням.
(«Отъезд», 1991)¹³⁹

В стране начался хаос, который Мизгулин сравнил в стихах 1990 года с вокзалом:

На Родине – как на вокзале –
Сумятица и суета,
И сумрак в прокуренном зале
Такой, не видать ни черта...¹⁴⁰

С болью он наблюдал, как русские люди становились изгоями после распада СССР, поэтому его лирический герой часто «на краю», пьющий с горя за чёрный день календаря («У всех народов – праздники и будни...», 1994).

Скорбь по обглоданным костям империи порою настолько ощутима, что спокойствие и раздумье уступают место волнению: стихи начинают представлять собой

лирический и одновременно драматический репортаж событий, почерпнутых из жизненного потока середины 1990-х – именно в тот период художественное творчество захлёстывает чувство трагизма.

По сравнению с восьмидесятыми в стихах девяностых, включая часть «нулевых», появляются новые темы, связанные с переживанием катастрофы «Остывает родная земля...» (1990), «Дымится мгла морозного тумана...» (1990), «Места для боли в душе не осталось...» (1993), «Надежда умерла, а мы живём...» (1994), «Который год нас бури носят...» (1995), «Долгий год. Тяжёлые утраты...» (1999) «Зачем летали на луну...» (2000). Зато старые темы или исчезают, или уходят на периферию, а иногда трансформируются. Например, в «зимних» стихах образ снега, ранее несущий радость, превращается в саван:

Осень кончилась. Минул век.
Чуть дымясь, холодеет земля.
Очень скоро выпадет снег
Белым саваном на поля.
(«Передумал. Переболел...», 1993)¹⁴¹

А творческая ночь превращается в свою противоположность:

За часом час, и день проходит.
А по ночам – зловеще грозно
Трава беспамятства восходит,
Луна тускнеет. Меркнут звёзды.
(«За часом час, и день проходит...», 1994)¹⁴²

Какие образы! – особенно трава беспамятства!

138 Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. – М., 2006. – С. 111.

139 Там же. – С. 116.

140 Там же. – С. 97.

141 Там же. – С. 120.

142 Там же. – С. 124.

Поэта мучает анемия памяти соотечественников. Но тотального уныния всё же нет – спасает вера, к которой он пришёл. Даже в ту пору, когда наше государство находилось на самом дне своего падения после дефолта и ухода Бориса Ельцина в отставку, когда остро был поставлен вопрос об окончательном разграблении страны и разделении её на мелкие уделы, Дмитрий находил в себе силы преодолеть уныние.

Появляются стихи, в которых автор, с одной стороны, признает, что «Далеко от Бога / Все наши пути», а с другой – понимает: спастись в годину испытаний, можно только оставаясь верным основным заповедям Божиим: «И если дрогнешь, всё отдашь, / Предав и тех, кого не знаешь... / Но если вспомнишь «Отче наш», / То ничего не потеряешь».

Художник ищет ответы на мучительные вопросы, обращаясь к Господу: «Спасёмся ли только любовью? / Отверзнутся ль нам небеса?» В то же время он задаётся практическим вопросом: как вернуть утраченную энергию нации, где обрести государствообразующее начало? Впрочем, и сегодня для миллионов россиян вопрос об объединяющей идее, об идеологии остаётся открытым.

А тогда, в 1990-х годах, в стране даже не был поставлен вопрос о модели государственного устройства. Лекало американских «доброжелателей», по которому были скроены многие страны с демократической формой правления, лишённые суверенитета, было навязано и России.

Что уж тут говорить о культуре?.. Многие привычные понятия в обществе сместились со своего пьедестала благодаря средствам массовой информации и хлынувшей из всех щелей «толпной» культуры. Даже прежние оппозиционные ценности Запада в умах масс основательно вульгаризировались... Мечта о сытной и спокойной жизни заслонила у части общества реальное понимание происходящего. И мечта о богатстве обернулась нищетой физической и духовной:

Россия вся в витринах и витринках.
Всё в розницу – свобода, совесть, честь.
Но рады и застолью на поминках,
Поскольку можно выпить и поесть.

(«Надежда умерла...», 1994)¹⁴³

Ещё четверть века назад у нас в государстве верхи указывали издателям: что именно выпускать на книжный рынок и что, соответственно, читать. Однако мы, грешные, так и не научились читать «правильные» книги, а глотали без разбора, что душе угодно: был бы только выбор.

В новых условиях российский рынок отреагировал мгновенно: стал предлагать миллионные тиражи отечественных и зарубежных художественных произведений не самого лучшего качества! Номенклатурный литературно-критический ареопаг старого закала пребывал в шоке, поскольку читатели бесцеремонно игнорировали его рекомендации. Вместо них – рекламный бум низкопробной беллетристики, а также нервная истерия интеллигенции по поводу того, что значительная часть книжных новинок призывает к фашиствующему национализму, сексуальной распущенности, физическому насилию и призыву обогащаться любой ценой.

Когда отменили цензуру, классические произведения были вытеснены – нет на них спроса! Если раньше трудно было купить нужную книгу, потому что она была издана малым тиражом, то теперь – её не издавали, поскольку подобные издания востребованы лишь единицами! У большинства читателей атрофировался вкус к классической литературе.

Рынок стал способствовать появлению уже иного героя художественных произведений, изменять его моральные установки, искажать идейное содержание. Что вы хотите

¹⁴³ Там же. – С. 125.

от литературы, если она становится товаром? А это очень скверно, ибо, по мнению Мизгулина, духовность нации определяют её герои:

«Нужны идеологические, духовные и нравственные понятия, которые будут нас объединять, необходима огромная работа на государственном уровне...»

Если мы научимся строить мосты от человека к человеку и будем развиваться в этом направлении, то через десять, двадцать и тридцать лет в России всё будет хорошо. Если же ничего не делать, то мы рискуем получить мину замедленного действия, которая рано или поздно рванёт.

Думаю, что мы как никогда остро нуждаемся в связующей составляющей. Обществу нужны новые, положительные герои, а сейчас их почти нет. Они ушли в 90-х с экранов и со страниц книг. Можно ли воспринимать героев из телефильма «Бригада»? Ведь нам показаны отъявленные преступники, но с приятными человеческими лицами. Это беда. Думаю, что стране нужны новые – настоящие герои!»¹⁴⁴

Подобные высказывания Дмитрия – свидетельство его глубокого переживания за соотечественников. Ведь где взять точку опоры для сопротивления вызовам времени? Размышляя над событиями, он понимает, в какую хитрую ловушку попал наш русский мир:

*Кружась во Всемирном потопе,
Мечтали достичь высоты,
Хотели пожить, как в Европе,
Разинули глупые рты.*

*А всё обернулось иначе –
В привычной сумятице дней:
Богатые – стали богаче,
А бедные – стали бедней.*

*Как крепко засела в народе
Премудрость прошедших веков,
О братстве мечта и свободе –
Извечный удел дураков.*

*Как будто о нас, идиотах,
Болит у французов душа...
(«Кружась во Всемирном потопе...», 2000)¹⁴⁵*

Теперь отношение Дмитрия к стране Советов несколько меняется, ибо он понимает: народ часто ошибается в выборе власти, но какой бы она ни была, насильственная её смена часто оборачивается катастрофой для всей страны.

*Места для боли уже не осталось.
Пламя пожара в душе отметалось.
Ныне и пепел остыл.
Было Отечество. Было – и нету.
Ветер гуляет по белому свету
Между остывших светил.
(«Места для боли уже не осталось», 1993)¹⁴⁶*

Перед нашим взором маячили развалины СССР: замороженные стройки, ограбленные и забытые заводы, заросшие травой поля, руины, а также руины, невидимые глазу, образовавшиеся в умах и душах людей. Если сравнивать

¹⁴⁴ Дмитрий Мизгулин: «Беда не в дураках и не в дорогах...»: [интервью с президентом Ханты-Мансийского банка о его деятельности] / Д. А. Мизгулин; записал А. Фатеев // Тюм. Известия, 10 сент., 2011. – С. 1.

¹⁴⁵ Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. – М., 2006. – С. 152.

¹⁴⁶ Там же. – С. 121.

героев дня из советского прошлого и послеперестроечного, то оно будет не в пользу последнего.

Вспомним, какими тогда были советские люди, попавшие в экстремальные обстоятельства? 17 января 1960 года во время шторма в океан была унесена баржа с четырьмя военными строителями. Эту посудину мотало по огромным волнам с невольными пассажирами-солдатами около пятидесяти дней.

Практически без продовольствия, при нехватке воды советские люди во время дрейфа преодолели тысячу миль. Не было ни паники, ни депрессии. Когда американские военные обнаружили бойцов в полумёртвом состоянии, моряки просили у своих спасателей лишь горячее для дизеля и небольшой запас продуктов и воды, чтобы своим ходом вернуться обратно в СССР. Каждый из них потерял ни один десяток килограммов веса. Американским морякам они потом показывали «фокус»: становились втроем и обхватывали себя одним солдатским ремнём. Но всё-таки американцев потрясло ни это, а то, что наши солдаты сумели сохранить человеческий облик и самодисциплину: они не набрасывались на еду, а делили её между собой, ели спокойно и немного. О мужестве советских военнослужащих узнал весь мир и поразился этому! И хотя уже в ту пору холодной войны Запад своими «радиоголосами» умело манипулировал сознанием советского обывателя, сея ростки своей «правильной» идеологии на чужом поле, наши герои ему были не по зубам! В этом и заключался второй подвиг парней, хотя он не был столь заметным – все четверо не поддались на уговоры американских властей остаться в США, какие бы золотые горы им не сулили. Ребята получили звания почётных жителей Сан-Франциско, символические ключи от города и по 100 долларов каждый на карманные расходы. Им рукоплескал, покорённый их подвигом, Нью-Йорк. Военных строителей переодели в самые модные и добротные одежды, как самых дорогих гостей, отправив на международном

круизном лайнере в Западную Европу. Оттуда они вылетели самолётом из Парижа в СССР. Страна встречала героев во Внуково уже не в экипировке с иностранного плеча, а строго по форме – в новеньком сезонном обмундировании. В знак особого отличия им выдали офицерские зимние шапки. Все средства массовой информации СССР цитировали приветственную телеграмму Никиты Хрущёва, отправленную героям 16 марта 1960 года. В ней особо подчёркивались героизм, стойкость и выносливость советских парней, которые стали примером безупречного выполнения воинского долга. Своим подвигом, беспримерной отвагой они приумножили славу Родины. Поэтому, воспитавший таких мужественных людей, советский народ по праву гордится своими отважными и верными сыновьями. Такую телеграмму приятно было читать каждому, если бы она была адресована лично ему! Впрочем, была и обратная сторона медали: пока герои были в США и не заявляли о своем возвращении в Советский Союз, в домах родителей некоторых из них были тайно проведены обыски – на всякий случай...

Однако хороводились с ними недолго – около года. 12 апреля 1961 года состоялся полёт первого человека в космос. И весь мир облетело имя нового героя – Юрий Гагарин!

Сейчас до наших дней из четверых отважных путешественников в живых осталось, по слухам, двое. Один живёт в Киеве, другой – в Стрельне. Нашему россиянину не хватает пенсии, поэтому он сторожит лодочную станцию, охраняет частные яхты да катера состоятельных людей, которые и не ведают о славном прошлом своего земляка... Но зато он является почётным гражданином города, где проживает теперь. На вопрос корреспондента, о чём он мечтает, герой интервью признался – о том, чтобы с него хотя бы не высчитывали коммунальные услуги, раз он удостоен звания «Почётный житель Стрельни № 2», поскольку «№ 1», по решению местных властей,

присвоен президенту Владимиру Путину – и с его доходов налог, точно, не высчитывают...

Пройдут годы, и Дмитрий Мизгулин трансформирует мысли о героизме в иную плоскость. Под его руководством Ханты-Мансийский банк учредит ежегодную премию за спасение людей – «Сибирское богатство». Она вручается тем, кто проявил героизм, подвергнув себя добровольному риску, спасая жизни других людей на территории Урала и Сибири. Награждённые – обычные люди. Один, рискуя собственной жизнью, вытащил детей из огня, другой – спас утопающих, третий – защитил от нападения бандитов. Вручение премии позволит рассказать о них в школах, вузах, снимать фильмы, писать в прессе. Общество нуждается в таких примерах.

Путешественник Фёдор Конюхов с помощью Дмитрия организовал выставку своих картин, и она имела успех. Нормальные люди хотят знать, что есть в нашем обществе ещё крепкие и замечательные мужики, готовые к подвигу.

Наше послевоенное поколение, вставшее на крыло ещё в годы советской власти, могло запросто подписаться под фразой Аркадия Гайдара, которой он заканчивал своё известное произведение «Чук и Гек»: «Что такое счастье – это каждый понимал по-своему. Но все вместе люди знали и понимали, что надо честно жить, много трудиться и крепко любить и беречь эту огромную счастливую землю, которая зовётся Советской страной».

Однако нынешнему поколению быть сегодня Чуком или Геком – почему-то не престижно!

В 2017 году деловая газета «The Wall Street Journal» сообщила о том, чем занята в США бывшая активная участница прокремлёвского движения «Наши» Мария Дрокова. Бывшая комиссарша с гордостью заявила: она получила вожделенную грин-карту и уехала жить в США. Мария сейчас занимается на Западе инвестициями и, по данным этого информационного издания, основала собственный фонд, объёмом в 50 миллионов долларов. Широкою известностью

девушка получила после поцелуя с Владимиром Путиным. Но теперь кавалер медали ордена «За заслуги перед Отечеством» первой степени, Мария, обожавшая носить майки с изображением российского президента, не поддерживает контактов с представителями российских властей. Остаётся лишь ожидать нового документального фильма о Маше Дроковой – на сей раз с иным названием – «Поцелуй с американским президентом».

Может быть, это не тот случай, о котором следовало рассказать. Не все же молодые люди у нас, в конце концов, получают эту «зелёную карту» США, и не все стремятся уехать навсегда за границу, наплевав на судьбу своей Родины... Но как быть с записью Дмитрия в «Ночнике II»:

«По данным статистических опросов 31% жителей России хотели бы эмигрировать из страны. Причём, в основном это люди с высшим образованием.

Среди молодёжи вообще цифра пугающая – 48%. То есть уехать хотят самые умные и перспективные, то есть те, кто и должен заниматься, так называемой модернизацией...

Зато есть желание дать гражданство нескольким миллионам разнорабочих, которые и русский-то толком выучить не смогли. Проголосуют они, конечно, как надо.

А дальше-то что?»¹⁴⁷

Не зря, выходит, старшее поколение обеспокоено сложившейся ситуацией с молодёжью в нашей стране? Наверное, мы всё-таки виновны в том, что упускаем нашу смену из виду, если не сказать больше... Дмитрий Мизгулин здесь оказывается прав!

147 Мизгулин Д. А. Ночник. Публицистика / ред. Александр Смирнов. – СПб.: Второй Петербург, 2016. – С. 180.

«И потом мы удивляемся поступкам и жестокосердию современной молодёжи? Глупо ждать прогресса от непрощённых людей, лишённых культуры. Просвещённого человека не надо учить уважению и любви к другим людям, не надо учить той самой пресловутой толерантности, ему не надо талдычить, что нельзя разрушать исторические и культурные памятники. Но, глядя на сегодняшний мир, возникает чувство, что тьма наступает повсеместно. А мы тут энергосбережением увлеклись. Света надо больше. Просвещённости...»¹⁴⁸

Знающий хорошо историю, воспитанный на классике русской и советской литературы, Дмитрий не мог не любить своей Родины, он не мог терпеть тотального очернительства России. А чернили всё: и царское время за крепостное право и эксплуатацию рабочих, и советскую власть за репрессии, преследование свободного слова:

«Если по телевизору каждый день говорить, что мы дураки, что мы не умеем работать, что мы ленивые, что мы хронические идиоты, что у нас не было истории, что у нас не было культуры, что у нас не было языка, чему мы тогда удивляемся? Закономерно, что человек выходит на улицу и бросает в ноги прохожим окурок или выплёвывает жвачку».¹⁴⁹

Одним из источников оптимизма для Мизгулина был пример героев, стоящих за Русь, и святых, своим примером указующих, как необходимо себя вести в моменты смертельной опасности.

Мизгулин понял, что история России неотделима от Православия. Как настоящий гражданин страны, Дмитрий пришёл к религии осознанно, как и миллионы граждан бывшей страны Советов, – и это закономерный процесс, который обязательно приведёт страну к нравственному выздоровлению, как справедливо было замечено поэтом:

«Нет Богом забытых мест на земле. Есть места, где люди забыли Бога».¹⁵⁰

Не случайно в 1991 году поэт пишет стихотворение «Над храмом Бориса и Глеба...», вспоминая тяжёлое время, наступившее после смерти князя Владимира, он воспекает духовное мужество первых русских святых:

Не бросились в буйную сечу,
Не вырвали жизни в борьбе,
А просто шагнули навстречу
Своей беспощадной судьбе.¹⁵¹

Катаклизмов в истории России было немало. Например, Смутное время начала XVII столетия, когда Речь Посполитая заняла Москву. Тогда многим гражданам нашего Отечества казалось: Россия кончилась и никогда не встанет с колен...

Кровавый туман над притихшей Россией клубится,
И Гришка Отрепьев уже ничего не боится.¹⁵²

148 «В основе любой экономики – человек!»: [интервью с президентом Ханты-Мансийского банка о его деятельности] / Д. А. Мизгулин; записал И. Романов // Большая Медведица, № 2, 2012. – С. 4-5.

149 Дмитрий Мизгулин: «Поэт, финансист и общественный деятель новой России»: [интервью с президентом Ханты-Мансийского банка о его деятельности] / Д. А. Мизгулин; записал В. Скворцов // Невский альманах, № 5, 2011. – С. 8-11.

150 Мизгулин Д. А. Ночник Публицистика / ред. Александр Смирнов. – СПб.: Второй Петербург, 2016. – 192 с., ил., А.

151 Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. – М., 2006. – С. 118.

152 Там же. – С. 102.

Но спасли государство жертвенность и героизм народа. Вообще уникальность и парадоксальность исторического пути России заставляют считать его богохранимой. Отсюда и лирический герой – личность страдающая, но свято верящая, что

Услышана будет молитва,
Господь не отмеривал срок,
Ещё не окончена битва
И непредсказуем итог.¹⁵³

О ЛИРИЧЕСКОМ ГЕРОЕ

Когда знакомишься с канвой биографии Дмитрия Мизгулина, то перед нами предстаёт вполне успешный человек. А если не иметь биографических сведений об авторе – и просто открыть его сборник стихов времён 1990-х, то лирический герой, (а в сознании большинства читателей – автор), предстанет полной противоположностью, прямо-таки персонажем раннего Ф. М. Достоевского с его темой униженных и оскорблённых.

Именно такое заочное впечатление сложилось после знакомства с мизгулинскими стихами у поэта и издателя альманаха «Молодой Петербург» Алексея Ахматова. Изумлению его не было предела, когда перед ним предстал совсем другой человек!

«Читая стихи Дмитрия Мизгулина, я представлял себе немолодого (лет за пятьдесят) человека, с нелёгкой судь-

бой, живущего трудно. Туго с деньгами, тяжёлая работа, на шее дети, а может быть, и внуки. Всех надо поставить на ноги, всем помочь...

Каково же было моё удивление, когда на пороге моей квартиры показался довольно молодой, крепко сбитый, уверенный в себе человек, представившийся просто и доверительно: «Дима»... Оказалось, что Дмитрий Мизгулин не только поэт. Он – преуспевающий бизнесмен и банкир, и жизнь свою строит сам – энергично, уверенно, и дело ладится, и деньги есть, и творческая работа, и семья. Мы беседовали, а я всё удивлялся: как не соответствует образ, складывающийся в стихах, реальному человеку...»¹⁵⁴

Такое восприятие обусловлено тем, что судьба, чувства и мысли лирического героя читателями часто переносятся на автора. В истории литературы таких казусов полно. Известно, например, как возмущался Николай Гумилёв по поводу стихов Анны Ахматовой: «Муж хлестал меня узорчатым, / Вдвое сложенным ремнём» или «Земная слава, как дым, / Не этого я просила / Любовникам всем моим, / Я счастье приносила». Супруг, изумляясь утверждал, что на самом деле не только он – вообще никто никогда её не хлестал, и любовники-то её – Пушкин и Достоевский! Однако, как это всё объяснить публике?

Дмитрий свою жизнь и биографию беспрестанно соотносит с жизнью и судьбой своих соотечественников, живших в прошлые века и живущих ныне. Особенно он сожалеет о бывших советских гражданах, не виновных в том, что по чьей-то злой воле, их лишили могучей Родины.

Но лирический герой – это одно, а он – автор – совсем другое!

153 Там же. – С. 228.

154 Ахматов А. «Такие простые слова» / «К высоким небесам»: сборник статей о творчестве Д. А. Мизгулина / [вступ. ст., сост., примеч. М. М. Рябий]. – Ханты-Мансийск. – С. 36.

Конечно, в любом случае можно обнаружить какие-то совпадения, помня о том, что автор стихов тоже родом из СССР. В подтверждение этой мысли, нашёл у Дмитрия фразу в «Ночнике П»: «Писательская профессия позволяет прожить много жизней»¹⁵⁵.

Стоял в одной шеренге,
 Равняясь на вождей.
 Считал чужие деньги,
 Учил чужих детей.
 Не чувствовал – хоть тресни
 Тревоги и вины.
 Чужие слушал песни,
 Смотрел чужие сны
 И жил, как все в России
 И счастлив был вполне,
 И женщины чужие
 Любовь дарили мне.
 И пусть конец дорогам
 Ещё не виден – нет, –
 Уверен – перед Богом
 За всё держать ответ.
 Он добрый – улыбнётся
 И всё простит, любя,
 Но отвечать придётся
 Лишь только за себя...
 Мерцает тускло свечка
 И тает не спеша,
 И мается сердечко,
 И нудится душа.¹⁵⁶

155 Мизгулин Д. А. Ночник. Публицистика / ред. Александр Смирнов. – СПб.: Второй Петербург, 2016. – С. 174.

156 Мизгулин Д. А. Чужие сны: книга новых стихов (2010–2012) / Сост. и послесловие А. В. Романова. – СПб.: АПИ, 2014. – С. 9.

Связь времён и поколений зачастую играют главную роль в творческом видении. Поэтому эти шесть четверостиший перекликаются со строчками стихотворения другого поэта – Бориса Чичибанова – «Меня одолевает острое...»: оно было написано старшим современником Дмитрия, когда тот ещё под стол пешком ходил. Но там и здесь «финальные» мысли очень схожи:

...Я – просто я. А был, наверное,
 как все, придуман ненароком.
 Всё тише, всё обыкновеннее
 я разговариваю с Богом.

Время (прошлое героя) здесь выступает в форме факта на пути к самопознанию. Приход к Богу – закономерный итог человека, прожившего непростую жизнь.

Судьбы поэтов-фронтовиков, поэтов – бывших зэков, поэтов, что «просто жили, мучились как все» (Глеб Горбовский), соприкасаются с творческой судьбой Дмитрия Мизгулина, хотя, конечно, поколение Дмитрия всё равно другое: его не коснулись напрямую ГУЛАГ и война и прочие тяжёлые испытания, связанные с историей нашего государства.

Ко всем нам можно отнести замечательные строчки поэта Андрея Романова из посмертной книги «Свет сотворения мира»:

Пусть я не грыз блокадные блокноты,
 Пытаясь текст с мелодией разнять,
 Но если власть овеществляет ноты,
 То на слова не следует пенять.

(Андрей Романов,
 «Шукая смысл во всероссийском гимне...»)

Человек в государстве никогда не может быть свободным от него – слишком много ниточек нас связывает. Но так

было всегда и везде, особенно если вспомнить истоки русской государственности (она зарождалась одновременно с принятием христианства и возникновением письменности)... Без неё, как и без Бога, Россия – не Россия. Другое дело, кто ты для России? Что ты из себя представляешь? Кого ты винишь в своих неудачах: обстоятельства, соседа, правительство или себя самого? Для того чтобы пробиться к цели, приходится преодолевать массу предрассудков и, наконец, сделать главное открытие в жизни – отвечать за всё обязательно придётся! Одному – за то, что «стоял в одной шеренге», другому – за то, что:

Я был простой конторской крысой,
знакомой всем грехам и бедам,
водяру дул, с вождями грызся,
тишком за девочками бегал.
(Борис Чичибабин, «До гроба страсти не забуду...»)

Поэт обозначил в итоге драму человеческой личности, зажатой между социумом и собственными заблуждениями. Лирический герой Дмитрия Мизгулина – образ при всей конкретности обобщённый. Он объединяет в себе судьбы многих людей, страждущих, надеющихся, ищущих свой путь. После многократных блужданий, подчинённости ловцам человеческих душ, перед его лирическим героем предстаёт иная модель человеческой жизни – христианина, увидевшего в конце, казалось, бесконечного туннеля неземной свет.

Эта надежда свойственна обычно православным художникам. Обретение веры, любви к ближнему преображает героя: уходит озлобленность, обиды, появляется мудрость и вера в то, что Господь не оставит.

Лирический герой Мизгулина – человек, как правило, равнодушный, он вместил в отзывчивом русском сердце страдания ближнего, нелицемерную любовь к нему и к Отечеству. Ведь верующий человек – человек соборный.

Что это значит? Православное чувство в нас, как сообщающиеся сосуды в каждом, оно объединяет все сердца. Поэтому гражданская лирика Дмитрия Мизгулина не столько о себе, сколько о нас.

В стихотворении «Жизнь прожил, переживая...» лирический герой – наш современник. Отличие его от многих, нашедших утешение в вере, – отсутствие духовной опоры. Поэт не может пройти мимо подобной трагедии. Благодаря его дару появляется на свет исповедь честного человека, которому, возможно, ещё предстоит обрести веру. Сколько таких равнодушных советских людей, потерявших прежние идеалы, которые не сумели преодолеть себя и застыли в своём одиночестве, не найдя на что опереться. Страдающая душа героя несёт на себе бремя былых разочарований и не может успокоиться...

Жизнь прожил, переживая,
И чужую нёс вину;
Бился, устали не зная,
За друзей и за страну.
Хорошо ли жил ли, плохо –
На виду у всех людей.
Пережил свою эпоху,
Пережил её вождей.
Продавали, предавали,
Улетали в никуда...
Только я в такие дали
Не стремился никогда.
Наливаю жизнь до края
И, захлебываясь, пью,
И, за всё переживая,
Проживаю жизнь свою...¹⁵⁷

157 Мизгулин Д. А. Чужие сны: книга новых стихов (2010–2012) / Сост. и послесловие А. В. Романова. – СПб.: АПИ, 2014. – С. 15.

Переживание и покаянность – одна из важных черт лирического героя Дмитрия Мизгулина, православного человека. Его мучает совесть, за то, «копил ненужные архивы», за то, что «азартно жил и пил и пел», что позволял себя любить «чужим женщинам»... и даже в том, что был «сыт и пьян», когда «вокруг один упадок»... Здесь мы увидим уже совпадение авторской судьбы с судьбой его лирического героя, ибо не всё бывало гладко и в жизни Дмитрия. Об одном моменте в жизни – о причине ухода из оборонной промышленности Мизгулин упомянул как-то в интервью.

*«<...> вернулся в Ленинград, работал на одном из ведущих военно-промышленных предприятий. А в 1991-м произошли всем известные события, и оборонный комплекс полетел под откос, конверсия плавно перетекла в конвульсию».*¹⁵⁸

ВПК (военно-промышленный комплекс), где он трудился, «накрылся медным тазом», и Дмитрию срочно пришлось менять профессию. Но у большинства граждан подобной возможности просто не было, да и не могло быть, поэтому многие тогда остались за бортом жизни. Не понаслышке Дмитрию известны горькие моменты, что обрушивает судьба на людей, но Мизгулина тогда спасли друзья:

*«Друзья-товарищи и пригласили меня в только открытый питерский филиал «АвтоВАЗбанка» – заместителем управляющего по экономической и кредитной работе. Так 20 лет назад я переквалифицировался в банкиры».*¹⁵⁹

158 Дмитрий Мизгулин: «Беда не в дураках и не в дорогах...»: [интервью с президентом Ханты-Мансийского банка о его деятельности] / Д. А. Мизгулин; записал А. Фатеев // Тюм. Известия, 10 сент., 2011. – С. 1.

159 Дмитрий Мизгулин: «Беда не в дураках и не в дорогах...»: [интервью с президентом Ханты-Мансийского банка о его деятельности] / Д. А. Мизгулин; записал А. Фатеев // Тюм. Известия, 10 сент., 2011. – С. 1.

В поздних стихотворениях Мизгулина можно отметить душевную близость автора и его героя, многие стихи становятся просто исповедальными:

Везде и всюду проявлял участие,
Кружился в суматохе важных дел,
Теперь не надо ни любви, ни счастья,
Всего того, что раньше так хотел.
И всё, к чему мечтательно стремился,
В мгновение ока обратилось в прах,
Смотрю, как мягко лунный свет разлился,
Как звёзды растворяются в волнах.
Забудутся и праздники, и даты,
Всё заглушил мятущийся прибор,
Не верится теперь, что я когда-то
Тебя любил и был любим тобой.
И жизнь моя бескрайняя, как море,
Где нет друзей, любимых и врагов,
Ни радости, ни веры и ни горя,
Плыву один вдоль дальних берегов...
И буду счастлив даже и тогда,
Когда шугой покроется вода...¹⁶⁰

В стихотворении за 2015 год автор отразил тяжёлое душевное состояние своего героя. Что-то произошло. Возможно, он «пережил свои желанья»... Но ясно одно – человек в состоянии духовного кризиса, и никто ему не может помочь, он как бы находится в безвоздушном пространстве, «Где нет друзей, любимых и врагов, / Ни радости, ни веры и ни горя». И, тем не менее, есть уверенность, что всё равно он будет счастлив, даже тогда, «Когда шугой покроется вода».

160 Мизгулин Д. А. «Избранные стихотворения». – Литературно-худ. изд-е в 3-х т., СПб., 2017 / Избранные стихотворения (2005–2019). – СПб.: Любавич, 2019. – Т. 3. – С. 210.

Лирический герой Дмитрия Мизгулина – образ сложный, рисующий человека, имеющего тонкую душевную организацию, философский склад ума и доброе сердце, которое не может не болеть о ближнем. При этом здоровое начало, живущее во всяком русском человеке, спасает его от тяжёлых крайностей, поэтому он иногда напоминает – неунывающего мужичка, «мирного» Василия Тёркина, и потому этот образ приобретает черты народности: «А где наша не пропадала?!»

Наладится жизнь понемножку,
Вернётся державная статья.
И время настанет картошку
По осени снова копать.¹⁶¹

161 Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. – М., 2006. – С. 138-139.

Глава 6.

ОБЫКНОВЕННОЕ
В НЕОБЫКНОВЕННОМ

О ДРУЗЬЯХ-ТОВАРИЩАХ

Стихотворение «Друзьям» Дмитрием было написано в 2019 году. К нему есть преамбула: собственноручная записка поэта на его сайте:

«26 июня 2019 исполнилось 65 лет со дня рождения замечательного русского поэта Александра Роскова, трагично ушедшего из жизни в 2011 году. Господь свёл нас в 1987 году, когда мы поступили на заочное отделение Литературного института им. Горького в Москве. Встречались на сессиях, жили вместе – я, Сашка и Костя Савельев – замечательный русский поэт из Харькова... в 1991 году были в Архангель-

для Дмитрия важно успеть сказать доброе слово, ему просто не даст промолчать его совесть. К сожалению, все мы опаздываем, думая о том, что мы и наши друзья будем жить вечно! Забываем, дружба не только – обоюдная симпатия, но и – запуск собственной личности. Она шире и значительнее для Дмитрия Александровича, и в этом легко убедиться, когда познакомишься с зарисовками о писателе Петре Кириченко и священнике Викторе Грозовском. Каждая встреча с ними зажигала его внутренний мир благодатным огнём. Такой огонь не обжигал, а закалял сырой материал личности, стремившейся к духовной жизни.

Многое дали творческому становлению Дмитрия виртуальные встречи с историческими личностями, вдохновившими его на произведения в их честь. От каждой из них он брал для себя что-то важное, стремясь следовать лучшим чертам своих персонажей. Это не подающий руки революционному «братишке», а потом изгнаннику Раскольникову другой изгнанник Иван Бунин. Суворов, гордившийся тем, что он – русский. Опальный Бестужев-Марлинский. Таких героев в его помяннике немало.

Друзья необходимы для душевной и духовной жизни всякого человека... Друзьями становятся обычно в молодости, но проверку эта дружба проходит всю жизнь.

В ранней лирике Мизгулина есть немало стихов о дружбе. Они, порой, наивны и просты. В центре их – отношения с друзьями: «своя» правота и обиды или прощение и примирение:

Нет ничего обидней
Забывтой правоты

(«А знаешь что, Серёжа...», 1980)¹⁶³

или

«Ни на кого не обижаясь,
Не презирая никого,
Я постепенно приближаюсь
К порогу счастья своего»

(«Ни на кого не обижаясь», 1980)¹⁶⁴

В стихотворении «Три друга были у меня...» (1980), казалось бы, та же проблема взаимоотношений: что экстраординарное может произойти после встречи четырёх, долгое время не видевшихся друзей? Однако автор в своём сравнительном анализе делает вывод, кто на самом деле остался его верным другом, а кто – просто приятелем.

Три друга было у меня,
Надолго мы расстались,
Но, неразлучные друзья,
Опять мы повстречались.

Один хотел казаться хуже,
Он больше, чем другие, пил
И о своей душевной стуже
Едва не плача говорил.

Второй солиден стал на вид,
Как во дворце лепной карниз,
Хоть рядом за столом сидит,
На всех он смотрит сверху вниз.

Лишь третий, к радости моей,
Остался так же неизменен –
В обыкновенности своей
Был просто необыкновенен.¹⁶⁵

163 Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. – М., 2006. Там же. С. 26.

164 Там же. – С. 23.

165 Там же. – С. 25-26.

Дмитрию важна прежняя комфортная атмосфера единомыслия. Он, казалось, сам сожалеет о своих потерях, но лучше сделать выбор в юности и уже не «разочаровываться» в дальнейшем...

Да, из троих только один друг остался прежним и сохранил дружбу, остальные не прошли проверку. Мысль вроде бы проста, но сколько невысказанных, неописанных чувств таит она в себе, об этом можно только догадываться по двум финальным строчкам, посвящённых истинному товарищу.

Похоже, для лирического героя важно восприятие друга детства не только как человека, с которым вместе рос и участвовал в совместных играх и шалостях. Здесь важнее понять насколько его товарищ соответствует его собственному внутреннему миру – «обыкновенной необыкновенности». Только благодаря этому узнаванию и озарению срывается притяжение, в отличие от остальных, при встрече с которыми происходит отталкивание. Лирический герой не узнал их в себе и потому не принял, не найдя ничего встречного. Стихотворение написано о друзьях, и о себе, своём отношении к дружбе. В этом и есть секрет поэзии – обнажить читателям ни то, что лежит на поверхности, а что спрятано внутри...

Бывало, Дмитрию просто необходим был друг, с которым можно обсудить очень важную тему или просто помолчать. Спустя пять лет после своего студенческого стихотворения о друзьях, в стихах, написанных в пору прохождения военной службы, он восклицает:

Хотелось любви и тепла.
Надежды и верного друга.¹⁶⁶

166 Там же. – С. 63.

А вот стихи 1999 года, когда он исповедуется другу о том, что его мучит: народ живёт в нищете, а он – руководитель банка, не может помочь всем нуждающимся.

Друг мой, а что же делать мне,
Когда метель во мгле закружит,
Когда вдруг сердце занедужит
В чужой богатой стороне...
Когда ты сам и сыт, и пьян,
Когда в доме твоём достаток,
А всё вокруг – один упадок,
Во всём вокруг – один обман.
(«Друг мой, а что же
делать мне», 1999)¹⁶⁷

Для Дмитрия ещё с юности радости дружеского общения ценились выше многих реальных благ. В дружбе не уместен расчёт – ты мне, а я – тебе. Понятие это гораздо шире на самом деле и трудно поддаётся рациональному объяснению.

Я для себя, например, открыл уже в зрелом возрасте особый род дружбы. Собака не предаст, всегда останется другом. И у меня перед псом особая дружеская ответственность. Мы оба воспитываем друг друга. Говорю об этом не как одинокий человек, а, напротив, одаренный друзьями и приятелями. Порою моя дружба с ними бывает загадочнее любви, ибо к дружбе нас ничего не принуждает.

167 Там же. – С. 136.

ружье прощали.
парфименовского уша
сифидь
друзьяна чужака
мне летарою сама
бразь ново почаном сугубенко
виринель, отгесней ежом
из кеверных
и оном келарь сз
вним
мой или

Росков Александр
Александрович,
поэт.

Вчитываясь в мизгулинские строки, посвящённые друзьям, становится понятно, что стихи о дружбе, это ещё и стихи о человеке. Дружба испытывает тебя на прочность, что ты за человек? Получается, что ты, и твой друг сдают каждый раз экзамен на человечность... И больно, когда дружба распадается...

Во тьме пропал товарищ мой,
 Растаял без следа.
 Его покрыла с головой
 Неверия вода.

(«Во тьме пропал товарищ мой...», 2001)¹⁶⁸

Дружба для Дмитрия Мизгулина – это не сотрудничество по определённым точкам соприкосновения, например, в работе, в проявлении различных интересов или в проведении досуга. Деловые отношения – одно, а дружба – то, что не поддаётся голому расчёту, ибо как справедливо заметил Дмитрий:

«Хорошего человека повстречать непросто, а потерять можно в один момент. А дерьмо постоянно встречаешь и устаёшь подолгу отмываться...»¹⁶⁹

Хотя и из деловых отношений могут вырастать дружеские отношения – и такое бывало в его творческой биографии не один раз – и он каждый раз благодарен Всевышнему за то, что Тот свёл его с замечательными людьми...

¹⁶⁸ Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. – М., 2006. – С. 178.
¹⁶⁹ Мизгулин Д. А. Ночник. Публицистика / ред. Александр Смирнов. – СПб.: Второй Петербург, 2016. – С. 182.

С Петром Кириченко он познакомился ещё студентом на одной из литературных тусовок, которую организовал ленинградский комсомол, и очень гордился своей дружбой с ним.

«Как-то, ещё в начале 80-х годов, в редакции институтской многотиражки (я был членом общественной редколлегии) разговорился с моими преподавательницами. Узнав о том, что я как-то связан с литературным миром, обе воскликнули: «А мы знаем одного писателя – Петра Кириченко». – «Это мой друг», – ответил я с гордостью».¹⁷⁰

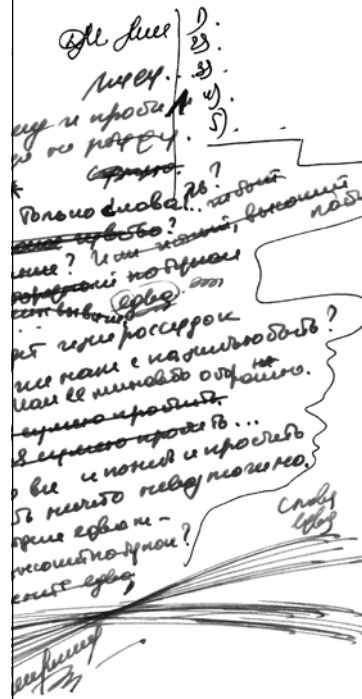
Наша жизнь складывается из встреч и распадается на встречи. Мы живём в мире, создаваемом встречами. Встреча с Петром Васильевичем Кириченко была промыслительной, сыгравшей в жизни Дмитрия Мизгулина судьбоносную роль, как и встреча с Натальей Иосифовной Грудониной, и, конечно же, со священником – о. Виктором.

Когда Дмитрий впервые встретился с Петром, бывшим штурманом-лётчиком, ему не исполнилось и двадцати одного года. Совсем ещё зелёный юнец в литературных делах и, конечно же, интригах. Он вспоминал ту пору через много лет:

¹⁷⁰ Мизгулин Д. А. Как провожают самолёты. / Избранные сочинения. – М., 2006. – С. 372.

Кириченко
 Пётр Васильевич.

«Одна из таких встреч состоялась зимой 1982 года в Зеленогорске. В пустынном (не сезон) пансионате собрались художники и писатели. Перед ними выступали старшие товарищи по цеху, а также артисты, комсомольские вожди, курировавшие эту самую молодёжь, лекторы-чекисты, освещавшие международное положение. Были, правда, ещё и композиторы, но их присутствие оставалось практически незаметным.

После недолгого трудового дня (до обеда), который состоял из заслушивания однообразных докладов, народ с пугающим энтузиазмом ринулся в буфет, однако обнаружил там полное отсутствие спиртных напитков. Немедленно был сформирован небольшой отряд для похода в ближайший магазин. В отряд вошёл и я, как самый молодой член сообщества. Писатели пили водку. Художники – портвейн. Писатели вели спор о судьбах мира и масонском заговоре, а потом пели русские народные песни. Художники пили молча. Так продолжалось до утра, а наутро – вновь творческие семинары и опять буфет».¹⁷¹

Ещё в этом отрывке воспоминаний интересна оценка «молодых дарований». Она даже не иронична, а беспощадна, конечно, по-своему, как приговор несостоятельности тем, кто взялся за гуж и оказался не дюж. Зато правдива и принципиальна! Творчество – это муки, испытания, целеустремлённость и воля, наконец...

«Вообще-то творческая «молодёжь» была довольно своеобразная – в основном это были седые, лысые, бородатые и усатые дядьки лет за сорок. «Профессионально» (т. е. нигде больше не работая) творить многие из них не могли в силу того, что попасть в творческий союз (и получить возможность сносно жить, не посещая службу)

было очень сложно, так как доступ к кормушке ограничивался плотно обступившими корыто членами этих самых союзов. Поэтому стареющие дарования вынуждены были трудиться, чтобы не умереть с голоду и не сесть за туннельство, – кто в газете, кто в НИИ, кто в кочегарке или котельной, и соответственно к сорока годам не получалось ни тут (на производстве), ни там (в творчестве), видимых успехов не намечалось. Естественно, виновниками были все: и сионисты, угнетающие русский народ, и равнодушный русский народ, деградирующий и разлагающийся в пьянстве и разврате, и коммунисты, недостаточно преследующие сионистов и обманывающие русский народ, и многие другие. Только, естественно, не сами «творцы», несущие в массы свет добра и справедливости и достигшие несомненных творческих высот».¹⁷²

И вот посреди этой массы дарований Дмитрия выделил человек и старше его, и опытнее. Со стороны это было похоже на чудо, но как, оказалось, в последствие «чудо» только подтвердило закономерность! Этим человеком был Пётр Кириченко с его наметанным взглядом на людей и превосходным литературным вкусом. Он выделил Дмитрия, увидев в нём некий запал личности, потенциальные возможности. Он как будто прочёл его ранние, ещё 1982 года стихи «Сожаление», где есть такие строки:

Приходится выбирать дорогу,
Когда хотелось бы пройти тремя!

С таким желанием, можно пройти и по четырём дорогам одновременно!

171 Там же. – С. 372-373.

172 Там же. – С. 373.

«После окончания поэтического семинара, где я читал свои стихи, Пётр неожиданно для меня подошёл познакомиться. Поговорили о моих “творческих успехах” – в смысле публикаций». ¹⁷³

Как-то Чехов сказал Горькому: учитель должен быть артистом, художником, горячо влюблённый в своё дело! Под учителем можно подразумевать и писателя: он тоже воспитывает своих читателей, пробуждая в них чувства добрые. Пётр, – если внимательно вчитаться в строки очерка о нём, – для Дмитрия стал именно такой личностью. И портрет, запечатлённый автором в уважительной тональности, яркое свидетельство тому – так признаются в почтительности младшие старшему, прежде всего, как Учителю:

«...Пётр был старшим товарищем. Тем более он писал прозу, а стало быть, был намного серьёзнее меня. Он не только читал и одобрял (или критиковал) мои стихи, но и помогал мне в том, чтобы они были напечатаны». ¹⁷⁴

Друзья жизненно необходимы людям. Нужно лишь отличать истинное искусство дружбы от желания произвести впечатление, выделиться, поэффектнее себя подать в ущерб содержанию. Каждая неповторимая личность для такого автора, как Дмитрий, в идеале должна отражаться не только в его поэзии, но и прозе – портретной зарисовке или очерке о человеке. Однажды Дмитрий посвятил Петру стихотворение «Позабытый погост...», история посвящения, со слов автора, такова:

«В одну из московских встреч, в 1986 году, Пётр, как всегда категорично, посоветовал мне поступать в Литера-

турный институт <...> Стал чаще и подолгу – по неделе – бывать в Москве. Встречи с Петром стали почти регулярными. В конце 80-х годов он стал сотрудничать, точнее, работать в газете «Русский вестник». Ещё в начале 80-х я написал стихотворение «Позабытый погост»:

Позабытый погост...
Тускло светит луна,
И на тысячи вёрст
Тишина, тишина...

Стихи очень понравились Петру. Во втором номере «Русского вестника» он их опубликовал». ¹⁷⁵

Это стихотворение интересно тем, что в нём выражена тщетность усилий людей доказать что-либо друг другу, иначе бы не было ветхозаветной истории о Каине и Авеле. Финал у стихов замечателен! Почему-то на ум сразу приходит окончание повести «Станционный смотритель» Александра Сергеевича, где рассказчика, оказавшегося на могиле главного героя и оглядывающего окрестности сельского кладбища, осеняет глубокая мысль – голое место, ничем не ограждённое, усеянное деревянными крестами, не осенёнными ни единым деревцем. Трагедия жизни людей заключена, по Пушкину, ни в том, что их не стало, а совсем в ином – на что они потратили свои жизни, стоило ли оно того? Поэтому так тяжёло живой душе: отроду не видал я такого печального кладбища, пишет автор повести.

Тема позабытого погоста найдёт ещё не раз воплощение в поэзии Дмитрия. В стихотворении, что так понравилось Петру, полагаю, подразумеваются и сентиментальные мотивы «Сельского кладбища» в элегии Томаса

173 Там же. – С. 374.

174 Там же. – С. 375.

175 Там же. – С. 379.

Грея, одного из любимцев Василия Жуковского, который, по сути, переосмыслил в своём переводе очень многие важные моменты.

На всех ярится смерть – царя, любимца славы,
 Всех ищет грозная... и некогда найдёт;
 Всемощныя судьбы незыблемы уставы:
 И путь величия ко гробу нас ведёт!

А заканчиваются стихи у Василия Андреевича так:

Прохожий, помолись над этою могилой;
 Он в ней нашёл приют от всех земных тревог;
 Здесь всё оставил он, что в нём греховно было,
 С надеждою, что жив его спаситель-бог.

Пётр Кириченко, безусловно, не смог не оценить этой поэтической переключки. Конечно, у Дмитрия стиль и размер – иные, но стихотворение, на наш взгляд, вполне созвучно элегии Жуковского!

Пётр учил Дмитрия не прожигать жизнь понапрасну, но всегда задавать себе вопросы: правильно ли живёт человек на свете? Дмитрий мысль эту подчеркивает в своём повествовании о друге: «Всегда мучил его вопрос: как же так?»¹⁷⁶

Вторая часть его «Ночніка», что вошла вместе с первой в четвёртый том «Избранного», готовящегося к изданию его нового собрания сочинений, тоже завершается этим большим русским вопросом: «Ну вот почему у нас всё так?»¹⁷⁷

Такой требовательный подход важен был для Дмитрия не только в поэзии, но и в жизни. Пётр для Мизгулина был, безусловно, человеком высокого полёта:

*«Думаю, что профессия лётчика наложила отпечаток на его творчество и прежде всего воспитала чувство ответственности за каждое слово. Он писал так, как прокладывал маршрут на штурманской карте – попробуй ошибись! И, ведя повествование, тщательно сверял в своих рассказах мельчайшие детали как профессионал – важно проверить каждый прибор, каждую гайку, каждый винтик. Он был дисциплинирован в сюжете, в движении мысли – всё было подчинено единой задаче».*¹⁷⁸

Для Дмитрия (хотя в толпе заметил Петра не он, а Пётр – его) важна черта при первой встрече: человек чем-то должен отличаться от других, быть необыкновенным. Таким был отец Виктор. Вспоминая о нём, Дмитрий отмечал:

*«Он обладал ярко выраженными командирскими качествами: постоянно что-то объяснял, направлял, напутствовал».*¹⁷⁹

Теми же чертами отличался Пётр.

«Пётр выделялся из этой пестрой массы рефлексирующих личностей уверенностью в суждениях и в движениях, общей целеустремлённостью. Он держался особняком, ходил в распахнутом настежь тулупе – были такие аналогии русских дублёнок, местный обслуживающий персонал относился к нему с уважением – чувствовали начальство».

176 Там же. – С. 377.

177 Мизгулин Д. А. Ночнік. Публицистика / ред. Александр Смирнов. – СПб.: Второй Петербург, 2016. – С. 187.

178 Мизгулин Д. А. Как провожают самолёты. / Избранные сочинения. – М., 2006. – С. 377.

179 Мизгулин Д. А. Ночнік. – СПб: АПИ, 2010. – С. 115.

Из разговоров я узнал, что Пётр – лётчик, что в Москве он выпустил две книги, а это по тем временам была большая редкость». ¹⁸⁰

Конечно, как не гордиться такими друзьями! У самого Дмитрия талант не только поэтический, но и публицистический. Его записи о товарищах, близких его сердцу, это полу-рассказы, конспекты воспоминаний о сокровенной части своей жизни. Память о друзьях всегда при нём, это не явление, пришедшее вдруг по мании вдохновения со стороны, с исподу – оно выстрадано годами, прожитыми без них, единомышленников, людей близких по духу, и чувство это, как гаран стенобитного орудия, постоянно пробирует стену одиночества.

Товарищи его были старше и мудрее, каждый из них смог принять такую личность, как Дмитрий не по причине какого-либо рационального умысла, а с чистой душой и сердечностью, «ибо много званых, но мало избранных» ... И оба они – Пётр Кириченко и о. Виктор – повлияли на Дмитрия и определённым образом отразились в нём и в его творчестве.

Обычно люди творческие – тщеславные эгоцентрики, не любят, когда кто-то не разделяет их устремлений в искусстве... Дмитрий мыслит и чувствует себя несколько иначе в этой атмосфере – во всяком случае, не мнит себя центром вселенной, поскольку человек православный... Творчество для него – тот огонёк, что должен оживить, отогреть своим теплом собственную грешную душу и рассеять сумрачные настроения других людей. Поэзия – сад с плодами, которые ещё надо уметь вкушать, чтобы самому не отравиться. Этому учил Дмитрия отец Виктор. А Пётр Кириченко личным примером давал понять начинающему писателю:

«... ни на минуту не расслабляясь, не отвлекаясь на мелочную суету», «... всегда хотел сказать о главном». ¹⁸¹

А ЧТО ЛЮБОВЬ?

А что главное в жизни человека? Любовь? Творчество? Благосостояние? Решает, конечно, каждый сам. Но если говорить о любви, – не в тривиальном её понимании, «Любовь – есть Бог!» и – всегда самопожертвование, сгорание, самоотвержение ради ближнего. Любовь к женщине – лишь одно из проявлений великого дара, и писать о нём – большая ответственность. В «Ночнике II» Дмитрий конкретизирует эту свою мысль: «Любовь – это как носилки, надо тащить вдвоём. Тогда просто и удобно. А одному никак. Помучаешься и оставишь». ¹⁸²

По большому счёту у Мизгулина все стихи о любви – любви к красоте этого мира, к своей родной земле, к соотечественникам, к друзьям, к Творцу. Ну, и к женщине тоже...

Первые влюблённости в ранней лирике Дмитрия имеют платонический оттенок, – не зря в лирической героине подчёркивается детскость, а отношения героев не идиллические: между ними постоянно возникают досадные несоответствия: «Ни по чьей вине / Сам в себе пропал. / Ты писала мне – / Писем не читал» (1980). Однако мотив вины сам собой переходит в мотив памяти: «Я буду долго забывать / Твоё лицо глаза и руки» («Письмо», 1985); «И безвозвратно миновали дни, / И этот миг, потерянный тобою, / Когда,

180 Там же. – С. 374.

181 Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. – М., 2006. – С. 378.

182 Мизгулин Д. А. Ночник. Публицистика / ред. Александр Смирнов. – СПб.: Второй Петербург, 2016. – С. 181.

казалось, руку протяни / И встретишься с единственной судьбою» («Взгляд», 1985).

Память, безусловно, в лирике Мизгулина имеет этический характер, и поначалу разлука и забвение мыслится им как измена, предательство.

В толпе торопливых прохожих
Увижу тебя, оглянусь.
И душу наполнит тревожно
Щемящая давняя грусть...
Мерцает твой облик и тает
В заснеженных сумерках дней.
Не память нам изменяет,
А мы изменяем ей.
*(Встреча, 1985)*¹⁸³

Позже образ возлюбленной обращается в воспоминание о прошлом, написанным нежной пастелью, но вернуть его невозможно, как бы прекрасно оно не было:

Нам больше не начать сначала,
Печаль волною унесло.
И станет лёгкою утрата.
И словно не было утрат...
«И ты ни в чём не виновата.
И я ни в чём не виноват».
*(«Да, мы запомним это лето...», 1992)*¹⁸⁴

Воспоминания о любимой по мере пройденных лет начинают соединяться с лирическим пейзажем, приобретаая философский контекст. Лирический герой, несмотря на обидный «груз потерь», вспоминает о том, как когда-то

«Ты постучала в эту дверь». А дальше боль разлуки исцеляет не то чтобы время, но закон природы:

Ноябрь покроем снегом землю,
Мороз – костров развеет дым,
Разлуку долгую приемлю
Под этим небом голубым.

А впрочем, что мне все разлуки?
Слежу за медленной рекой,
Как величаво и без муки
Природа обрела покой.

И над моей страной равнинной
Потянется последний клин,
Прощальным криком журавлиным
Звеня в морозной мгле долин.
*(«Я не считал свои утраты...», 2000)*¹⁸⁵

В другом стихотворении, этого же года, герой, снова возвращаясь к прошлому, вспоминает о нём из далёкой дали прожитых лет, пытаясь объяснить себе забвение быстротечностью жизни:

А была ли ты на самом деле
В миг, когда исчезла навсегда,
Или просто птицы пролетели,
Прозвенела вешняя вода?
.....

И не то чтоб изменила память,
Просто быстро время пронеслось,

183 Там же. – С. 70.
184 Там же. – С. 119.

185 Там же. – С. 139.

Просто очень многое с годами
Заново переживать пришлось.
(«А была ли ты на самом деле», 2000)¹⁸⁶

Таким образом, разлука с любимой не чья-то вина, а драматически осмысляемый закон времени. Возможно ли, остановить время? И что такое образы прошлого, насколько они реальны? Их никогда никому не вернуть! Но ведь лирический герой чего-то всё-таки ожидает:

А было ли на самом деле то,
О чём я вспоминаю до сих пор?!
Навеки наши разошлись пути,
А я гляжу в немую темноту,
И надо бы очнуться и уйти,
А я всё до сих пор чего-то жду...¹⁸⁷

Кроме того, память обращает героя даже не к самим чувствам, пережитым им, а только к мигу расставания:

Но помнит сердце почему-то
Не призрак страсти роковой,
А ту последнюю минуту,
Миг расставания с тобой.
В пустых глазах застыла мука,
Речей полночных глупый вздор.
Любви не помню. А разлука
Волнует сердце до сих пор.¹⁸⁸
(Выделено автором – М. Р.)

Что же такое разлука для лирических героев, которые уже разлюбили и тяготятся встречами: «И встреч былых пустое бремя / Уже обременяет нас?»

Вероятно, разлука – символ временной границы, с которой человек никогда не справится. Он почти загнан в некий промежуток и постоянно возвращается в прошлое, словно разрывая время, замедляя его ход. Это порождает в нём рефлексию, мучает его. Тут любовь уже не причём – проблема вся в желании остановить время, понять, в чём смысл бытия:

«Не забудь меня», – она сказала.
«Не забуду», – он сказал в ответ...
Задремала лодка у причала,
На волнах качнулся лунный след;
И расстались навсегда. Забыли
Эти клятвы, лодку и причал,
Разлетелись в снежно-звёздной пыли
Все концы, начала всех начал.
Пролетела жизнь – а что осталось?¹⁸⁹

Если сравнить это стихотворение с другим, где автор не касается нежных чувств, но выражает душевный раздрай, что не тем занимался, не так живёт, то обнаружим сходство идеи:

Копил ненужные архивы
И накопил к полста годам
Медальки, грамоты и ксивы,
И прочий бесполезный хлам.
А всё стремительно промчалось...
Так что ж осталось от него? –

186 Там же. – С. 139.

187 Мизгулин Д. А. Чужие сны: книга новых стихов (2010–2012) / Сост. и послесловие А. В. Романова. – СПб.: АПИ, 2014. – С. 40.

188 Мизгулин Д. А. Чужие сны: книга новых стихов (2010–2012) / Сост. и послесловие А. В. Романова. – СПб.: АПИ, 2014. – С. 39.

189 Мизгулин Д. А. Чужие сны: книга новых стихов (2010–2012) / Сост. и послесловие А. В. Романова. – СПб.: АПИ, 2014. – С. 44.

Разлук печальная усталость
И, в общем, больше ничего.¹⁹⁰

В стихотворении 2013 года поэт высказывается на этот счёт более определённо, хотя парадоксально, потому что от погибшей, пусть мимолётной любви, как и от погасшей звезды, веет смертью:

А что любовь?
А что любовь?
Промчится,
Развеется, как сон,
Как крик осенней птицы,
Как сосен перезвон.
И пролетит мгновенно,
И осенит слегка,
Как ветра дуновенье,
Как трепет мотылька.
Любовь всегда беспечна...
Ослепит, как звезда,
А вот разлука – вечна,
Разлука – навсегда
Погасшею звездой,
По небосклону дней,
Она – всегда с тобою,
Навек в душе твоей.¹⁹¹

В любовной лирике Дмитрия Мизгулина трудно отыскать стихотворения, где бы страсть изображалась крупным планом. Однако всё это не означает, что «любовные страсти» в лирике вовсе отсутствуют. Это не так! – они есть... другое

дело, как о них пишет автор. Лирический герой однажды перепутал любовь со страстью, а страсть, как известно, – болезнь, грех, бесовское наваждение, которое неизбежно ведёт к страданиям. Так, болезненный опыт порою оборачивается кромешной бездной, из которой герой пытается выбраться. Хорошо, что только порою человек бывает на этой планете по имени «Солярис».

Господь ли свёл, попутал бес, –
Поди тут разбери
С чего бы вдруг выиграла кровь?
Ослепли... И пришла любовь
Навек – в поводыри.
У каждого – своя семья,
Работа, дети, дом, друзья.
Да что тут говорить?
Застынут, молча, у окна...
И чья скажи это вина?
Кого теперь винить?¹⁹²

Конечно, невзыскательному читателю больше бы любовных страданий, его интересует несчастная любовь! Появилось даже новое литературное поколение, которое сбивается в стаи и существует по «бандерложному» принципу. Как здесь не вспомнить киплингговскую «Дорожную песню Бандар-лога»:

Так примыкайте же к нам, прыгающим по ветвям,
Там, где легка и гибка вьётся лоза по стволам.
Путь наш отмечен дымом и громом, что мы издаём.
Верьте, верьте, много славных дел свершить удастся нам!

190 Мизгулин Д. А. Чужие сны: книга новых стихов (2010–2012) / Сост. и послесловие А. В. Романова. – СПб.: АПИ, 2014. – С. 39.

191 Мизгулин Д. А. «Избранные стихотворения». Литературно-худ. изд-е в 3-х т., СПб., 2017 / Избранные стихотворения (2005–2019). – СПб.: Любавич, 2019. – Т. 3. – С. 179.

192 Мизгулин Д. А. Чужие сны: книга новых стихов (2010–2012) / Сост. и послесловие А. В. Романова. – СПб.: АПИ, 2014. – С. 46–47.

Почему-то вдруг вспомнилось, как медведь Балу учил Маугли: у бандерлогов нет Закона, внушал он – бандерлоги – отверженные, у них нет собственного наречия, они пользуются украденными словами. У них не наши обычаи. У них нет памяти. Они уверяют, что они великий народ, но падает орех, и они всё забывают об этом...

Для стаи добродетельные чувства – отстой. Для «бандерлогов» не существует ничего святого. По крайней мере, самое продаваемое на текущий момент для них – не чистая, романтическая любовь, а нечто иное, что занимает первые места в рейтингах продаж. А всё остальное, выходит, и во все не нужно...

Дмитрий в своей лирике никогда не упоминает о любви заведомо несчастной, неразделённой, губительной. У него хоть по-своему драматичный, но все же иной путь. А если союз душ состоялся, то нескромно напоминать об этом другим.

Я развею все твои сомненья,
Самый дорогой мой человек.
Напишу тебе стихотворенье
Как под утро выпал первый снег.
Как кружась во тьме неторопливо,
Перекрасил город в белый цвет.
Как печали осени дождливой
Позабылись и сошли на нет...
Милая, печалиться не стоит,
Посмотри, как этот снег летит.
Пусть моя любовь тебя укроет
От тоски, от мелочных обид.
С первым снегом, с первой порошей
Обретёшь покой в своей душе,
Позвонишь мне – здравствуй, мой хороший.
Где ты? Я соскучилась уже.
И сольются сердца половинки,
Позабыв смятение и страх,

И растают первые снежинки
На твоих ладонях и губах.
Окна, словно свечи зажигались,
И в метельной, снежной кутерьме
В поднебесье ангелы смеялись,
Словно дети, радуясь зиме.¹⁹³

(«Я развею все твои сомненья», 2014)

Для человека верующего покаяние естественно. И в лирике Мизгулина можно найти стихи такого рода, хотя и в юности отношение к возлюбленной было всегда предупредительным, заботливым. Герой всегда чувствует свою какую-то вину, и в адрес героини звучат покаянные слова.

Сколько там – не знаю
Мой продлится путь.
Для тебя, родная,
Мне б пожить чуть-чуть.
Чтобы всё простила
На закате дня.
Чтоб не разлюбила
Грешного – меня.
И в тумане зыбком
Светится слегка
И твоя улыбка,
И моя тоска.¹⁹⁴

(«Жизни коромысло», 2017)

Сравните со стихотворением 1980-го года:

193 Мизгулин Д. А. «Избранные стихотворения». Литературно-худ. изд-е в 3-х т., СПб., 2017 / Избранные стихотворения (2005–2019). – СПб.: Любавич, 2019. – Т. 3. – С. 193.
194 Там же. – С. 226.

Неизвестно, какие утраты
 Нам ещё предстоят в пути.
 Даже если ты виновата,
 Всё равно говорю: «Прости...»¹⁹⁵
 («Наступила пора прощаний», 1980)

Путь блистает млечный,
 В жилах стынет кровь,
 Всё пройдёт, но вечны
 Вера и Любовь.
 И не беспокойся –
 Время – лучший врач.
 Заходи – не бойся,
 Уходя – не плачь.¹⁹⁶

Стоит обратить внимание на то, что во многих стихах к любимой, преобладают образы холодной влаги: снега, «снежной кутерьмы», «зыбкого тумана». Всё это образы, охлаждающие страсти, которым противостоит нечто более важное и ценное – любовь.

В стихотворении «Ты не беспокойся...» мотив холода реализуется в природных образах снега, застывшей реки, наконец, времени, которое – лучший врач от всех людских страстей. От чего же нужно исцелиться? От временных страстишек, затемняющих истинное чувство, которое непреходяще. Трудно сказать, кому адресовано это стихотворение – любимой, другу, а может быть себе? В нём поэт уверяет, что, несмотря на неизбежное путешествие в небытие, остаются вечными «Вера и Любовь»:

Ты не беспокойся.
 Время – лучший врач.
 Заходи – не бойся,
 Уходя – не плачь...
 Что там скажут люди –
 Никому не верь,
 Сердце не остудит
 Снегопад потерь.
 Лишнее отстанет,
 Сгинет не спеша,
 Сердце не обманет,
 Не предаст душа.

Во временной же, земной жизни всё обстоит иначе. Любовь к женщине часто сопряжена с мороком и обманом, поэтому образ лирического героя в глазах его возлюбленной также изменчив: «Был неповторимым, / Стал обыкновенным»; «Был родным до боли, / Стал один из многих»... Чувства, вызванные изменением отношения к лирическому герою, поэт именуется глупостями и страстями.

Всё неумолимо,
 Пролетит мгновенно,
 Был неповторимым,
 Стал обыкновенным.
 Потерялись в поле
 Снежные дороги,
 Был родным до боли,
 Стал один из многих.
 Заблудился ветер,
 Заплутались мысли,
 Что на этом свете
 От меня зависит?
 И скорблю, и маюсь,
 О тебе взыскаю,

195 Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. – М., 2006. – С. 34.

196 Мизгулин Д. А. «Избранные стихотворения». Литературно-худ. изд-е в 3-х т., СПб., 2017 / Избранные стихотворения (2005–2019). – СПб.: Любавич, 2019. – Т. 3. – С. 212:

О тебе печалюсь,
 О тебе тоскую.
 Впрочем, это всё же
 Глупости и страсти,
 Упаси мя Боже
 От такой напасти.
 Чтобы в мире бренном
 Снова стать любимым,
 И обыкновенным,
 И неповторимым...¹⁹⁷
 («Всё неумолимо...», 2014)

Что же касается категорий «обыкновенный» – «необыкновенный», то они приложимы, скорее к земной жизни, потому относительно: с какой стороны и как посмотреть на то или иное событие, явление, человека. Однако поиск в обыкновенном – необыкновенного, неповторимого означает нестандартный взгляд на мир, умение увидеть то, чего не видят другие. Для этого нужно быть поэтом или исследователем, в любом случае, человеком любознательным, умным и добрым. Дмитрий сам интересовался такими людьми, которые «в обыкновенности своей» были просто необыкновенными.

Прав Андрей Романов, тонкий наблюдатель, замечательный поэт, когда писал в послесловии к сборнику «Чужие сны»: «Отпущенная свыше каждому из нас жизнь полна внезапными прозрениями, что, собственно говоря, и делает рядового стихотворца настоящим поэтом.

<...> Творчество Дмитрия Мизгулина, удивительного русского поэта, порой, как мне кажется, не до конца понято основной массой сочиняющих стихи...»¹⁹⁸

197 Мизгулин Д. А. Там же. – С. 197.

198 Мизгулин Д. А. Чужие сны: книга новых стихов (2010–2012) / Сост. и послесловие А. В. Романова. – СПб.: АПИ, 2014. – С. 71.

Глава 7.

АФОН

Кто взыдет на гору Господню?
 Или кто станет на месте
 святее Его? Неповинен руками
 и чист сердцем...

(Кафизма третья.
 Псалом Давиду.
 Единия от суббот, 23.)

Раскрылся железный занавес – и наши соотечественники растеклись по планете в погоне за впечатлениями и иностранными удовольствиями. Дмитрий тоже не раз бывал за границей: то были и деловые поездки, и семейный отдых. Главный же путь, на который его поставила незримая рука Господа с помощью духовного на-

7. Кто можно в доме вернется
 на острове и море и прощай
 в глупости сердца печаль...
 мой помысли не маня

кто верю и что поучил
 о невесте...
 как-то как-то равно...
 один, ну не все ли равно?
 раз
 мне вай... там ~~текст~~
 постепенно

у нас все до ширини окна
 отнес

ставника, был на святую гору под названием Афон, хотя это было не первое его паломничество к святым местам.

Клирик Князь-Владимирского собора в Петербурге отец Виктор написал об этом в предисловии к сборнику поэта «Духов день»: «Автор книги не замыкает свою поэтическую душу в рамки своего собственного воображения и таланта. Но и насыщает её теми благодатными Дарами, которые ниспосылает Господь православным христианам в церковных Таинствах. Он также совершает паломнические поездки по Святым местам, и маршруты их самые разные: это и Святой град Иерусалим, и вечный город Рим, и многочисленные монастыри нашей необъятной родины, ныне восстающие, как птица Феникс из пепла, и, наконец, святая гора Афон».¹⁹⁹

Что это за гора Афон? Мы знаем, что горы в религиях мира имеют сакральный характер. Моисей с горы Синай принёс народу скрижали с десятью заповедями от Бога. Иисус на Фаворской горе открыл ученикам свою божественную природу. Есть свои священные горы у мусульман, индуистов. У православных христиан такой горой является Афон, на ней расположены мужские монастыри, где существуют свои, исключительные правила. Одно из них гласит: женщинам там не разрешено бывать. Дано ли всякому лицу мужского пола посетить это место? Гора – непростая... Кого-то она может просто не пустить даже к подножью, а кого-то призывает и незримо ведёт по своим уступам ввысь. Но самый главный, интересующий нас вопрос: почему Дмитрий Мизгулин отправился на Афон и решил, что это то место, куда нужно стремиться?

199 Мизгулин Д. А. Духов день. – Екатеринбург: Издательство «Сократ», 2006. – С. 5.

*Ужасно мне стыдно в монастырь
идти и принимать участие
в богослужении православных
Филиппов митри,
иосифовские службы
там же... три во митр...
в митр... ирмосы...
5 полноречивых...*

Дмитрий Мизгулин
с митрополитом
Ханты-Мансийским
и Сургутским
Павлом и иерем
о. Антонием после
Божественной
Литургии
в Северной Греции.

СЛУЧАЙНАЯ ВСТРЕЧА

Покорение Дмитрия, появившееся на свет через два десятилетия после Великой Отечественной войны, оказалось в перестроечную эпоху в сложном положении. С одной стороны, оно вступило в трудовую жизнь, когда страна к 1980-м была ещё устойчивым государством со своей идеологией и принципами. А, с другой, душок разложения советской империи уже витал в воздухе. Такие противоречия сопровождались моральным упадком, жизненными растратами, потерями того духовного капитала,

что человеку скопили и сколотили предыдущие поколения. Достижения же его самого – случайны, ибо не может быть закономерности там, где нет духовного совершенствования, где всё достаётся личным опытом отчаяний, надрывов и трагедий. Пространство и время так теснило личность, что она не чувствовала вечности, а, следовательно, обкрадывала свою душу.

После распада державы бывшие советские люди узнали бедность и даже нищету, с тоской вспоминая прежний СССР. В той жизни ада хватало многим, а вот заповедного райского места – не в смысле отдыха! – а спокойствия душевного, надо было ещё потрудиться найти.

Подобные сомнения для невоцерковлённого человека, – что ж, тоже работа мысли! Без неё не дано прийти к окончательному убеждению о смирении собственных гордых страстей, уничтожающих человеческую личность. Лишь бы духовный поиск не перешёл в умствование для того, кто пытается постигнуть божественную мудрость! Талантливому человеку не просто совладать с душою, ибо дар этот, как праздничные белоснежные одежды, которые норовит испачкать на тебе чуть ли не каждый встречный из зависти: от того, что сам носит будничное платье, где пятна не так заметны...

Как большинство русских творческих людей, в ту пору Дмитрий томился во мраке заблуждений. Хоть он человек и достаточно волевой, поставивший цели в жизни, тем не менее, как многие из нас, был подвержен неуправляемым течениям жизни. Ведь и в море житейском случаются бури и водовороты. Источники этих волнений таятся в глубинах, едва ли доступных человеку неверующему, ибо только вера может обуздать стихию природы и заставить человека ходить по водам, не проваливаясь на дно морское.

Мизгулин не планировал поездку на Афон в одиночку, но и на большую компанию тоже не рассчитывал. Так уж случилось, что он и его сотоварищ по путешествию и проводящий, отец Виктор, как-то спонтанно присоединились

к делегации российских священнослужителей-паломников. Наставник Дмитрия о. Виктор, в то время служил в свято-Троицком Соборе при Александро-Невской Лавре. За несколько лет до этой поездки с Дмитрием произошла одна «случайность» – в 1997 году состоялся тур в Италию, отнюдь не паломнического содержания, где именно и произошла встреча со своим будущим проводником по Афону и жизни, отцом Виктором. Выяснилось, что с ним он познакомился ещё четыре года назад.

Это был 1993-й год – во многом переломный для выпускника Литературного института. Тогда Мизгулин был погружён в литературную учёбу и общение со своими собратьями – студентами-заочниками литинститута и его преподавателями. У него к тому времени вышел сборник

Дмитрий Мизгулин
с Виктором
Грозовским
на Афоне.

...когда мы были в Вильно...
...тогда мы были в Вильно...
...тогда мы были в Вильно...
...тогда мы были в Вильно...
...тогда мы были в Вильно...
...тогда мы были в Вильно...
...тогда мы были в Вильно...
...тогда мы были в Вильно...
...тогда мы были в Вильно...
...тогда мы были в Вильно...

рассказов «Три встречи». А за год до этого – сборник стихов «Петербургская вьюга». Именно тогда, будучи уже женатым, Мизгулин зашёл в храм, узнать, что необходимо для венчания? О таинстве исповеди он имел весьма смутные представления:

*«Что это такое, я видел только в кино, где католики, уютно расположившись в кабинках, сокрытые шторкой, рассказывали пастырю, что и как».*²⁰⁰

Именно тогда ему впервые повстречался отец Виктор и принимал у супругов общую исповедь. Однако в Италии они не узнали сразу друг друга...

Там, в городке Анцо, Виктор Грозовский был заметной фигурой в туристической группе питерцев.

*«Широкая окладистая борода и волосы косичкой на затылке, а также непринуждённая манера общения выдавали в нём человека свободной профессии – художника, например, ну никак не священнослужителя».*²⁰¹

В очерке памяти протоирея Виктора Грозовского Мизгулин отмечает: они познакомились заново, разговорившись на рынке, посреди торговых рядов, тянувшихся вдоль набережной:

*«Там мы встретили батюшку, он возвращался из Барри, где поклонялся мощам святителя Николая...»*²⁰²

Как это символично! – один ограничен в ту пору интересами рынка, где торговцы набивают цену своим скоро-

портящимся товарам, другой – возвращается с места поклонения вечным бесценным сокровищам духа.

Есть достойные работники у Бога. Они являются, когда человеку кажется, что всё – погибает! Но именно они даруют сомневающимся свет надежды. В воспоминаниях о протоирее Викторе Грозовском «Живите легко» Мизгулин воссоздал образ человека, не поучавшего, а делившегося своими мыслями и чувствами о вере. Они говорили не только о Церкви, о Кресте, но ещё о многом другом...

*«Батюшка очень любил людей – это нынче большая редкость. И люди отвечали ему тем же».*²⁰³

У истинного священника обычно простоте речений сопутствует кротость тона и добрый, сочувствующий взгляд. При этом он живой человек, а не профессиональный оратор. У таких людей свой подвиг – и нет им успокоения, как и нет у них любования собой... Люди, подобные отцу Виктору, расточают себя – и в этом видят свой долг. С какими только вопросами к нему не обращались – для него не было среди них пустячных, ибо в ответах на них заключалась часть смысла жизни людей их задававших. Поскольку с кем бы священник ни сталкивался, во всех шевелилась душа, а она бесценнее любых предметов, которыми человек пытается овладеть.

Встреча с о. Виктором заставила Дмитрия ещё раз задуматься о таланте человека, ибо он драгоценный дар Божий! Поэтому важно направить его в нужное русло, а не на тщеславные помыслы, губящие душу. Сколько воистину даровитых художников пало жертвой этой страсти! Преодолеть её – трудно, верующий человек это понимает не только головой: сегодня среди многих талантливых людей в искусстве, даже тех, кто регулярно посещает церковь,

200 Мизгулин Д. А. Ночник. – СПб: АПИ, 2010. – С. 116.

201 Там же. – С. 115.

202 Там же. – С. 116.

203 Там же. – С. 121.

дар, вручённый им от Господа, всего лишь средство успеха. Посмотришь на иного успешного творца, когда сытая жизнь его становится предметом зависти для иных менее способных, и удивляешься: каким образом некогда дышавшее порывом творчество вдруг скукожилось под влиянием холодного расчёта? Как сохранить читательскую любовь и при этом не быть орудием чьих-то страстей? Несколько лет назад в разговоре со мной Дмитрий Мизгулин, с благодарностью вспоминая литературный институт, радостные моменты встреч с друзьями, особо подчёркивал: все его товарищи в большинстве своём были просто уверены – Господь спросит с каждого, как тот распорядился талантом! И не просто спросит – строго накажет, если кто-то покривил душой! За всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься (Матф. XII, 36–37).

Какова она, высокая тайна Божественного создания, и что из себя должен представлять человек на самом высоком духовном уровне? Откуда брать ответы на насущные вопросы? Где набраться мудрости, если исходный материал бывает низок и непригляден? Наверное, литература, в идеале должна стать чистилищем души... Отец Виктор обращал внимание Дмитрия на главное: без Божией благодати невозможно никакое спасительное творчество.²⁰⁴ Священник подчёркивал: какой бы тревогой не была озабочена душа пишущего, она должна дышать покоем, она обязана сохранять не только собственную чистоту таланта, но и позаботиться о поклонниках. Ибо художник «предлагает нам себя как друг, как брат, готовый поделиться тем теплом и отзывчивостью, которые благословил ему Господь».²⁰⁵

204 Мизгулин Д. А. Духов день. – Екатеринбург: Издательство «Сократ», 2006. – С. 3.

205 Мизгулин Д. А. Духов день. – Екатеринбург: Издательство «Сократ», 2006. – С. 4-5.

Из доверительных бесед Дмитрий узнавал главное для себя: кому-то простится многое, но только не тому, кто пытается быть кумиром масс, возвеличиваясь над ними. Конечно, постижение миссии писателя пришло гораздо позже, но поездка в Грецию, к Святым местам прояснила тоже немало... Сразу же после неё, в 1998 году, был создан путевой очерк «Под покровом игуменьи горы Афонской», состоящей из трёх частей «Солунь», «Афон», «Афины».

Когда читаешь документальные рассказы о посещении Дмитрием Мизгулиным этих мест, невольно начинаешь разделять восхищение автора происходившими там подвигами веры и чудесами. Убедиться в некоторых из них пришлось ему самому:

Афон – гора и крупнейшее в мире средоточие православного монашества на полуострове Айон-Орос на северо-восточном побережье Греции, между заливами Айон-Орос и Иерисос Эгейского моря.

кхх

офо саме

*неизучив восток не спавше,
сон и афон предмиссия
нет диаметри
аллохонно, восток и сиринго,
не фригидри или и соняковски
повысая восток и афон
интерактивна канваф.*

«В Григориате случилась незадача: нигде не могли отыскать монаха, отвечающего за хранение мощей; служба закончилась, и все иноки разошлись по кельям. Подождав немного, мы уж было собрались уходить, когда кто-то из наших отцов предложил перед уходом пропеть акафист святителю. Только произнесены были последние слова, как монах появился в храме, будто нас только и искал... На прощанье он подарил нам несколько книг на русском языке — молитвослов, евангелие и другие духовные произведения».²⁰⁶

А в Солуни Дмитрий убедился, что Господь наказывает за пренебрежение к святыням, ради которых, собственно, всё было и затеяно.

«В следующий день нашего путешествия мы с Виктором присоединились к компании москвичей – о. Г. и о. И. из Подмосковья и сопровождавших их молодых людей. В предместьях Салоник посетили два монастыря, в одном из которых хранятся мощи Анастасии Узорешительницы, а в конце пребывания в городе заехали в кафедральный собор, поклониться мощам св. Григория Паламы. Тут нам и напомнил о себе Господь. Отцы поначалу решили завернуть не в храм, а в резиденцию епископа, чтобы решить какие-то административные вопросы, мы же проследовали в церковь. После посещения сели в церковном садике дожидаться попутчиков, а церковь немного погодя закрыли. Чуть позже подоспели отцы, так и не решив своих вопросов. Подождали, пока позволяло время, да и потом ушли ни с чем, вместе со всеми, так и не допущенные до святыни».²⁰⁷

Эти два фрагмента явственно свидетельствуют – автор путевых записок видит в земных событиях высший промысел. Ему, как публицисту, необходимо было проявление Божьей воли, а не своих энциклопедических знаний об этом святом месте. Потому-то эти заметки написаны просто и убедительно. Для верующего человека всё в них важно, хотя, казалось бы, здесь не содержится чего-то необычайного, экзотического, сверхсенсационного, ибо повествование ведётся «ординарно» – буднично и бесстрастно. На первый взгляд, информационно-познавательный элемент преобладает в паломнических записках:

*«Таможенник внимательно изучает наши визы – там отмечено, что мы прибыли по приглашению архимандрита Прокопия, секретаря иностранной комиссии синода Греческой церкви. Привычно ставит штемпель и, отдав паспорта, приветливо машет рукой: «В добрый путь». Мы в Греции».*²⁰⁸

Однако очерк Дмитрия нельзя назвать совсем уж бесстрастным: текст полон лиризма, сердечности, скрытого волнения и преклонения перед людьми, посвятившими себя Господу. В нём нет ни слова о страданиях человеческих, только свидетельства того, что запечатлел автор своим взглядом, но почему-то, знакомясь с описаниями монашеского быта и распорядком дня, приходишь к однозначному выводу: только через страдание приходит истина. Она плод горьких размышлений, мыслить о себе всегда непросто, гораздо легче судить других людей. На то и писатель, чтобы разбираться в запутанных вещах...

206 Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. Под покровом игуменьи горы Афонской. – С. 387-417. – С. 410.

207 Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. Там же. – С. 389.

208 Там же. – С. 387.

ЧТО ТАКОЕ АФОН?

Сказать, что Афон – древняя цитадель православия – ничего не сказать! Здесь, кажется, любая молитва легко доходит до Господа! На Афоне нет земной напряжённости, проявляющейся в угаре борьбы – и всего того, что уводит нас от Бога. Духовный мир человечества непоколебимей, чем политический! Здесь сохранили искру Божию. И этот огонёк духовный радует, согревает и очищает сердца паломников.

Знакомись с описанием Афона и удивляешься: здесь совершенно иные принципы жизни: кто обидит – не сердись, имя знаешь – помолись; крест – наша охрана, снимать крестик должно только с головой; молись, проси Господа, и Господь всё устроит... Один из старцев, подвизавшихся там, говаривал мирянам, посещавшим его обитель: не пребывайте в злобе, ибо Бог не живёт там, где злоба и гнев. У каждого человека есть дар Божий и благодать, но, если не пребывать в любви к людям, эти дары так и останутся бездейственными.

Путешествовать здесь иначе нельзя, как прислушиваясь к голосу своего ангела-хранителя, ибо продвижение вперёд может осуществляться лишь при условии, что паломник всё приемлет и любит, но ни к чему не привязывается, принимая от встретившихся на пути монахов незримый духовный свет. Он исходит не только от тех, кто живёт и молится в здешних монастырях. Божья печать запечатлена на руинах и камнях, которые на своём веку повидали немало событий, составивших легендарную историю полуострова. Что говорить об иконах, святых мощах и достопримечательностях этой Святой земли! Для паломника везде памятные духовные места, история которых начиналась с 49 года от рождения Христова.

Любовь – это всё, чем обладают монахи и чем могут помочь ближнему. Они счастливы от того, что несут в серд-

це свет Православия и скромно, как могут, служат Богу и людям добрым, участливым Словом. От общения с ними паломники ощущают благодать – духовную награду за призвание их Господом на избранное поприще. Доброжелательность бросается в глаза при встрече с афонской братией, это особого рода приветливость, без какого-либо угодничества.

Читая о том, как протекает монашеская жизнь Святой земли, вдруг приходит на ум утверждение Гегеля применительно к закономерностям монастырского бытия: всё действительное разумно, а всё разумное действительно. Подразумевается в первую очередь духовное начало: ведь всё, что происходит в православном мире, происходит неспроста. В монастырях и скитах наблюдается во всём порядок и гармония. Люди живут наедине с природой и не пытаются её закабалить, понимая мудрость целесообразности... Там одухотворено всё: леса, горы и монастырские постройки. Монахи стремятся не к тому, чтобы добиться успеха, для них важнее, чтобы жизнь имела смысл.

Здесь всё – живая реальность, которую не следует сильно преобразовывать, ибо лучше меньше знать и больше любить, чем больше знать и не любить, и потому бездумно жертвовать окружающей первозданностью...

О. Виктор был прав, когда писал в предисловие, что автор насыщает свою душу благодатными Дарами, которые ниспосылает ему Господь.²⁰⁹

Сам поэт, вернувшись с Афона, признается в этом читателям:

209 Мизгулин Д. А. Духов день. – Екатеринбург: Издательство «Сократ», 2006. – С. 5.

Смахну беспамятства слезу
Тяжёлою рукой,
Домой с Афона привезу
Молитву и покой.²¹⁰

«Все монастыри на Афоне общежительные, по-гречески такой монастырь называется «киновия». Все монахи равны между собой, всё имущество монастыря – общее, монахи носят одинаковую одежду, не имеют собственности, вместе трапезничают и посещают богослужения.

Игумен монастыря является единственным начальником у монахов, братия должна беспрекословно выполнять его указания...»²¹¹

Основным способом познания мира для монахов является вера.

Господь сотворил этот мир, а человек по своему желанию должен выбрать в нём сокровища – материальные или духовные. Люди на Афоне уже сделали свой выбор. Мышление человека верующего не лишено определённого символизма. Поэтому не только слова священного Писания рассматриваются ими, как определённый знак, требующий особого толкования, интерпретации. Бог своей книгой природы, по их мнению, много хочет сказать человечеству, предупредить его о надвигающейся опасности. Афон для этого – самое подходящее место, напрямую связанное с духовным. Здесь, кажется, всё животворит, притекает к вечному, поскольку жаждет просветления и очищения. Да имеющий уши, услышит, а зрячий – увидит и сделает выводы! Но утлая лодка технического прогресса, раскрепостившего общество, в океане времени избрала совсем иной курс – Святая Земля ей не указ...

210 Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. – С. 188.

211 Там же. – С. 392.

Почему-то после знакомства с размышлениями автора об Афоне вспоминается Данте и его «Божественная комедия». На святой горе, как когда-то, в средневековом мире, течёт полноводная жизнь истинной христианской культуры. Афон своего рода чистилище для прибывающих из того мира, что лежит во зле, где нет ни праведности, ни любви к ближнему. Многие паломники охвачены безбольной скорбью, словно прибыли из Лимба, первого круга дантовского ада. Лимб – место, где пребывают души тех, кто в неправедных делах уличён не был, но умер некрещённым или не знал о существовании христианства по вполне объективным причинам, – там средневековый художник поместил выдающихся людей античности.

Когда Дмитрий посетил Афон, он был зрелым, вполне состоявшимся человеком, входившим в возраст акме. Поэтому к нему вполне можно было применить строки Данте:

Земную жизнь пройдя до половины,
Я очутился в сумрачном лесу,
Утратив правый путь во тьме долины...

Если под лесом подразумевать беспросветные метания в жизни человека, а под символическими тварями, преграждающими путь навверх, сластолюбие, честолюбие и корыстолюбие, то современный человек недалеко ушёл от средневекового понимания действительности. Впрочем, к пантере (рыси), льву и волчице можно присовокупить ещё немало зверей, символизирующих пороки современного общества. Тот, кто сумел не испугаться и вступить в схватку с хищниками, попадает из обители зла на Афон. Поэтому паломники, устремившиеся туда, ищут для себя не только просветления, но и жаждут смирения страстям, бушующих в них. Не надо гневаться на окружающих, искать похвал собственным деяниям: лучше обратить гнев на свои недостатки, и не обвинять в грехах других людей. Это и есть нравственная точка опоры для того, чтобы изме-

нить мир и свою реальность, ибо другого средства просто нет. Чтобы твёрдо стоять на земле и знать наверняка, чего ты хочешь от жизни, надо обладать внутренней упорядоченностью, а её-то как раз и не хватает, потому миряне обращают внимание на устройство человеческого бытия на Афоне.

Герой очерка незримо впитывает в себя чувства многих паломников, попавших в иное измерение времени и пространства:

*«...время на Афоне определяется совсем иначе, чем в Европе, и называется «византийским». Отсчёт идёт с заката солнца – в это время стрелку устанавливают на полночь – и так каждый день. По этому времени монахи и живут, хотя для нас этот режим несколько необычен, так как разрыв с европейским временем достигает около четырёх часов».*²¹²

Получается, что на Афоне время, а, следовательно, история, движутся совершенно иначе, чем в миру, поскольку Святая гора носит название Удела Божьей Матери. Дмитрий уже на первой странице обращает внимание на это:

«Когда Святые Апостолы бросали в Иерусалиме жребий, кому в какую страну ехать для проповеди Слова Божьего, пожелала бросить жребий и Пресвятая Богородица. Ей выпал путь в Иверию. Но Ангел, явившийся Ей ночью, возвестил об иной участи. Между тем епископ острова Кипр пригласил Богородицу на свой остров. Присланный за ней корабль попал в бурю и чудесным образом оказался у берегов Афона. Тогда на полуострове жили язычники, а на горе Афон возвышалась статуя Аполлона. Покидая остров, совершив множество чудес и обратив язычников в истинную

*веру, Богородица произнесла пророческие слова: “Сие место будет Мне в жребий, данный Мне от Сына Моего. Благодать Божия да пребудет на месте сем и на пребывающих здесь с верою и сохраняющих заповеди Сына Моего. Потребное к житию будет дано им малым трудом в изобилии, жизнь небесная им уготовится и не оскудеет милость Сына Моего от часа сего и до скончания века. Я же буду Заступница месту сему и теплая о нем Ходатаица”.*²¹³

Время здесь – особое. Людям верующим оно предоставляет возможность исполнения божественного замысла о спасении человечества. Старцы Афона учат: человек начинает жить тогда, когда ему удаётся превзойти самого себя. Другими словами, исправить свои ошибки.

Всей же истории приписывается сакральный характер благодаря божественному провидению (провиденциализму). Грешный первый круг ада у Данте Алигьери поэтому наполнен не только не успевшими получить крещения младенцами, но и людьми праведными, способствовавшими развитию человечества, но умершими в дохристианский период всемирной истории.

Христианская эра – финальная стадия в развитии человечества, рано или поздно, но она приведёт к торжеству царствия Божьего на земле. А поскольку царство небесное – вечность, которая не имеет начала и конца, в отличие от времени в общепринятом смысле, то грешный земной град на земле, по учению блаженного Аврелия Августина, имеет свой предел. Его время – это колесо, катящееся в вечность! Поэтому благочестивый христианин не ропщет ни на время, ни на жизнь, ни на смерть: он тихо и спокойно продолжает свой путь, не нарушая законов природы.

Неприметность течения времени заключается ни в одной благодетельности человека, он, прежде всего, личность

212 Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. – М., 2006. – С. 396.

213 Там же. – С. 390-391.

верующая, и поэтому дорожающая каждой своей минутой на земле. Тот же, кто убивал раньше время и теперь сожалеет об этом, должен остаток жизни посвятить искуплению грехов и заботе о благе ближних. Для него время – река, выбрасывающая человека в устье – вечность. Поэтому людям, – считал Августин, – надо помнить, что они ходят по могилам своих предшественников, пока сами там не окажутся, канув в бездну. Время само по себе есть ничто, но цена ему – вечность, учил отец патристики. И эта вечность может исторгнуть человека после смерти в блаженство или мучения...

Мысли эти, переведённые на русский язык князем Николаем Борисовичем Голицыным, писателем, музыкантом и меценатом, появились в «Афонских листках» позапрошлого столетия под названием «Время: (Из творений блаженного Августина, епископа Иппонийского)». Издавал «листки» Афонский Русский Пантелеймонов монастырь. На Афоне помнят об этом... и пытаются остатком жизни выкупить у вечности благой удел. Монахи понимают: жизнь наша ограничена рамками, предусмотренного Богом плана спасения человеков. Поэтому судьба каждого из ныне живущих – не метафизика и круговорот, а «стрела времени» нацеленная в вечность. Каждая индивидуальность обладает творческим началом, возможностью раскрытия способностей человека. Надо только использовать их не против себя и Господа и не ввергнуться в хаос.

Рационализм, захвативший в плен часть общества 1990-х, привёл людей к разрушительной рассудочности, отвлек от других познавательных сил, лишив былой добросердечности, а, следовательно, и духовного бытия. Церковь спасла многих от подобной напасти благодаря учениям своих святых Отцов. В ней христиане ищут ответы на свои большие вопросы ума и сердца, поэтому каким же заповедным местом представлялся во все века россиянам Афон!

На Афоне на какое-то время забывается земная обыденность, приглушается трагическое чувство расколотости об-

щества и постоянного трагизма, витающего вокруг. Здесь отдыхает душа, созерцая красоты природы и архитектуры. Паломников постоянно окружает в монастырях приветливость и забота, их взорам открываются совсем иные люди, нежели окружали их в миру. Однако не следует забывать, что до прихода в обитель они также были теми же мирянами... Только здесь, посвятив себя духовной жизни, приняв монашеский постриг и поменяв своё имя, они стали друзьями... Поэтому автор путевых записок искренне удивляется тем, кто не желает прикоснуться к этому чуду преображения:

«Рабочие, в основном греки, уже с раннего утра хлопают дверьми, суетятся, громко кричат. Кое-где около куч строительного мусора – пустые пивные бутылки и окурки... Вот уж действительно неисповедимы пути Господни! Кто-то едет издалека к Святыням, кто-то живёт рядом с ними, и не факт, что заходит в церковь даже по праздникам... Во всяком случае, мало кого из рабочих я встречал в храме позднее...»²¹⁴

Встретившиеся на пути Дмитрия служители монастырей глубоко симпатичны ему одновременно своей простотой и причастностью к тайне бытия. Портрет одного из них, отца Филарета, выписан, несмотря на краткость весьма живо:

«пожилой, но очень подвижный монах с весёлым прищуром умных голубых глаз, язвительный на язык, но довольно строгий и категоричный в суждениях. На Афоне он уже более двадцати лет, знает здесь всё и всех – причём не только в русском монастыре».²¹⁵

214 Там же. – С. 393-394.

215 Там же. – С. 397.

Этот человек в суете земных дел не утрачивает сознания главного, божественного смысла своего служения. Здесь Дмитрий, кстати, подчёркивает: в монастыре служба длится по 10-12 часов, монахи устают и засыпают, «поэтому во время всенощного бдения эликсиарх будит их, трогая за плечо».²¹⁶ Кроме наблюдения за порядком богослужения в монастыре, лицо это уполномочено следить за охраной и чистотой храма. Ещё один портрет.

*«Там же встречаем архимандрита Иремию – игумена монастыря. В простой шапочке, без клобука, он кажется не таким величественным, как на службе или в трапезной, но не может не поражать глубокий, спокойный, умиротворённый взгляд его глаз, добрая и мудрая улыбка».*²¹⁷

В этих людях привлекает умение найти общий язык с каждым из паломников, цельность духовного и телесного. И хоть внешне перед нами совсем не героические личности – так спокойны и не броски их фигуры! – однако каждый из них несёт в себе Голгофу не только за себя, но и братию, оставляя при этом у паломников жизнерадостные впечатления своими улыбающимися глазами...

Паломники для Афона – «мир», который может быть утомительным, иной раз назойливым в своём удивлении чистоте духовной жизни. Но ни один монах не подаст виду, поскольку каждый из братии старается мысленно обращаться к прибывшим, как некогда обращался к гостям преподобный Серафим Саровский, вышедший из затвора: «Радость моя!» В этом и заключено афонское гостеприимство. Они всегда приветливы, не поучают, ничего не навязывают. Если спросишь, просто повествуют о себе. У них всегда всё хорошо, нечего Господа гневить!

216 Там же. – С. 398.

217 Там же. – С. 408.

Чем дольше идёт человек по пути духовной жизни, преодолевая ямы и кручи, тем выше поднимается в своём развитии. А это означает только одно: он кажется себе всё греховней и ничтожнее рядом с миром Царствия Божия, открывающегося ему. Он лучше различает свои слабости и несовершенства.

В четвёртом томе «Избранного», готовящегося пятитомника собраний сочинений Дмитрия Мизгулина, где будут опубликованы «Ночник I» и «Ночник II», прочёл запись, весьма отрезвляющую. Наверное, сведения эти получены не просто так, а чтобы человек не слишком искушался идеализацией монастырской жизни.

«В монастыре на Афоне разговорился с монахом и узнал с удивлением, что бывали случаи краж икон и священных предметов, в том числе монахами.

– Монахами? – удивился я.

И услышал ответ:

*– Они же люди, а не ангелы. Они пришли сюда, чтобы стать ангелами, но не у всех получается».*²¹⁸

На Афоне, верно, есть и особенно необыкновенные старцы. Они молятся, в том числе и за нас, в скитах или отдалённых кельях. Взглянешь на такого батюшку – еле-еле душа в теле, всем своим видом он как бы извиняется перед нами за то, что существует. Тихие и особенные старички – ещё один штрих к афонской картине жизни... Когда-нибудь и о них напишет Дмитрий. А я задумываюсь, закрываю глаза – и мне эти старцы начинают напоминать нашего преподобного отца Серафима, саровского чудотворца. В его скромности тоже было немало таинственного. И я ни в коей мере не сомневаюсь: мед-

218 Мизгулин Д. А. Ночник. Публицистика / ред. Александр Смирнов. – СПб.: Второй Петербург, 2016. – С. 159.

ведь приходил к нему с рук кормиться и птички сидели на плечах его...

Читаю у Дмитрия в очерке об Афоне: там кроме монастырей ещё «12 скитов и около 500 келий, все они находятся в строгой зависимости от монастырей».²¹⁹

Представляю себе, как были наполнены дни у паломников на Афоне, если они дошли до некоторых из них! Мирским гостям добровольно пришлось отклонять в этих местах всё, чем жили до этого – и я не думаю, что они пожалели об этом! Хотя и не так-то легко снять одежду, к тебе приросшую. В миру всё иначе – и одинаковость бывает, и пустота: все хлопочем и отхлопатываем, а здесь, на Святой Земле, человек переполнен открытиями для себя. Потому и время протекает не так – без суеты и безделья, с пользой для души.

В первый же день пребывания на Афоне Дмитрий всерьёз задумался о смерти, будто ангел отвалил камень в пещеру. Это ощущение, очевидно, пришло к нему, когда он спустился к месту упокоения монашеской братии:

«В склепе тишина, все почему-то разом читают нехитрую надпись на стене:

Помни, всякий брат,
Что мы были, как вы,
А вы будете, как мы...

Молча зажигаем свечи. Отцы служат литию... Отчего-то легко, нет совсем чувства тяжести или тревоги...»²²⁰

Молитвы тихие слова
И колокольный звон,

219 Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. – М., 2006. – С. 392.

220 Там же. – С. 399.

И доносящийся едва
Чуть слышный шелест волн.
Скупые отблески зари,
Светлеющий простор,
И в облаках – монастыри,
Как силуэты гор.²²¹

Так просто написано, по сути, о главном в нашей судьбе – переходе в иную жизнь. У Дмитрия эти мысли связаны с упованием на милость Божию. Как провиденциалист, он верит: его судьба находится в руках Всевышнего, и он только может молить о великой милости в исполнении предначертанного. Но при этом,

221 Там же. – С.187.

Монастырь
Святого
Пантелеймона
на Афоне.

*сиротской
цветочной, розной
мелкой
всё, по мере сил
на свете
О чём-то
там было
кто-то
и души нечуждые
надежды в нас
в ней же, порой не...*

каждый из нас хозяин своей судьбы – быть ближе к Господу своим духом или, наоборот, отвергнуть Его покровительство, предусматривающее спасение души.

Кто-то из рационалистов назовёт путешествия к Святым местам проявлениями крайнего культа и посему заблуждением. Сознанию атеиста чужды поклонения святым и религиозным артефактам. Но русский человек, как мне кажется, не может быть до конца таковым!

АФОН КАК РУССКАЯ СВАТЫНЯ

Обычно паломники из России своё посещение Афона начинают с русской обители. Собственно, определение «обитель» к этому сооружению не совсем и подходит, поскольку слово это подразумевает весьма скромные размеры... Русский монастырь Святого Пантелеймона совсем не таков! Вот как описывает его автор:

«...он легко отличим от других монастырей. Высоко взметнулись в небо изумрудно-зелёные луковки куполов белоснежных храмов, со сверкающими на солнце золотыми крестами. Внешне монастырь отличается от греческих, во-первых, довольно многочисленными постройками за крепостными стенами монастыря, а во-вторых, прямо на берегу возвышается здание большой монастырской гостиницы или, по-гречески, «фондарик».²²²

Раньше он принадлежал грекам. Они свой первый монастырь возвели ещё в 963 году! Сегодня это – Великая

Лавра. Её устроителем стал Афанасий Афонский. А вот монастырский комплекс в честь целителя Пантелеймона не сразу стал таковым, каким предстал перед русскими паломниками:

«По преданию русский монастырь создан на Афоне во времена Святого равноапостольного Владимира, после принятия христианства на Руси».²²³

Первое известное упоминание о нем относится к 1016 году. Это официальная дата: в библиотеке Великой Лавры Афанасия Афонского найден документ с подписями игуменов всех монастырей Святой Горы того времени. Среди них есть такая запись: «Γεράσιμος μοναχὸς ἐλέσθη τοῦ πρεσβυτέρου καὶ ἡγουμένου τῆς μονῆς τοῦ Ῥῶς μαρτυρῶν ὑπέγραψα ἰδιοχείρως». Переводится она с греческого таким образом: «Герасим – монах, милостью Божией, пресвитер и игумен монастыря русских. Собственноручная подпись».

Именно тогда-то и наполняется афонский монастырь Ксилургу русской братией, игуменом которого становится отец Герасим.

Первая русская обитель была посвящена Пресвятой Богородице.

Монастырь расширялся, и в 1169 году переместился в обитель «Фессалоникийца» (ныне известен как «Старый Русик»), – Святого Пантелеймона. Территория эта раньше принадлежала грекам, но количество русских монахов через столетие настолько возросло, что понадобилась ещё одна обитель. Одновременно русским инокам выделялись и кельи в столице Афона – Карьес. Не остался заброшенным и прежний монастырь: там был скит, посвящённый Пресвятой Богородице.

222 Там же. – С. 393.

223 Там же. – С. 394.

*«Многовековая история монастыря бесстрастно отмечает и радостные и горестные события... О ранней истории монастыря известно мало – сильный пожар в XIII веке уничтожил все письменные документы».*²²⁴

И тем самым он, как бы стёр столетия и легенды. Поэтому монахи рассказывают о своих далёких предшественниках, как о старых знакомых, с которыми встречались едва ли не вчера....

Русское монашеское братство просуществовало там семьсот лет. Сюда, от монголо-татарского нашествия, вывозились драгоценные реликвии русской духовной культуры: иконы, рукописи, церковная утварь. Новые поколения иноков, прибывшие из русских княжеств, возводили кельи, новые скиты, соборы и монастыри. Они привозили с собой даже родную землю в мешках под огороды и сады.

Активные связи между Афоном и Русью возрождаются с назначением в 1375 году митрополитом Киевским святителя Киприана, ученика и последователя традиций афонских старцев-исихастов. Тогда на Русь прибывали афонские подвижники, переводившие православные книги на русский язык.

С воцарением сына Ивана Грозного, кроткого и богомольного Фёдора, в конце XVI века первый русский патриарх Иов открывает сбор пожертвований для русского святогорского монастыря.

Новый расцвет монастыря связан с переходом русского братства из обители «Фессалоникийца» в новый центр, туда, где теперь находится нынешний монастырь Святого Пантелеймона. В девятнадцатом столетии Афон посещают Великие Князья: в сороковые годы – Константин Николаевич (после чего обитель пополняет-

ся новыми монахами из Российской империи), в 1869 году – Алексей Александрович, а в 1881-м – Константин Константинович. По заведённой традиции, монастырь предоставлял ночлег каждому, кто постучал в его ворота, давал пропитание. Русские паломники не оставались в долгу.

Язык повествования в очерке о Святых местах можно сравнить с выражением души автора, которая ещё живет былыми впечатлениями. Свои чувства она выплёскивает не просто словами, а смыслами, облачёнными в художественную ризу духа верующего человека. Они обладают душевными и духовными значениями для читателей. Иного одеяния и не может быть у языка, когда речь заходит об Афоне. Так бывает, когда человек дышит одним воздухом со святыми людьми на этой земле: у Господа нет мёртвых, все живые...

Афон для Дмитрия – скрытый хребет мира, на котором до сих пор удерживается человечество, поскольку там почитет Свет Божий. Но разглядеть необычное, казалось бы, в обычном, дано не каждому – только личности, обладающей даром творческого созерцания. Люди духовные здесь стараются постигать действительность такую, какой создал её Господь. Иначе она и не может по-другому открыться сердцу истинно верующему! Христианское приятие миротворения нельзя представить без гармоничного единения с целым, даже если при этом ёмкость мироощущения у всех людей разная. Важно, чтобы всё это приводило человека к уравновешенности в познании природы, являя собой воплощение меры. Сама монастырская жизнь подразумевает определённую мерность, эта одна из традиций православной Церкви.

Автор иллюстрирует своё наблюдение простыми примерами:

224 Там же. – С. 394.

«В монастыре встречаем русского послушника. Он не молод – ему уже за сорок. Нам искренне рад, ведёт нас показывать главный храм обители, провожает до ворот...»²²⁵;

«К монастырю ведёт пыльная дорога. Сначала отправляемся пешком, потом, минутах в пяти у развилки встречаем монахов, ремонтирующих небольшой грузовичок. Здороваемся. Оказывается, монахи из Хиландара. Узнав, что мы русские, они искренне радуются...»²²⁶

«Получаем благословение и просим сфотографироваться на память. Отцы не возражают, дарят нам на память фотографии монастыря, иконы, памятные открытки...»²²⁷

Если бы многие нынешние деятели не только на ниве народного просвещения постигали служение людям так же, как молятся афонские монахи Господу, то общество наше не было бы столь разобщено и озлоблено...

Встречаемых на своем пути монахов, Дмитрий описывает без лишних подробностей, скупыми чертами, ибо для них важнее быть обыкновенными людьми, а не изображать исключительных подвижников веры. Всё это даёт повод читателю задуматься о состоянии своей души, которая подспудно всегда устремлена к горнему. И здесь в монастырских кельях любому заезжему художнику есть чему поучиться, каким бы талантливым и удачливым он себя не ощущал.

Дмитрий приводит пример содержания росписи фресок в одном из афонских храмов. Это не просто своеобразные иллюстрации к истории человечества, но и предупреждение о грядущей катастрофе, если оно не одумается.

«А немного погодя мы уже приблизились к Дионисиату, величественно возвышающемуся над морем и кажущемуся высеченным из скалы, служащей ему основанием... Этот сравнительно молодой монастырь был основан в середине XIV века.

Немного отдыхаем и длинной галереей направляемся в соборный храм Рождения Иоанна Предтечи. На стенах – фрески, изображающие различные страницы из жизни человечества – войны, взятие крепостей, пожары, кораблекрушения, лики святых...

В конце монах обращает наше внимание на изображение огромного взрыва – говорят, это предвидение чернобыльской катастрофы. Фрескам чуть более двухсот лет, но ничего невероятного нет, ибо действительно всё, что делал человек в этой жизни, называя это прогрессом и облегчая себе существование, как ему казалось, только удаляло его от Бога и Природы, а стало быть, было постоянно во вред».²²⁸

У редкого художника не бывает глубочайшего внутреннего конфликта между духовными устремлениями и писательским даром. Важно не только понять себя и прийти к примирению с самим собой, но и постигнуть собственное несовершенство со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Когда мучимый подобными противоречиями Николай Васильевич Гоголь вернулся из Палестины, он подчеркнул в письме Василию Андреевичу Жуковскому: путешествие к Гробу Спасителя было предпринято им, чтобы узнать лично и как бы узреть собственными глазами, как велика чёрствость его сердца. Гоголь признавался: да, она велика, эта чёрствость, ибо ночь у Гроба Господня и приобщение от Святых Тайн, стоящих на самом Гробе вместо алтаря, не помогли ему стать лучше, и всё земное не сгорело окон-

225 Там же. – С. 402.

226 Там же. – С. 402.

227 Там же. – С. 408.

228 Там же. – С. 409-410.

чательно, оставив место одному небесному. Очень жалел Гоголь о том, что не побывал на Афоне. Может быть, тогда отечественная словесность обогатилась ещё одним значительным произведением русской литературы!

Сам Дмитрий Мизгулин только спустя три года оставил поэтический отзыв о «своём» Афоне. Много, очевидно, надо было переосмыслить, почувствовать, принять... А для этого нужно время, очищенное от суеты и погони за хлебом насущным. Когда поэт писал «афонские» строки своего стихотворения, вновь ощущал, наверное, чувства, охватившие его наедине с этим горнем миром:

«Выхожу проветриться на деревянный скрипучий балкон, который прямо-таки висит в воздухе над густо-зелёными стройными кипарисами. Надо мной – жаркое, голубое небо, вдалеке сверкает тёмно-бирюзовое море, и, кажется, ты один в этом благостном мире...»²²⁹

Читаю стихи Дмитрия Мизгулина того периода и мне передаётся его боль человека и гражданина:

Который год нас бури носят.
Ужели нас оставил Бог?
А за окном – всё та же осень.
Застывший пруд. Забытый стог.

...И ты, печальный очевидец,
Поймёшь – не ту открыли дверь.
Дурак ты или ясновидец –
Какая разница теперь.²³⁰

229 Там же. – С. 408.

230 Там же. – С. 128.

Дмитрий посетил Афон в ту пору, когда русская культура и отечественная словесность оказались расколотыми. Часть интеллигенции, презиравшей «Совок» и преклонявшейся перед западной демократией и прогрессом, была настолько к тому времени оторвана от родной почвы, что «иллюзия российского Запада» заполонила всё её воображение. Однако тот чуждый мир не пускал большинство русских граждан дальше своих задворков. Но понимание того, что за граница нам не поможет – приходит не сразу. В год посещения Афона, у поэта рождаются выстраданные и безрадостные строки:

В церковь ходим и крестим лбы,
Потому что боимся смерти,
Потому что боимся судьбы –
Непонятной её круговерти.
От житейских уставши битв,
Скорбно Слову в храме внимаем
И родные слова молитв
С удивлением понимаем...
И на ощупь идя впотьмах,
В отрицанье не знаем меры,
И гнетёт нас, сердешных, страх,
И в сердцах не хватает веры...²³¹

Именно в 1990-е Дмитрий в своей публицистике и поэзии пытается разобраться: что замыслил Творец о России? Собственная судьба и участь государства волнуют его настолько, что он пытается найти ответы везде – в умных речах и книгах, в публикациях исторических документов и научных трудах. Наконец, в религии.

Афон – ещё одна возможность понять смысл жизни. Да, именно в XIV веке в полемике между афонскими мо-

231 Там же. – С. 134-135.

нахами и итальянскими монахами, разделяющими возрожденческие идеи, встал вопрос о Богопознании. Гуманисты считали, что свет Фавора был тварный (то есть не божественный, не фаворский), следовательно, Бога на земле познать невозможно, а значит, остаётся только верить и улучшать вокруг себя внешний мир. Афонские богословы напротив, считали, что Бога познать можно, если человек будет стремиться уподобиться Христу. Глубокая внутренняя молитва, монастырская аскеза могут изменить человека, а если изменится человек, то изменится и весь мир! Так были намечены пути развития католического, западного мира и восточного – православного. Сделай свою душу вместилищем Бога – и он тебе откроется, и ты преобразишься: почему на Руси и стоит столько храмов в честь Преображения Господня!

Продираясь сквозь чащобу самых разнообразных мнений о понимании мироустройства, Дмитрий приходит к постижению одной из составляющих Русскую Идею – Православию. Без православного вероучения нельзя понять наших лучших отечественных писателей, открывших читателям многих поколений невиданные богатства русской культуры и русского характера. Идеал будущего России в творческом представлении национальных мыслителей во многом совпадал с афонским миром. Наверное, тогда стали рождаться у Мизгулина строки об исторической миссии русского народа, о возвращении его державной стати, но прежде... Прежде надо было каждому искоренить в себе эпоху «грядущего хама»:

Эпоха грядущего хама
Стучится настойчиво в дверь,
Укройся под сводами храма
От будущих бед и потерь.

Догонит лукавый и дышит
В затылок. Но ты не робей.

Молись – и Спаситель услышит,
Сомненья и страхи развеи.

Покайся – и душу отпустит.
Во мраке развеется бес,
И с лёгкой, неведомой грустью
Душа воспарит до небес.²³²

Это обнадёживающее стихотворение написано было в один год со стихами об Афоне. Тональность в лирике Мизгулина стала меняться, и этому способствовало, вероятно, посещение Дмитрием Александровичем Святой Горы и других Святых мест:

Я на мгновенье был спасён
В невежестве своём,
В туманной дымке вознесён
Над смрадным бытиём.

Извечной мудрости ответ
Получен мной уже,
Он, как звезды далёкой свет,
Чуть теплится в душе.²³³

По мнению Дмитрия, России важно вернуться к Православию самым деятельным образом, чтобы, воссоздав подлинно христианские формы жизни, установить единение братских народов на началах соборности. Это поможет справиться с недугом недоверия друг к другу; дать отпор злу, которое вторглось в наше общество; оживить духовно людей, подвергнувшихся внутреннему омертвлению.

232 Там же. – С. 165.

233 Там же. – С. 188.

На второй день посещения Афона, автор, дожидаясь катера для дальнейшего путешествия, возьмёт на память несколько камешков на берегу. Сделает он это не просто так, как обычно поступает турист, запасаясь впрок сувенирами. Камешки эти примечательны тем, что повидали на своём веку многое...

РУССКИЙ СЛЕД

Катер между тем привезёт русских паломников к Иверскому монастырю. Об этом монастыре Мизгулин тоже напишет в очерке:

«Наиболее известен монастырь своей знаменитой чудотворной иконой Иверской Божьей Матери. Она хранится здесь и по сей день в отдельной часовне.

Во времена иконоборчества в Византии, около города Никеи жила вдова с сыном. Преследуемая со стороны представителей властей, она отнесла образ чудотворной иконы, находящейся в её домашней церкви, на берег моря, и опустила на воду. По истечении некоторого времени сын её сделался иноком и пребывал в Иверском монастыре на Афоне. Однажды, уже после его смерти, монахи увидели в море высокий огненный столб над возвышающейся иконою Божьей Матери... Все попытки приблизиться к иконе оставались безуспешны. Но некоторое время спустя старцу Гавриилу явилась Богородица и известила: о том, что икону послала она монахам в покровительство...»²³⁴

234 Там же. – С. 400-401

Предание рассказывает, что икона Божьей Матери была установлена в алтаре монастыря, но вскоре чудесным образом оказалась над его воротами. Монахи удивились, но поспешили вернуть икону в алтарь. Однако наутро повторилось то же: икона опять оказалась над воротами монастыря.

«После нескольких безуспешных попыток вернуть икону в алтарь, Богородица вновь явилась Гавриилу, сказав: «Я не желаю быть охраняема вами, а хочу быть вашей Хранительницей, не только в настоящей жизни, но и в будущей... Да уповают на милосердие Сына Моего и Владыки все иноки, которые в горе сей будут жить добродетельно, с Благословением и страхом Божьим. Я испросила у Него сей дар, и се вам знамение: доколе будете видеть икону Мою в обители сей, дотоле благодать и милость Сына Моего к вам не оскудеет». Монахи воздвигли на этом месте часовню, где чудотворная икона находится и поныне».²³⁵

Во времена долгого турецкого владычества, в XIX веке, когда монастыри находились в тяжёлом положении, и количество братии уменьшалось, старцы и пустынники вняли Матери Божьей, явившейся и повелевшей им спокойно жить и молиться, покуда чудотворная икона будет в Иверском монастыре.

«Рассказывают ещё, что чудотворная икона, называемая также по месту расположения своего Вратарницею, часто не допускала в монастырь многогрешных, нераскаявшихся людей – некоторые из них падали замертво у порога обители.

С благоговением входим в храм. Святой образ заключен в древний, потемневший от времени серебряный оклад, ризы Богородицы мерцают тусклой позолотой, древний

235 Там же. – С. 401.

лик строг и даже суров. На образе Богородицы виден след – от удара мечом, который нанёс один из пиратов по имени Варвар. На его изумлённых глазах из раны стала сочиться кровь. Поражённый чудом разбойник раскаялся в своём проступке и уверовал, а впоследствии принял монашество...»²³⁶

В одном из монастырей, который посетил Дмитрий с небольшой группой священнослужителей, наверняка пришли ему в голову мысли о незыблемости христианства, как духовного учения. Иконы, взгляд которых был устремлён прямо в сердце паломников; росписи стен храмов, их святыни, образ жизни монахов... Всё это одновременно потрясало и смиряло людей, впервые попавших сюда и вызывало в них невольный трепет. Ещё бы! С ними разговаривали столетия! И он, оказавшись здесь, имел какое-то отношение, иначе бы сюда не попал. Надо только было постигнуть этот безмолвный священный язык и следовать его духовным наказам, и тогда откроется... Кое-что понималось сразу, а остальное, – увиденное и услышанное, – додумывалось позже. Отзвуком от первых потрясений после посещения Афона стали проникновенные строчки стихов:

Сиянье древнее икон,
Мерцание лампад.
Один завет, один закон
На много лет подряд.²³⁷

Наверное, поэтические чувства эти зарождались ещё в стенах Есфигменского монастыря, видом которого был потрясён Дмитрий. Его взволновало не только внешнее устройство этой обители монашества:

«Спускаемся к морю, минуем широкую долину с ровными рядами молодого виноградника, и вот, наконец, уже видны строгие стены Есфигмена...

Пожалуй, из всех монастырей, находящихся на горе, архитектурный облик этого монастыря самый правильный и строгий, без затейливых излишеств и поздних хаотичных пристроек. На зубчатой башне развеваются три флага – государственный греческий, византийский – чёрный орел на жёлтом фоне – и чёрный...

Дело в том, что монастырь Есфигмен не подчиняется даже и Вселенскому Патриарху, здесь его не поминают в молитвах, считая отступником от канонов Православия. Монахи называют себя зилотами, а чёрный стяг – знак верности Православию и непримиримости к врагам и отступникам. Девиз монахов: «Православие или смерть!»²³⁸

Зилоты²³⁹ появились в Иудее ещё до христианской эры. Перед рождением Иисуса Христа их учение представляло собой социально-политическое и религиозно-эсхатологическое течение, возникшее в эпоху Маккавеев за два – три десятилетия до I века н. э. Поскольку они принимали активное участие в восстании против древних римлян, то их религиозную партию в Иудее зачислили в число ревнителей, не желающих смириться с эллинизацией еврейской элиты.

«Ревнительство» имеет древние корни: оно ведёт начало от библейских представлений о Господе. Бог Израиля требовал ревностного соблюдения завета и отказа от идолослужения. Во времена Иисуса Христа каждая партия хо-

236 Там же. – С. 401-402.

237 Там же. – С. 187.

238 Там же. – С. 405.

239 Зилотами позже стали называться любые религиозные ревнители уже за пределами Израиля. В XII–XIV веках в Константинополе так назывались члены политической партии, выступавшие против посягательства государства на права Церкви. Таковы и греческие монахи, непримиримые к экуменизму и ведущие подчёркнуто аскетический образ жизни.

тела утвердить свой идеал святости, соответствовавший собственному пониманию «ревностного» служения Богу. Разница заключалась в том, что одна часть этих групп довольствовалась верой в то, что именно они и есть хранители «чистейшей» традиции, тогда, как другая, открыто враждующая с остальными, готова была защищать свои идеалы с оружием в руках, не щадя собственной жизни. Представители наиболее радикального течения в иудаизме были готовы принять мученическую смерть за свои убеждения и безжалостно уничтожали сторонников римлян. Они считали: правителем избранного Богом народа может быть только Бог.

Одним из двенадцати учеников (апостолов) Иисуса Христа являлся Симон Зилот. Его ещё называют Симон Кананит, чтобы отличать от Симона Петра. Сведения в Евангелиях о нём крайне скудны. Прозвище Зилот с греческого языка, а Кананит – с арамейского обозначают одно и то же – «ревнитель», то есть благочестивый человек, ревностно следующий иудейскому закону. Иногда отождествляли Симона Кананита со сводным братом (от первого брака Иосифа) Иисуса Христа, который справлял свадьбу в Кане Галилейской, где Иисус превратил воду в вино.

Об этом сказано в Святом Евангелии от Иоанна Божьего. Именно этот отрывок читают во время совершения таинства венчания, что, по-видимому, и послужило причиной почитания апостола Симона Кананита покровителем христианского супружества. Узрев чудо, совершённое Господом на свадьбе в Кане, Симон воспламенился ревностью к Господу и так уверовал во Христа, что последовал за Спасителем, несмотря на то, что только-только вступил в брак. Так, презрев всё мирское, Симон пошёл за Христом, как сказано, «уневестив душу свою Жениху бессмертному».

Согласно преданию, святой апостол Симон проповедовал учение Христово в Иудее, Египте, Грузии и Ливии. Апостол принял мученическую кончину на Черноморском побережье Кавказа – был заживо распилен пилой и по-

гребён в Никопсии. По одной версии, это нынешний Новый Афон в Абхазии; по другой – на этом месте находится нынешний посёлок Новомихайловский Краснодарского края. На предполагаемом месте подвигов апостола, близ Иверской (Апсарской) горы, был сооружён храм Симона Кананита, разрушенный во время турецкого владычества. Он примечателен тем, что, по мнению православных христиан, именно здесь место захоронения апостола. В IV столетии там, где под спудом почивают святые мощи Симона Зилота, появилась небольшая деревянная церковь, а затем, в X веке, во время процветания христианского Абхазского царства, её заменил белоснежный известняковый храм, шедевр зодчества раннего Средневековья Кавказа. Неподалёку, у древнего храма в 70-е годы XIX столетия был возведён Новоафонский монастырский комплекс. За древним храмом стали ухаживать его насельники, монахи, прибывшие из Старого Афона, из русской обители святого Пантелеймона. В 1875 году их просьбу уважил Александр II, распорядившись об отводе в Абхазии 327 десятин земли и передаче монастырю развалин храма апостола Симона Кананита, а также башни, оставшейся от времен геноуэзцев. Российский император позаботился о предоставлении братии права рыбной ловли на реке Псыртсха. Там, где она протекает, есть пещера, в которой подвизался апостол. В неё он спускался по верёвке через небольшой естественный вход. Это было примерно в 55 году н. э., через двадцать с лишним лет после Воскресения Христа. И я сподобился там побывать. Правда, до самой пещеры, расположенной в нескольких сотнях шагов, так и не дошёл. К сожалению, не хватило сил, очевидно, по грехам моим. Довольствовался тем, что окунулся три раза в ледяном источнике рядом с пещерой, как велел мне абхазский священник Сергей, служивший в церкви Святого Георгия Победоносца XI века с мироточащими иконами Божьей Матери и Николая Чудотворца, расположенный в селе Илори близ городка Очамчыры.

Долго ли пребывал апостол Симон Канонит в Абхазии, летописи не сообщают. Он творил здесь множество знамений и чудес, а его проповедь многих людей обратила ко Христу. В древних абхазских притчах часто встречаются упоминания о святом Симоне, который лечил прикосновением руки различные недуги, брызгал водой на больное место, читал молитву на незнакомом языке, и болезнь проходила. Он первым начал крещение местных жителей – предков современных абхазов. В молитве к святому христиане просят его умолить Христа Господа, «претворити души их из грехолюбивых в боголюбивыя...».

...Все это вспомнилось мне благодаря страницам Дмитрия Мизгулина об афонском Есфигмене – оплоте современных зилотов. Этот монастырь примечателен ещё тем, что там служил православию первый русский монах.

Дмитрий в своём очерке подчёркивает, что для нас, его читателей, это особенно важно, ибо человек тот – основатель Киево-Печерской Лавры.

Во истину сказано: «Неисповедимы пути Господни». Кто может знать, как переплетутся дороги апостолов с путями русских подвижников, живущих в другой стороне от их родины. А мы, грешные, идём уже дорогами, проложенными ими и нашими предками, и не только в переносном смысле. У Мизгулина в роду несколько священников... Вероятно они позаботились, чтобы их потомок нашёл дорогу к храму. Вот он, один из множества русских следов в истории Православия.

К сожалению, не знаю, были ли в моём роду священнослужители, но и я однажды побывал в тех местах, где ступала нога апостола Симона Канонита и Антония Печерского – в Абхазии и Киево-Печерской Лавре...

Но вернёмся к повествованию Дмитрия.

«Попав на Афон в юности, преподобный Антоний принял на Святой Горе постриг, и уже по прошествии нескольких лет по благословению игумена монастыря вернулся на Ро-

*дину, нести Слово Божие. До конца своих дней преподобный молился о том, чтобы осталось благословение Святой Девы и отцов Святой Горы во всех делах его и братии... Очевидно, что в этот же период времени пришло на Русь многое из устоявшегося ныне порядка богослужения. Пещера преподобного Антония находится на высокой скале, нависшей над морем. К ней ведёт извилистая, крутая тропинка, идя по которой приходится иногда прямо-таки продираться через жёсткий кустарник. Неподдалёку от пещеры стоит часовня, купол которой виден издалека. Двери в ней не заперты, на стенах – образы Антония, Серафима Саровского, Сергия Радонежского, Александра Невского, других русских святых. Облагорожен только вход в пещеру – сама же она сохранила тот вид, когда там жил основатель русского монашества».*²⁴⁰

Монах Антоний, позже известный на Руси, как преподобный Антоний Печерский, вернулся с Афона в 1013 году, как это известно из житийных списков. Затем снова в окружении единомышленников он пребывает на Афон. И уже потом окончательно возвращается домой в 1017 году.

Антоний Печерский – не только «начальник всех русских монахов», святой Русской церкви, почитаемый в лике преподобного, организатор первой лавры на Руси. Он – истинный подвижник православной веры, который горя желанием увидеть места земной жизни Иисуса Христа, предпринял тяжёлое путешествие в Палестину – и так проникся увиденным и услышанным, что на обратном пути принял пострижение на Афоне. Он был рядовым монахом несколько лет, освоил все службы, но вдруг однажды игумен монастыря получает внушение от Бога: отпустить Антония обратно на Русь. И тогда он обращается к своему насельнику: «Антоний! Иди обратно в русскую землю, – пусть и там жи-

240 Там же. – С. 405-406

вущие через тебя преуспевают и утверждаются в вере христианской; да будет с тобою благословение Святой Горы!»

Когда Антоний вернулся окончательно в Киев, ему уже было за сорок. Будущий митрополит Киева славянского происхождения Иларион, автор «Слова о законе и благодати», предавался отшельническому подвигу в пещере на Берестовой горе: «ходил он из Берестова на Днепр, на холм, где ныне ветхий монастырь Печерский, и тут молитву творил в глухом лесу. Ископав пещерку малую двухсаженную, приходя из Берестова, пел здесь часы и молился в уединении Богу...» Существует предание, что именно её потом и занял Антоний. Аскетичный образ жизни был ему привычен ещё с Афона. Народ потянулся к монаху: некоторые приходили за благословением, другие хотели жить рядом: «и чтим стал повелику Антоний». Первыми учениками Антония стали Никон и Феодосий (последний принял в 1032 году постриг от Никона по указанию Антония). После того, как число монахов достигло 12 человек, под руководством Антония была выкопана большая пещера, в которой была устроена церковь, трапезная и отдельные кельи для монахов. После этого Антоний удалился из обители и, выкопав новую пещеру, ушёл в затвор. Однако рядом стали селиться иноки. Так образовались Ближние и Дальние пещеры будущей Киево-Печерской Лавры, где мне удалось побывать несколько лет назад. Понимаю, как это важно, оставить себе на память хотя бы крошечное свидетельство пребывания в святом месте. Поэтому находят горячий отклик в моей душе эти строки Дмитрия Мизгулина о его намерении:

«Не удерживаюсь и отламываю аккуратно кусочек влажного известняка...»²⁴¹

Это не просто сувенир – память об основателе русского монашества! Преподобный Антоний живёт в наших сердцах.

Когда журналистка из «Литературной газеты» спросила Дмитрия: «Вы ездили на Святую землю, на Афон... Какое место в вашей жизни занимает вера?», тот спокойно отвечал:

«Как можно не прийти к Богу? Это аномалия. Знания о Боге даны каждому от рождения, это отличает человека от животного. Вне представлений о Нём жить нельзя.»²⁴²

Действительно, почему верующие посещают храм, отправляются в разные уголки земли поближе к святыням, посещают Афон? Потому что там связь с Богом покороче, она лучше ощущается. Это не то же самое, что в цирке помолиться. Посещение святых мест нормально для верующего человека. Здесь Дмитрий во многом последователь убеждений Николая Гоголя о миссии писателя. Он утверждает вслед за классиком, что у художника особая ниша в культурном пространстве страны. И то, что писатель оставит потомкам – всё от Бога, ведь настоящий художник ближе к сакральному, поэтому быть писателем – большая ответственность.

Говорят, есть только два способа видеть мир. Первый – будто чудес не существует, второй – будто кругом одни чудеса. Первый – рациональный и потому ложный, поскольку непостижим для всего, что выходит за рамки человеческих представлений. Второй связан с верой человека – и потому чудо для истинного христианина противоречит не законам природы, а лишь нашим представлениям о них. По счастью, рационалисты-поэты реже встречаются в нашем обществе. Их логика может отправить читателя из пункта «А» в пункт «Б» – и не далее! Они в чём-то подобны пушкинскому Сальери:

241 Там же. – С. 406.

242 Всё мерит время мерой строгой. Интервью с Мизгулиным // Литературная Газета, 6259 (№ 55 2010).

...Ремесло

Поставил я подножием искусству:
Я сделался ремесленник: перстам
Придал послушную, сухую беглость
И верность уху. Звуки умертвив,
Музыку я разъял, как труп. Поверил
Я алгеброй гармонию. Тогда
Уже дерзнул, в науке искушённый,
Предаться неге творческой мечты.

Не таков художник, послушный вдохновению! Его воображение доставит вас успешно куда угодно... Этим и отличается большой поэт от прочих, да ещё тем, что чувствует эпоху. Для него воображение важно не менее знаний и рационального мышления, поскольку последнее ограничено, а воображение же охватывает весь мир, любую точку во времени и пространстве.

Творчество не имеет смысла, если духовно не преобразует художника – не очищает его от скверны и всего временного, наносного. Миссия писателя выполнена до конца, когда он постоянно возвращается к самому себе, как читателю литературной классики. В ней не только духовная мощь, но и авторская вера в совместное крестопосещение с читателем, великая надежда на него, как человека, призванного познать глубины и высоты нашей многоликой жизни. Ведь для того, чтобы постичь себя, не обязательно глядеть в зеркало на своё отражение, гораздо важнее иметь мужество явить себя взору незримых очей, наблюдающих за тобой. «Давайте, и дастся вам: ибо, какую мерою мерите, такую же отмерится и вам» (Лука, 6:38).

На Афоне течёт полноводная река истинной христианской культуры, со своим искусством, со своею религиозной государственностью. Паломников невольно захватывает пафос обитателей православных монастырей, где они воочию наблюдают жизнь, как приятие и благодарное

признание, как утверждение всяческой реальности в виде блага, ибо бытие есть благо, а благо – бытие.

Воображение моё рисует картину: Дмитрий кидает с палубы взгляд на приближающиеся столетия, закованные в камень. Его взору просторно, есть с чем сравнить эти монастырские сооружения, повелительным и указующим перстом Всевышнего возведённые у моря. Добрый дух и свет этого места притягивает сюда ни одно поколение путешественников. Здесь каждый камешек свидетель святости замыслов монастырских насельников. Выросшие благодаря им сооружения всё более растягиваются в длину. Их строителей нельзя вообразить мёртвыми, ибо часть души каждого из них навечно запечатлена здесь, на каменистом берегу. Для здешних насельников поэтому здесь никогда не бывает пустынно. Напротив, всё наполнено святым и добрым – и к этому надо относиться спокойно и благоговейно. Древние облики незримо витают где-то рядом, вызывая ощущения величия и легендарности. И память о них неизгладима в каждом новом поколении монахов, став неотъемлемой частицей Афона.

Немало древностей дошло до нас в афонских монастырях, они хранятся там, как бесценные реликвии, но ещё больше не сохранилось и, следовательно, не дошло до наших дней. В этом нельзя винить череду монашествующих поколений – они многое вытерпели, их храмы не раз подвергались грабежам... «Длительное турецкое владычество оказалось разорительнее многочисленных пиратских набегов».²⁴³ Но всё же «и свет во тьме светит, и тьма не объяла его», как написано в Евангелии от Иоанна (Иоанн. I, 5).

Монастыри выстояли и вызывают восхищение паломников подвигом веры, которую донесли до нас безымянные братья, трудившиеся упорно на клочках земли этого православного полуострова-государства. Всё возделыва-

243 Там же. – С. 395.

лось и возводилось на афонский лад, с молитвою: «просите, и дано будет вам; ищите и найдете; стучите и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят». (Матф. VII, 7,8).

...Вспомнился эпизод из путешествия на Валаам императора Александра I. Он решил побывать там, как частное лицо. Как это ему удалось, судите сами! Братия проспала и не встретила посланное за ним судёнышко. Монах-кормчий доставил к пустынному берегу императора посреди ночи. Ну, а затем уж, как положено – переполох, суета... Однако, царь не сдавался. Поутру он отправился в ближайшую пустыньку, где отшельничал седобородый монах Николай. Путь был нелёгкий, одышка мешала идти в гору, кое-где приходилось даже проползать... Монашеская келейка была крошечная на удивление, тем не менее, на её трех аршинах Александр и Николай поместились. О чём они разговаривали? Сие так и осталось для нас тайной. Но чем угощал старец царя, о том история сохранилась. Батюшка предложил Александру три неочищенные репки со своего огородика. Тот взял одну из них, поблагодарив за угощение. У схимника не было ножа, но император не придал этому значения: я солдат и съем по-солдатски. Затем, после беседы, поцеловал руку Николаю и откланялся.

Через сутки после прибытия на Валаам, на всенощной он оказался на скамье со старым слепым монахом Симоном. Когда провозгласили: «Научитесь от Мене, яко кроток есмь и смирен сердцем, и обрящете покой душам вашим...», тот тронув рукой государя, спросил: «Кто ты такой?»

«Путешественник», – отвечал Александр...

Глава 8.

ДОРОГА ПРОДОЛЖАЕТСЯ

ко можно в дыню верить?
 а если и верить и проца в
 в глупые сарды не лаять...
 май пошлени
 не шак
 ил биро ил послушени
 в нест
 теки кошо сар в равко...
 бней, куна в а равко?
 ая
 ие свой... они тее
 пошени
 асовеит до шрени он
 ие
 ао вироле но ви шравко?
 и ноша
 шроко суца?
 зально
 алошине шрошном?
 и шрафат со м
 и, и шромш, и пошлени
 асовеит
 трошя...

После посещения Афона жизнь пока- тила по своим рельсам: работа с бес- конечными командировками, сове- щаниями, конференциями, смена места жительства, семейные заботы, встречи, знакомства, деловые бумаги и людской поток... Но есть нечто постоянное, когда вечером смолкают голоса. Зажигается на- столъная лампа и можно достать тетрадь... Так родилась книга сиюминутных заметок под названием «Ночник». Книга эта – обо всём на свете: о литературе, о чтении, о друзьях, о политике и о вере... Она по- веждает читателю о взглядах Дмитрия Алек-

Закон истории жесток.
 Всё мерит время мерой строгой.
 Холмы. Нагая степь. Песок.
 Луна над пыльной дорогой.
 («Раздумья в степи», 1986)²⁴⁴

Время – одна из осевых категорий в поэтическом миросозерцании Мизгулина. Настоящее время часто в поэзии соотносится с историческим прошлым. Поэта интересует отечественная и европейская история, а также личности, выдвинутые на её передний край. Поэтому он неслучайно обращается к культурному наследию минувших эпох. Дело в том, что человек не очень-то изменился по своей сути за столетия, потому знания прошлого дают нам возможность посмотреть на себя и свою жизнь как бы со стороны. Такого взгляда не хватает многим нашим современникам...

Почему-то ко всему окружающему нас в этом мире мы относимся не с таким вниманием, как к прошлому: находясь в современности по праву рождения, мы высокомерно считаем, что в курсе всего происходящего. Но на самом деле всё обстоит совсем не так – современность постоянно ускользает от нас по той простой причине, что «лицом к лицу лица не увидать». С одной стороны, у Мизгулина время текуче и неуловимо, с другой – оно всё мерит и возводит границы между вчера и сегодня, став аналогом смерти, а лирический герой пытается разорвать эти границы с помощью памяти:

Но помнит сердце почему-то
 Не призрак страсти роковой,

244 Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. 2006. – С. 86.

А ту последнюю минуту,
 Миг расставания с тобой.²⁴⁵

В стихотворении 1991 года «Как хорошо, что я один...» лирический герой светло вспоминает о любимой женщине. Кажется, временной барьер преодолён, но часы жизни неумолимы – их стук в ночной тишине звучит как приговор, стучит, буквально, на весь мир! Но самое трагичное, что этот стук никто не слышит!

Как хорошо, что я один.
 Что ночь кругом. Что мне не спится.
 Что через кружево гардин
 Зелёный лунный свет струится.

Ударил мотылёк в стекло.
 И почему-то, сам не знаю,
 О наших встречах так светло,
 Без прежней боли вспоминаю.

А в небе Дева и Весы.
 И пёс, уснув, тревожно дышит.
 И на весь мир стучат часы,
 Да только их никто не слышит.²⁴⁶

Поэт один слышит Время! Чувствует его протяжённость, бесконечность и одновременно мгновенность жизни:

В нашей жизни всё предельно просто:
 Вечность спрессовалась до минут –
 От роддома жизнь и до погоста,

245 Мизгулин Д. А. Чужие сны: книга новых стихов (2010–2012) / Сост. и послесловие А. В. Романова. – СПб.: АПИ, 2014. – С. 39.

246 Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. 2006. С. 113–114.

Как один автобусный маршрут.
 Всё размыто – судьбы, даты, лица.
 Жизнь, как нам известно, – не игра:
 Школа, институт, завод, больница,
 Кладбище – конечная пора!
 И, греша, вздыхаешь виновато –
 Эта жизнь даётся только раз,
 Но об этом всё уже когда-то
 Мудро написал Экклезиаст.
 В поднебесье тускло тают звёзды,
 В темноте круги сужает бес,
 Но поверь, что никогда не поздно
 Будет достучаться до небес.²⁴⁷

Важно, что уже в 1980-е годы в его поэзии произойдут существенные перемены: поэт отойдёт от жанрово-тематического принципа в создании стихов, начав объединять гражданскую поэзию с философской, интимной и пейзажной лирикой, хотя гражданские стихи о судьбе современной России в беспокойные годы были для поэта актуальны.

Любая тема, образ, мотив в стихотворении получают осмысление через сопоставление, аналогию, позволяя сделать изображение любого предмета объёмным. Зайдя в церковь на Кривоколенном переулке, лирический герой, оказывается в пустом тёмном храме с одиноко горящей свечой перед ликом святого III века, Фёдора Стратилата. Какая связь между современным человеком, различающим с трудом древнеславянскую вязь, и воином, казнённым за христианскую веру? Вроде бы никакой, но почему, каким образом храм во имя этого святого оказался в России и на пути самого героя? Что нужно было совершить тако-

го, чтобы остаться в людской памяти и оказаться в другой стране: «О какой же был путь неблизкий / Вечной памяти и молвы / От холмов Герклеи Понтийской / и до снежных равнин Москвы...». И ответ приходит тут же:

Что нам время и что законы?
 Если всё мирозданье – миг.
 Но мерцает с тусклой иконы
 Просвещённый, священный лик.²⁴⁸

И вот он момент истины! Что не удаётся простому смертному – остановить время, вернуться в прошлое с помощью памяти, то доступно святому, потому что предавшийся без остатка Богу, вместе с ним переходит в вечность. А для вечности ни временных, ни пространственных границ не существует!

И потому лирический герой внезапно ощущает связь между собой и святым мучеником. И недаром следует затем ряд дорогих сердцу природных образов: снега, фонаря, мерцающих звёзд, ярко освещённых окон. Герой выходит из храма и:

Снег летит не спеша и плавно,
 Тихо падает он, кружась.
 И теперь ощущаю явно
 В этом хаосе некую связь...
 («В храме Фёдора Стратилата», 1990)²⁴⁹

Хаос преодолён, герой чувствует, что в этом мире всё «причудливо сплетено»! При этом образы, характерные для пейзажной лирики, имеющие определённые сложившиеся коннотации, соединяясь с образами любовной,

247 Мизгулин Д. А. «Избранные стихотворения». Литературно-худ. изд-е в 3-х т., СПб., 2017 / Избранные стихотворения (2005–2019). – СПб.: Любавич, 2019. – Т. 3. – С. 137.

248 Мизгулин Д. А. Избранные сочинения. 2006. – С. 109.

249 Там же. – С. 109.

философской или другой лирики, символизировались, способствуя глубокому осмыслению предмета изображения. Причём эти же образы легко могут обретать противоположную семантику, как, например, в стихотворении «Передумал. Переболел...» 1993 года. В нём тяжкие размышления, переживания, вызванные событиями в стране, приводят к апокалипсическим ощущениям, для которых поэт использует символику зимы, которая всегда была любимым временем года, а образ снега имел позитивный контекст. Лирический герой утверждает: «Неизбежна зима, как смерть» и она тотальна. Зима – не только наступающий сезон, но и конец века, конец страны, конец жизни вообще:

А не так ли теперь и мы –
То взметнувшись, то падая вниз –
Перед ликом мёртвой зимы
С упоением пронеслись?

Осень кончилась. Минул век.
Чуть дымясь, холодеет земля.
Очень скоро выпадет снег
Белым саваном на поля.²⁵⁰

Поэту удаются удивительные вещи – сказать о социальных проблемах сегодняшнего дня языком метафор, да так, что они перерастают в некий закон деятельности человека:

Сказал Пророк: «Жить не по лжи...»
Какая истина простая!
Но как сквозь лес пройти, скажи,
Листы дерев не задевая?²⁵¹

250 Там же. – С. 120.

251 Там же. – С. 113.

Александр Солженицын обращался в своих речах и статьях к русскому народу, к власти, и к каждому гражданину в отдельности. На бумаге, кажутся ясными и простыми слова пророка – писателя-современника, хотя он имел право так говорить, – своей судьбой претворил призыв «Жить не по лжи» – в жизнь. По сути, этот наказ и прост, и сложен, как и заветы Христа из Нагорной проповеди, но поди их исполни!

Стихи Мизгулина не только о сложностях следования данным Господом заповедям, но и о сложных взаимоотношениях теории и практики. Но как просто с помощью художественного ёмкого образа они объясняются:

Изведать предстоит в пути
Забывтых троп, дорог широких...
Но можно ль поле перейти,
Не задевая трав высоких?

Чеканно светятся слова,
Литые правила вменя.
И чуть колышется листва,
Росу тяжёлую роня.

(«Сказал Пророк:
“Жить не по лжи...”», 1991)²⁵²

Итак, подчеркнём ещё раз: поэзия Мизгулина аналитична и философична – автор не просто раскрывает свои чувства, переживания, сомнения, но и анализирует, философствует, делает выводы. Очень часто его стихи имеют афористические концовки:

252 Там же. – С. 42.

«Когда-нибудь да пригодится
В России умный человек»
(«Суворов», 1983)²⁵³

А в час, когда дремлет душа,
Возможно ль высокое чувство?
(«Хотелось любви
и тепла...», 1985)²⁵⁴

Ни боли нет, ни счастья нет –
Вот долголетия секрет.
(«Сухое дерево», 1985)²⁵⁵

Всю жизнь смотрел на небеса,
Да так и не увидел Бога
(«В старой королевской
обсерватории», 2001)²⁵⁶

Давно сбежали крысы,
А мы ещё плывём
(«В суете, круговерти...», 2003)²⁵⁷

Яркой особенностью поэзии Дмитрия является и масштабность его видения, умение сопрягать великое с малым. Это, конечно, идёт от его личности – широты взглядов и общего кругозора. Важно и то, что поэт – государственный по своим убеждениям и глубоко верующий человек.

Тема России, её образ в поэзии последних лет у Дмитрия Мизгулина начинает претерпевать новые изменения. Это уже не «Забытая фотография» – слепок прошлого, который

выступает контрастом облику распадающегося государства вследствие горбачёвских реформ, а «матушка» Родина, где

...в каждом храме – Мать Божья
С младенцем Вечным на руках.²⁵⁸

Одно, какой предстаёт Родина перед лирическим героем в стихах Мизгулина, и совсем другое – в реальности?..

Когда-то, во второй половине XIX столетия, империя готовилась к завоеванию Царьграда, выходу на Дарданеллы, что разделяют проливом Европу и Азию... Велись вполне серьёзные конкретные разговоры о том, что наша, тогда ещё императорская Россия, возглавит могучее движение всеславянства. И вот прошло чуть больше столетия, а вместо нового Иерусалима, града на холме имеем то, что имеем. Наши дороги никак не могут привести нас к заветному храму. Наверное, у нас время течёт совершенно иначе, чем в других государствах. Кирилл и Мефодий вывели Русь на всеславянский уровень... А мы и не заметили, как чуть было не потеряли такую страну. И, казалось бы, поэт в стихотворении «Гагарин» подтверждает ту же мысль и даже пытается искать виноватых:

Как грустно на Родине милой:
Пустеют и стынют поля.
И вместо героев – дебилов
Рождает родная земля.
Бескрайние наши погосты,
Уньные наши дожди...
Причины пленительно просто
Нам всем объяснили вожди:
Мы с вами – простые холопы.
Ни жить не умеем, ни пить,

253 Там же. – С. 63.

254 Там же. – С. 63.

255 Там же. – С. 77.

256 Там же. – С. 187.

257 Там же. – С. 211.

258 Мизгулин Д. А. «Избранные стихотворения». Литературно-худ. изд-е в 3-х т., СПб., 2017 / Избранные стихотворения (2005–2019). – СПб.: Любавич, 2019. – Т. 3. – С. 30.

Тогда, возможно, осуществится возврат в ту точку, от которой мы ушли когда-то в никуда. Точка возврата – на данный момент национальная идея!

Отринув Бога, мы вершили чудо,
Но неминуем был расплаты час,
И вот однажды мстительный Иуда
За три копейки взял и продал нас.²⁶¹

Строчки этого стихотворения о пережитой трагедии человеком, утратившим свою родину. Дмитрий Мизгулин – один из миллионов, кто сокрушается об этой потере:

И ангелы в тот день сложили крылья,
И ослепила ночь тоской своей,
И плакал я от горя и бессилья,
Когда не стало Родины моей.²⁶²

И ныне, к сожалению, для большинства людей нет ни прошлого, ни будущего – они живут одним настоящим моментом, не задумываясь о последствиях своих поступков. Настроения подобные этим демонстрирует стихотворение 2019 года «Про опрос о храме в Екатеринбурге». История его появления такова. Когда горожанам предложили выбрать, что лучше: возвести на месте гибели царской семьи – храм или сквер? – граждане выступили против церкви. Возмущению поэта не было предела:

Где вы, люди – человеки?
Разум – где? И где – душа?²⁶³

Только настоящему художнику дана возможность постигать внутреннюю, скрытую от большинства суть явления, её мистическую сущность. К слову: как можно было интерпретировать пожар в соборе Нотр дам де пари – как злостный поджог, трагическую случайность или, как предупреждение свыше о грядущей мировой опасности?

Внимают ли своим пророкам граждане нашей страны? Вопрос спорный: недаром же поминают в народе то жареного петуха, пытающегося клюнуть в одно место, то гром, после раскатов, от которых мужик обязательно перекрестится! А раньше, что нельзя было наложить крестное знамение на себя и задуматься о своей душе?

Автор ставит точный диагноз в стихах последних лет – впереди нас не ожидает ничего хорошего, если мы не предпримем усилий над собой. Но пришла ли пора подумать, перестать искать виновных. Нужно обратиться к себе и спросить: что я делаю не так? Что я сделал хорошего для своего соседа, города, села, страны? Поэт упрямо и скорбно предупреждает сограждан страны:

Молчит, неслышно вымирая,
Наш богоизбранный народ.²⁶⁴

Ирония, боль, страдания – всё это присутствует в размышлениях Дмитрия о Родине. Нет только равнодушия. Как заставить общество одуматься и, в конце концов, спасти свою страну от опасностей, что её поджидают на каждом шагу?

261 Дмитрий Мизгулин. Там же. – С. 175.

262 Там же. – С. 175.

263 Там же. – С. 258.

264 Там же. – С. 259.

А что народ? Народ живёт
И крутится к тому же,
Вот только в храм небесный вход
Становится всё уже.²⁶⁵

Но всегда есть надежда. Автор неустанно призывает её
в русский Дом:

Супостатов одолеем –
Все мытарства нипочём!²⁶⁶

Но пока русский народ в одиночестве. Со всех сторон
враги. Даже бывшие друзья – хуже их! Если вспомнить,
как сносят памятники воинам-освободителям и полководцам
времен Второй мировой войны в некогда братских,
социалистических странах? Любимая Дмитрием
Прага теперь грозитя вместо свергнутого монумента её
освободителю от фашизма, полководцу Николаю Степановичу
Коневу, возвести памятник предателю генералу Власову...

Славянства вековая связь
Оборвалась вчера случайно.²⁶⁷

Поражает враждебность, ненависть к России наших
братьев и по крови, и по духу:

Идут на бой, благословясь
Под сенью храмов православных.
И с этой стороны, и с той –
Одни Иваны да Миколы...²⁶⁸

Но враждебность идёт не только с Запада, но и от своих
же сограждан, вкусивших иностранного плода, изменив-
шего их сознание. Они ратуют за тело, смеясь над теми, кто
печётся о душе...

В апреле 2020-го в страстную неделю Дмитрий вспоми-
нает евангельский сюжет о том, как народ предал Христа
на муки. По сути, этот сюжет о нас, как о народе. Убийство
императора Александра II, воспитанника В. А. Жуковско-
го, который отменил крепостное право и собирался под-
писать конституцию, дающую долгожданные свободы;
убийство Петра Столыпина, двинувшего экономику России
на столько, что западные державы забеспокоились... Убий-
ство императора Николая II и всей его семьи... Револю-
ции, ознаменовавшие начало XX столетия – и всё для чего?
Для свободы, равенства и братства будущих граждан стра-
ны Советов? Какая там справедливость, после развязанной
следом гражданской войны?

Потом, через 70 лет, снова предательство и такое же
страстное разрушение того, что создавалось десятилетия-
ми советского периода!

Толпа кричала бесновато,
В единый гул слились уста.
Не вняли милости Пилата –
На казнь отправили Христа.

Для всех понятней был Варавва,
Ветхозаветный лиходей,
И мрак его разбойной славы
Гипнотизировал людей.

Умело умывают руки
Вожди в унылой простоте...
Мы обрекли Христа на муки,
Да мы, такие же, как те.

265 Там же. – С. 257.

266 Там же. – С. 249.

267 Там же. – С. 245.

268 Там же. – С. 245.

Имеем ли на счастье право,
Верша свой путь в кромешной мгле,
Покуда шествует Варавва
По развороченной земле?

Покуда ты, печальный зритель,
Не осознал, в который раз,
За что тебя простил Спаситель
И от чего тебя он спас.²⁶⁹

А на следующий день, в Великую субботу 2020-го, поэт продолжил вспоминать события, предшествующие Воскресению Христа. Речь об Иосифе Аримафейском (с большой долей вероятности, он был влиятельным членом синедриона и тайным учеником Христа), который, пользуясь своим положением, дерзнул попросить тело Сына Божьего. Он не мог допустить, чтобы его погребли в общей могиле с разбойниками. Сняв тело Иисуса с креста, Иосиф завернул его в плащаницу и положил в усыпальницу, высеченную в скале. Он очень рисковал, зная о настроениях высокопоставленных иудеев, приговоривших Иисуса Христа. Даже ученики, кроме Иоанна, разбежались, потрясённые происходящим. По сути, это был подвиг верности и веры:

Над камнями вечной Иудеи
Солнечный блистает небосклон...
Шёл Иосиф из Аримафеи
К Понтию Пилату на поклон.

Он на лавке сидя ждал ответа,
Суть его прошения проста:
Попросил смиренно член Совета
Тело убиенного Христа...

269 Дмитрий Мизгулин. Творчество <https://mizgulin.ru/knigi>

Обернули тело плащаницей,
Схоронили в каменном гробу...
Мало что в Завете говорится
Про его, Иосифа, судьбу.

Не застыл он в ожиданье чуда,
Не дождался страшного суда,
Появился вроде ниоткуда
И ушёл как будто в никуда.

Жаждут быть святыми лиходеи,
Ждут Иуды царского венца,
А Иосиф из Аримафеи,
Выполнил работу до Конца...

Так и ты, не жалуясь, не мучась,
Заверши труды свои сполна.
Не переживай, такая участь
Нам с тобой Спасителем дана.

Помни, как по вечной Иудее,
Смертною тоскою опалён,
Шёл Иосиф из Аримафеи
К Понтию Пилату на поклон.²⁷⁰

Дмитрий Мизгулин понимает, что возвращение к вере, как к спасительному источнику народа – процесс непростой и долгий.

Вершится праведная битва,
Но будет Храм Победы пуст,

270 Дмитрий Мизгулин. Творчество <https://mizgulin.ru/knigi>

Покуда тайная молитва
Народных не коснётся уст...²⁷¹

Здесь настроения, мысли и чувства художника сближаются с тем, что изрёк на одре смерти Александр Васильевич Суворов, горячо любивший свою Родину: «Всё суета кроме покоя у алтаря Всевышнего...»

Возрождение России, – уверен поэт, – только в вере.

И будет лютый враг разбит,
И в тишине, во мгле смертельной
Уверен каждый, что хранит
Его от смерти крест нательный.²⁷²

Бренность и вечность переплетаются в каждом из нас, но только художники-пророки смогут объяснить эту взаимосвязь, как высшую гармонию, дарованную свыше... Это не просто проекция небесного на земное... Заповедные духовные мысли, как ступеньки лестницы, устремлённой с грешной земли за облака в горний мир... Здесь одного понимания и чувства – недостаточно! Нужна Вера...

Наверное, в этом и заключается высший смысл духовной миссии поэта: идти к одарившему тебя благим сиянием... и самому дарить свет. Ни в этом ли ключ к пониманию творчества Дмитрия Мизгулина?

Впрочем, не будем загадывать на будущее! Новые исследователи пойдут дальше и, думается, не ограничатся только прояснением штрихов к портрету художника! Да и как с ними не согласиться? Ибо настоящее творчество бездонно!

СНОСКИ

271 Мизгулин Д. А. «Избранные стихотворения». Литературно-худ. изд-е в 3-х т., СПб., 2017 / Избранные стихотворения (2005–2019). – СПб.: Любавич, 2019. – Т. 3. – С. 259.

272 Мизгулин Д. А. «Избранные стихотворения». Литературно-худ. изд-е в 3-х т., СПб., 2017 / Избранные стихотворения (2005–2019). – СПб.: Любавич, 2019. – Т. 3. – С. 245.

СНОСКИ

[37] Наталья Иосифовна Грудинина не имела всесоюзной славы, поскольку не ладила с властями, но в Ленинграде и за его пределами её хорошо знали и ценили. Потомственная петербурженка, член Союза писателей СССР. С отличием окончив среднюю школу, она без экзаменов поступила на английское отделение филологического факультета Ленинградского университета. Первую блокадную зиму работала в госпитале. В 1942 году, окончив курсы медсестёр, обучалась в разведшколе, добровольно ушла на фронт мстить за убитого в бою под Сенявиным мужа и гибель своего четырёхмесячного первенца. Участвовала в боях на Балтике за острова Выборгского залива, освобождала от врагов остров Сааремаа, награждена медалью «За боевые заслуги». Работала военкором бригадной газеты «Боевой курс».

Первой авторской книгой стала поэма «Слово о комсоре». Лирическое повествование о подвиге и смерти краснофлотца Николая Гетманенко. Она вышла отдельным изданием в 1948 году. Кроме стихов о войне писала баллады – о немецкой матери, о Весах, об эдельвейсе. Избегала пафосности, больше обращая внимание на конкретные детали. В одном из стихотворений «Прости ты меня, супостат бородатый...» она выразилась о себе так: «Я, ржавый осколок боёв и разведок...». В другом стихотворении «Из памяти недужного столетья...» Наталья Грудинина, повествуя о «неотпетой» войне, находит пронзительные строки:

Она болит, и плачет, и лучится
В кристаллах чистых совести самой,
Не искажённо отражая лица
Солдат, не возвратившихся домой.

Через десятилетие вышла её вторая книга «Дневник сердца», а в 1970-м третья – «Посвящается молодости».

Четвёртая книга стихов и переводов «Совесть» вышла незадолго до кончины в 1999 году: в знак уважения, как благодарность за помощь в становлении многих поэтов, представителей коренных народов Севера и Дальнего Востока, деньги на издание выделил Ямало-Ненецкий округ.

Наталья Иосифовна в 1970-е годы открыла поэтов Севера: по её собственному признанию, потрясла их совесть, искренность, неведомая культура древних столетий, мудрость мыслей и традиций. Свои симпатии переводчица она передала некоторым своим студийцам. Не без её влияния Дмитрий Мизгулин потом переводил Л. Лапцуня с ненецкого и В. Санги с нивхского, Ю. Шесталова с манси и многих других северян. Он был знаком с ними благодаря Наталье Иосифовне.

В 1964 году Наталья Грудинина выступила в роли общественного защитника на процессе Иосифа Бродского и лишилась многих своих привилегий и подработок. В «Записных книжках» Довлатова говорилось, что Грудинину исключили из партии. Узнав об этом, она пожалала плечами: «В партии я никогда не состояла». С литературной молодёжью Наталья Грудинина работала всю свою сознательную жизнь. До конфликта с властями вела занятия со старшеклассниками в литературном клубе «Дерзание» при Ленинградском Доме пионеров, руководила литературными объединениями на заводе «Светлана», «Нарвская застава». Позже, с конца 1960-х – при Ленинградском отделении Союза писателей.

Современники отзывались о ней доброжелательно и подчёркивали: она воспитывала литераторов, как детей: создавала творческую атмосферу, особенно необходимую молодым писателям. Она была, действительно, замечательной личностью и всегда защищала людей творческих! Если не получалось, то помогала, чем могла. Одинаково ровно относилась к «левым» и «правым».

[49] Егор Борисович Фукс, поведав фельдмаршалу о своём желании рассказать о деяниях Суворова его потомкам, удостоился наказа быть беспристрастным в мемуарах. Если ты меня любишь, – заклинал прославленный герой, – то забудь сию любовь и не оскверняй лестию пера твоего, а меня в могиле. Среди многих славных историй, записанных близко знавшим его по службе современником, особенно тепло читателями воспринимаются мирные деяния прославленного полководца. Так, много интересного поведали мемуаристу старожилы Новой Ладogi. Они ещё помнили, как князь Александр Васильевич, находясь в качестве командира Суздальского полка, учредил училище для солдатских детей, «на своём иждивении» выстроил для одного дом, был сам учителем арифметики и закона Божьего, сочинял учебные книги, как-то: молитвенник, краткий Катехизис и начальные правила арифметики. Для детей дворян он преподавал ещё основы драматического искусства. В подтверждение своих рассказов Егору Борисовичу Фуксу показали рукописный молитвенник, которым тот искренне восхитился и сделал вывод: можно себе представить, какую любовью платили ему отцы за воспитание детей своих.

Сам едва устроившись на новом месте, Суворов тут же выстроил полковую церковь, в которой читал Апостол за обедней и пел на клиросе. Храм Георгия Победоносца в Новой Ладoge долгое время был охраняемым памятником, а потом случилась беда. О ней я прочёл в «Ночнике» у Дмитрия Мизгулина, (так он назвал свой «ночной» дневник):

«Храм деревянный сгорел. Каменные фасады после пожара стояли ещё лет пятнадцать, на руинах была привинчена табличка: Охраняется государством. Памятник архитектуры и истории. Всё рухнуло – вместе с табличкой». (Мизгулин Д. А. Ночник. – С. 1.)

Через несколько страниц автор снова возвращается к этой теме:

«Церковь, которую строил генералиссимус Суворов, спалили не так давно». (Там же. – С. 46.)

Ещё раз внимательно перечитываю эти две записи, где упоминается Суворов... В них тоска о потери нравов и былого величия – и, как следствие духовного вымирания, вымирание физическое. Дмитрий этого и не скрывает:

«...факт налицо, вымираем потихоньку, хотя и без войн. В малых городах это просто бросается в глаза». (Там же. – С. 46.)

У Дмитрия Александровича с полководцем своя «история»: семья его много лет живёт в Новой Ладoge, славном месте, где командовал полком чудо-богатырей будущий генералиссимус. Однако современное племя «корыстолюбцев и ханжей» вовсе не желает, чтобы память о великом россиянине была зафиксирована не только в надписях на мемориальных табличках, но и в умах нынешнего поколения. Уходит поколение стариков, которое гордилось духовным памятником, возведённым под руководством самого Суворова – храмом Георгия Победоносца. С гордостью передавались новым поколениям, услышанные от своих предков предания о суворовской службе в здешних местах. А нынешним россиянам, поселившимся здесь, – теперь всё равно... Утратили мы свою национальную гордость, иначе бы давно отстроили заново здание легендарной церкви ради святой памяти об Александре Васильевиче. Но небольшая кучка жителей Новой Ладogi об этом ещё помнит. Среди них Дмитрий Мизгулин и его дети. Для них Суворов – любимец российской армии, всегда независимый во взглядах и суждениях, поскольку военное искусство не требует порабощения. Он – нравственный пример того, как трудно повлиять на скромного и порядочного человека почестями или богатствами. Среди его современников ходили легенды об его аскетичном образе жизни и страстной преданности любимому военному делу.

[51] Всесильные военные чиновники, бездарные на полях сражений, неоднократно припоминали полководцу язвительные отзывы о них. «Они купались в чаю, покуда мы купались в крови!» – это только одно из крылатых выражений по их адресу. Бывало, что его презрительное словечко «штафирка» характеризовало и тех, кто излишне суетился в поисках собственных выгод, будучи обычной военной бездарностью! Когда маршал Советского Союза Георгий Жуков за глаза так назвал Сталина, он сразу прослыл опальным, ибо не обладал гибкостью и авторитетом Суворова...

Мемуарист передаёт слова Суворова о себе. «Меня хвалили цари, любили воины, друзья мне удивлялись, ненавистники меня поносили, при дворе надо мною смеялись. Я бывал там, но не придворным, а Эзопом, Лафонтеном: шутками и звериным языком говорил правду. Подобно шуту Балакиреву, который был при Петре Первом, я благодетельствовал России, кривлялся и корчился. Я пел петухом, пробуждал сонливых, угомонял буйных врагов отечества». Обратившись к Егору Борисовичу Фуксу, он прибавил: «Запиши это для истории».

Александр Васильевич при небывалой загруженности находил время для написания ироничных и острых стихов разивших наповал тех, кто пытался примазываться к чужой славе или мнил себя выдающейся личностью, приписывая себе незаслуженное. Эти строки мгновенно передавались из уст в уста, обсуждались в армейской среде или на великосветских раутах. Екатерина Великая не понаслышке знала слог фельдмаршала и хвалила его придворным: «Не нам учить Суворова писать. У гения свой полёт и своё перо». Некоторые сослуживцы даже называли его величайшим поэтом. К подобным комментариям Суворов был равнодушен и обычно заявлял очередному хвалителю: «Извини, поэзия – вдохновение; а я складываю только – вирши». Всесильный и проницательный князь Потёмкин сразу же

уловил иронию и сарказм, казалось бы, в безобидном мадригале в свой адрес:

Одной рукой он в шахматы играет,
Другой рукою он народы покоряет,
Одной ногой разит он друга и врага,
Другую топчет он вселенны берега.

Однажды, когда Суворов в очередной раз проявил свой независимый нрав перед Светлейшим, ему, после величайшей победы, всего-то было позволено по своему усмотрению наградить одного человека крестом Святого Георгия III степени. Обычно командующие такого уровня самостоятельно составляли списки награждённых, где упоминались десятки и даже сотни фамилий отличившихся. А здесь речь шла о победоносном штурме такой неприступной крепости, как Измаил, где, по словам Суворова, с крестом в руке священника, с распущенными знамёнами и с громогласною музыкою была одержана заслуженная победа. К удивлению всех, князь Григорий Потёмкин на эту величайшую победу отреагировал весьма сдержанно. Ходатайствуя перед Екатериной II, он предложил императрице произвести Суворова в подполковники того лейб-гвардейского полка, где она сама была полковником. К тому времени Александр Васильевич должен был стать уже одиннадцатым подполковником Преображенского полка, что само по себе снижало ценность этого почётного звания. Награждение единственным «Георгием», по замыслу Светлейшего, должно было урезонить строптивого полководца.

[52] После взятия Измаила воинами-богатырями Суворова на военном совете стал рассматриваться вопрос о единственном награждении за взятие неприступной крепости. В ответ на единогласную просьбу к Суворову принять крест, последовал аргументированный отказ: «Помилуй Бог, где же нам заслуживать это? А вот, господа генералы и офицеры, я имею человека, так это действительно герой. Этот человек храбро написал мне бумагу: идти на штурм! А я-то что? Я только подписал!»

Совет в ужасе замер от этой неслыханной дерзости: неужели имелся в виду сам Светлейший князь Потёмкин, отдавший приказ: во что бы то ни стало захватить крепость?! Но Суворов надел крест на своего письмоводителя Ивана Онуфриевича Куриса. Императрице донесли об этой выходке, Екатерина долго смеялась, а потом щедро наградила как самого воинского начальника, так и всё его войско, поскольку, по свидетельству современников, считала, что Александр Васильевич один стоит целой армии.

В ту пору все начальствовавшие армиями получали в мирное время «на кормление» генерал-губернаторские посты, у Суворова также велено было спросить, какие губернии он пожелает. Ответ его был отрицательный: «Я знаю, что матушка-царица слишком любит своих добрых подданных, чтобы мною наказать какую-либо свою провинцию».

Между прочим, сам Потёмкин за эту победу был награждён мундиром фельдмаршала, расшитым алмазами, стоимостью в 200 000 рублей; Таврическим дворцом; в честь него в Царском селе возвели обелиск.

Понял намёк Светлейший или нет – история об этом умалчивает – зато известно: несмотря ни на что для Суворова Григорий Потёмкин оставался своим – русским человеком, покровителем и благодетелем. Когда его не стало, как и самой матушки-императрицы, на время пришлось расстаться с войсками.

РЕЦЕНЗИИ

РЕЦЕНЗИЯ

на книгу М. М. Рябия «Пока душа ещё жива...»

Штрихи к творческому портрету Дмитрия Мизгулина.

Исследования о поэтах здравствующих – явление не такое уж частое, если учитывать то обстоятельство, что это совсем не та критика, которая откликается на чьё-либо творчество, руководствуясь симпатией или антипатией, иногда связанной с групповыми вкусами, а то и политическими моментами. Хотя сам автор в начальной главе под названием «Вместо предисловия» пытается разговаривать с читателями от имени критика: «Наконец, если усилия критика помогут приоткрыть занавес, за которым скрыт писательский мир, вызовут интерес к нему и подтолкнут читателей к дальнейшим размышлениям, то уже ради одного этого миссию спутника писателя – критика – можно назвать успешной!»

Вероятно, именно такая маска и невозможное при этом для чопорного стиля научного исследования местоимение «я», вместо общепринятого «мы», дают возможность Михаилу Михайловичу приблизить к себе аудиторию.

На самом деле автор книги – самый настоящий исследователь. В круг научных интересов М. М. Рябия входит история русской литературы, творчество современных писателей, литературное краеведение.

Михаил Михайлович – автор многочисленных статей и таких книг, как «Да чисто русская Россия пред нами явится видней»: от любомудрия к славянофильству» (2007), «В пути я вновь»: о жизни и творчестве В. Михайловского 2013, «Объяснение в любви»: литературно-критические статьи, заметки, исследования (2014).

О Дмитрии Мизгулине он написал не одну статью, а в 2015 году выпустил книгу «При свете ночника. Размышления о публицистике и поэзии Дмитрия Мизгулина». Новая исследовательская работа является продолжением изучения творчества любимого поэта.

Книга «Пока душа ещё жива...» доступна широкому кругу читателей, прежде всего простотой изложения материала. Автор весьма скупно использует терминологический аппарат, но при этом не избегает литературоведческих понятий. Например, целый параграф он посвящает образу лирического героя («Лирический герой»), отделив его от автора. В отдельных главах, вчитываясь в поэтические строки, пытается донести образный строй его поэзии.

Книга выстроена по хронологическому принципу: от знакомства с детством поэта к важным жизненным этапам и мировоззренческим сдвигам. Это и переезд в Ленинград для учёбы в вузе, и служба в армии в Закавказье, и учёба в литературном институте в Москве, наконец, поездка на Афон.

Творческая биография Дмитрия Мизгулина связана со страницами истории современной литературы. В третьей главе «Ленинград – это судьба» даётся характеристика литературного объединения, которым руководила Наталья Иосифовна Грудинина (к ней он попал, уже учась в институте); отношения к начинающим поэтам ленинградских мэтров и чиновников от литературы. В пятой главе «Живя в эпоху перемен» воссоздано время, когда Дмитрий учился в литинституте (80-х – начало 90-х годов XX века), раскрывается отношение писателей к переменам в стране и к литературному наследию. Здесь же Михаил Михайлович рас-

смачивает литературоведческие и публицистические статьи Мизгулина, проясняя его идеологическую позицию: «Результат “западничества” мыслящей России привёл к такому опустошению в Отечестве, как если бы оно “подверглось иноземному завоеванию”».

Главы сочетают в себе различные методы изучения материала: в одних параграфах автор даёт обобщённую картину творческого периода поэта, накладывая его на исторические события, в других он детально останавливается на отдельном произведении. Таков параграф «Иероглиф», где стихотворение «Суворов» включает не только литературоведческий анализ, но и исторический. Благодаря этому мизгулинский Суворов, по мнению М. М. Рябия, становится символом отношения поэта ко времени, а также вневременным образом гениального русского человека, не услышанного властью. Именно такой подход пробуждает интерес современников к этой личности.

В основе же самого исследования – эволюция тем, мотивов и образов, которые меняются, приобретая новую семантику и коннотации.

Важно и то, что в книге уделяется внимание не только поэзии, но и прозе. Ей посвящена отдельная глава – «Армейские рассказы Дмитрия Мизгулина». Здесь писатель, по мнению исследователя, проявляет незаурядный талант, и доказательством тому является анализ с привлечением антропонимических изысканий.

Особо следует отметить главу «Афон», в ней автор, чтобы рассказать о духовном прозрении своего героя, находит необходимый тон и стиль. Здесь происходит погружение в совершенно другой мир, который как бы парит между земным и небесным. Рассказывая о «физическом» и духовном путешествии Мизгулина, М. Рябий находит возможность для исторических экскурсов и параллелей с современностью.

Глава эта важна и для обрисовки его героя, но главное – понимание его произведений. Всем ясно, что поэзия – часть

духовной деятельности человечества, но поэзия, говорящая о душе и Боге, духовна в полном смысле этого слова.

Книга о творчестве Мизгулина заканчивается главой с вполне закономерным названием «Дорога продолжается». В ней автор подводит итоги: он называет поэзию Мизгулина философичной, аналитичной и мессианской: «Бренность и вечность переплетаются в каждом из нас, но только художники-пророки смогут объяснить эту взаимосвязь, как высшую гармонию, дарованную свыше... Это не просто проекция небесного на земное... Заповедные духовные мысли, как ступеньки лестницы, устремлённой с грешной земли за облака в горный мир...»

Подготовленная к изданию книга М. М. Рябия представляет собой опыт интересного многоаспектного исследования, ценность и востребованность которого у читателей не вызывает сомнений.

Наталья Николаевна Щербакова,
доктор филологических наук,
профессор Омского государственного
педагогического университета

РЕЦЕНЗИЯ

на книгу М. М. Рябий «Пока душа ещё жива...»

Штрихи к творческому портрету Дмитрия Мизгулина

Философская мысль – и, прежде всего, русская, уж так сложилось, – развивалась в лоне литературы. Начиная со «Слова о законе и благодати» митрополита Илариона (XI век), и далее к Л. Н. Толстому, Ф. М. Достоевскому, И. Ф. Тютчеву. А разве не таят в себе философские идеи произведения А. С. Пушкина, Е. А. Баратынского, Д. Веневитинова или А. П. Платонова и М. А. Булгакова? Разве не философичен А. Блок, Н. Заболоцкий? Да и отцы славянофильства – И. В. Киреевский и А. С. Хомяков, начинали как литераторы, с которых, по сути, и зародилась отеческая философия.

Многие наши писатели – люди мыслящие и мыслящие оригинально. Это касается и наших современников. Об одном из них написана книга М. М. Рябий «Пока душа ещё жива...». Она посвящена творчеству Дмитрия Мизгулина, который представлен в книге и как поэт, и как публицист, и как прозаик. Во всех этих ипостасях он выражает философский взгляд на мир либо через поэтические образы – в поэзии, либо через сюжет – в прозе, или прямо – в публицистике.

Уже в раннем стихотворении «Суворов» («Иероглиф») Михаил Михайлович представляет расшифровку стихот-

ворения, пускаясь в лабиринты истории, обнаруживает историософскую концепцию личности героя, созданную поэтом.

В пятой главе «Живя в эпоху перемен» автор исследования обращает внимание на полемику времён перестройки в среде литераторов, особенно на статьи тогдашнего студента-заочника литературного института, Д. А. Мизгулина. Цитируемые автором названия его статей показывают, во-первых, интерес поэта к писателям-философам, толковавшимся (подчас превратно) советскими литературоведами: к Ф. И. Тютчеву («Политическая лирика Ф. И. Тютчева»), Н. С. Лескову («Два рассказа на один сюжет»), философу-славянофилу А. С. Хомякову («Предсказатель»). Во-вторых, у Мизгулина-публициста явно выражено неприятие философско-политической позиции Николая Бердяева («Парадоксы Бердяева»), а также идеологических установок советских писателей, таких как В. В. Маяковский («Трибун серебряного века») и А. М. Горький («Очень своевременная книга»).

М. М. Рябий отмечает, что все статьи Д. А. Мизгулина «невелики по объёму, едины по своей направленности, идейному содержанию и пафосу. В них раскрывается ещё одна грань таланта Дмитрия Александровича – умение анализировать идейно-философские установки эпохи и художественные произведения, отражающие её дух; глубокое и самостоятельное прочтение философских произведений, смелое обобщение социально-исторических тенденций и литературных фактов».

Исследователем отмечается принципиальность Дмитрия Мизгулина в вопросе о зарождении идеологии революции в России, как явления, привнесённого с запада и поддержанного западниками, что привело в результате к опустошению нашего государства.

Автор книги констатирует: поэзия Мизгулина аналитична и философична, поскольку «...автор не просто раскрывает свои чувства, переживания, сомнения,

но и анализирует, философствует, делает выводы», на что красноречиво указывают афористические концовки стихотворений.

М. М. Рябий указывает на то, что ряд мотивов, которые использует поэт, являются философемами. Это – мотивы памяти, времени, судьбы. Мотив времени, связанный, с одной стороны, с образами краткосрочности жизни, изменчивости мира; с другой, – выступает всеобщим ограничителем, «аналогом смерти, а лирический герой пытается разорвать эти границы с помощью памяти». Остановить время Мизгулину помогает, по мнению исследователя, православная вера. Анализируя стихотворение «В храме Фёдора Стратилата» (1991), он пишет: «Что не удаётся простому смертному, <...> доступно святому, потому что предавшийся без остатка Богу, вместе с ним переходит в вечность. А для вечности ни временных, ни пространственных границ не существует!»

Христианское вероучение, которое стало для многих русских философов основой для формирования их собственных систем, по мнению М. М. Рябия, помогает поэту из хаоса исторических событий и судеб создать собственный космос. Он является мерилom человека и его деяний. Мысль эта обозначена в концовке одного из рассказов Дмитрия Мизгулина «Характер», где автор книги-исследования делает вывод: «Прочитав рассказ, задумываешься: для чего-то всё-таки Природа отпустила нас на этот свет? Неужели для проверки каждой личности на пробу?..

Имеет ли какое-то значение то, как проживает свою жизнь человек во вселенском смысле? А что тогда имеет значение? Этим, подразумеваемым вопросом и оканчивается рассказ, а смысл его продолжает доходить до нас, читателей, как свет далёкой звезды, давно прекратившей своё существование во Вселенной...»

На наш взгляд, Михаил Михайлович в исследовании, не претендующем на тотальный охват вопросов изучения творчества Д. А. Мизгулина, сосредоточившись на глубо-

ком анализе поэтики его произведений, сумел ярко раскрыть идейно-художественный аспект его произведений и эволюцию нескольких периодов творчества.

Таким образом, исследовательская работа М. М. Рябия «Пока душа ещё жива...» (Штрихи к творческому портрету Дмитрия Мизгулина) будет востребована широким кругом читателей, прежде всего, как аналитический научно-популярный труд, где авторские размышления, несомненно, представляют собой определённый интерес.

Виктория Лезьер,
доктор философских наук, профессор,
Президент образовательной некоммерческой
ассоциации «Центр культуры и познания»
г. Бринель, Франция

Ода Мизгулину

Господи! Стишок Мизгулину,
 пожелаю ему добра
 и посвящаю загогулину
 резвым раскатым пера.

Жидкому как мёд всё везе
 в пятидесятых сибирских лет
 человек извещуши, стоящий
 и высветился — поэт!

23/11-011. Гребенюк?

Рябий Михаил Михайлович родился 22 ноября 1954 года в городе Комсомольске-на-Амуре Хабаровского края.

Окончил филологический факультет Комсомольского-на-Амуре государственного педагогического института (1976). Кандидат филологических наук (1993).

Автор более 160 публикаций, в их числе статей о творчестве писателей. Автор книг по литературоведению и критике.

Почётный работник высшего профессионального образования Российской Федерации.

Член Союза писателей России.

Лауреат Всероссийских литературных премий в номинации «Литературоведение».

Награждён почётным знаком и медалью «За заслуги перед малочисленными народами».

Работает преподавателем в Николо-Сольбинском монастыре.

Все в мире нормальны
~~Все в мире на~~

Ирина
 Чирявцев уезжа
 по телефону на
 кар вернувшись
 кар отпустил
 в виде стихов.
 Мизгулину уез
 тает в воде

II
 Раст в России
 кар земля
 Серьёзные сти
 Чирявцевой
 тает в д/с

Письмо Глеба
 Горбовского
 Дмитрию
 Мизгулину.

ОГЛАВЛЕНИЕ

**Вместо предисловия:
размышление****о личности художника в зеркале критики** _____ 6**Глава 1.**

Автор, его образ и биография _____ 15

Глава 2.

Многоуважаемый книжный шкаф

В заполярном городе _____ 28

Начало марафона _____ 47

Физик или лирик? _____ 57

Глава 3.

Выбор пути

Ленинград – это судьба _____ 65

Иероглиф _____ 79

Напечатанное слово _____ 93

Прага _____ 100

«А душа?.. _____ 106

Глава 4.

Армейские рассказы Дмитрия Мизгулина

«Скука мне не грозила...» _____ 124

Самые обычные люди _____ 127

«Нынче вспоминать это без смеха
почти невозможно. Но тогда...» _____ 132

Характер или судьба? _____ 141

«Друзья мои! Что с вами ныне?» _____ 150

Глава 5.

«Живя в эпоху перемен...»

Литературный институт, или Горький
против Горького _____ 160

Вот она, желанная свобода _____ 179

О лирическом герое _____ 196

Глава 6.

Обыкновенное в необыкновенном

О друзьях-товарищах _____ 205

А что любовь? _____ 221

Глава 7.

Афон _____ 233

Случайная встреча _____ 235

Что такое Афон _____ 244

Афон как русская святыня _____ 256

Русский след _____ 266

Глава 8.

Дорога продолжается _____ 279

Литературно-художественное издание

Рябий Михаил Михайлович

«Пока душа ещё жива...»

Штрихи к творческому портрету Дмитрия Мизгулина

Некоммерческое издание

Редактор Валентина Рыбакова
Вёрстка, дизайн – Анастасия Евменова
Корректор В. А. Неёлова

Подписано к печати 20. 08. 2020. Формат
Бумага «Колор Файн». Печать офсетная,
гарнитура «PT Serif». Печ. л. Тираж 500
Заказ .

Отпечатано в типографии «Любавич»
Санкт-Петербург, ул. Менделеевская, 9
Телефон/факс: 8 (812) 603-25-25, 8 (812) 333-96-06